АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ современного империалистического ГОСУДАРСТВА

На XXIV съезде КПСС отмечалось, что «мы живем в условиях неутихающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства». В организации этой пропаганды значительную роль берет на себя само капиталистическое государство, создавая, в частности для этих целей, особый пропагандистский аппарат. Как в экономике, так и в идеологической сфере происходит соединение силы монополий с силой государства.

Предмет настоящей работы — идеологическая функция империалистического государства. На примере основных капиталистических стран — США, Англии, Франции, ФРГ — раскрывается содержание этой функции, направленной на идеологическое подавление масс внутри страны и активизацию идеологической борьбы с миром социализма вовне, рассказывается, как организован идеолого-пропагандистский аппарат современного капиталистического государства.

В книге сохранена структура предыдущих работ этой серии: за общим разделом, дающим характеристику идеологической деятельности современного империалистического государства, следуют страноведческие разделы, посвященные четырем названным выше странам.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ современного империалистического ГОСУДАРСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1972

Эта книга — пятая в серии книг «Современное империалистическое государство», подготовленной Институтом государства и права АН СССР. Первая из них — «Империалистическое государство и капиталистическое хозяйство» вышла в 1963 г.; «Партии в системе диктатуры монополий» и «Конституционный механизм диктатуры монополий» — в 1964 г.; «Карательные органы современного империалистического государства» — в 1968 г.

Книгу «Идеологическая деятельность современного империалистического государства» подготовил коллектив авторов:

доктор юридических наук И. Д. Левин, кандидат юридических наук В. П. Ерошин, доктор юридических наук В. А. Туманов — раздел I;

кандидат юридических наук Л. Б. Волков, кандидат юридических наук В. Г. Каленский — раздел II;

кандидат юридических наук Н. С. Крылова — раздел III;

кандидат юридических наук Е. Ф. Леонюк — раздел IV;

кандидат юридических наук И. А. Ледях, кандидат юридических наук Ю. П. Урьяс — раздел V.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

доктор юридических наук *И. Д. ЛЕВИН*,

доктор юридических наук *В. А. ТУМАНОВ*

1-11-5
200—1972

Раздел I

К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава I

Вводные замечания

Изучение идеологической деятельности современного буржуазного государства предполагает необходимость уяснить содержание понятия идеологии вообще, а также рассмотреть особые аспекты идеологии, которые непосредственно связаны с деятельностью государства. Отграничить такие аспекты, составляющие политическую идеологию в собственном смысле, важно ввиду чрезвычайно широкого объема понятия «идеология».

В самом деле, идеологическая надстройка общества охватывает философию, науку, мораль, право и правосознание, религию, искусство и литературу — все мировоззренческие проблемы, всю духовную жизнь общества во всем разнообразии классовых, социальных, групповых и индивидуальных особенностей. Взаимоотношения идеологии в этом широком смысле с государством, т. е. с политической надстройкой, крайне сложны, выходят далеко за пределы проблемы идеологической деятельности как функции государства. Идеология в широком смысле — продукт многочисленных влияний и воздействий, непосредственных и опосредствованных, со стороны экономического базиса, государственной надстройки, социальной психологии и политической истории и т. д.; она содержит в себе и многочисленные отложения минувших эпох и формаций. Взаимоотношения идеологии и государства отнюдь не односторонни: государство сознательно и преднамеренно влияет на формирование, закрепление и распространение определенных аспектов идеологии или использует их в своих интересах (например, религиозные представления), идеология же оказывает влияние на структуру, приемы и формы деятельности государства, его политику и цели. Под влиянием определенной идеологии находятся не только управляемые, но и правящие. В этом смысле каждое государство в своей деятельности само ограничено определенной идеологией, а именно идеологией правящих классов, а также теми идеологическими представлениями, которые настолько глубоко укоренились в сознании широких масс, что правящие круги не рискуют их игнорировать, чтобы не поставить под удар собственное господство.

Политическая идеология — это система взглядов, обосновывающих общеполитическую линию какого-либо класса или соци-

альной группы внутри данного класса. Ее основные составные части следующие:

1. Известные (зачастую неверные или даже заведомо искаженные) представления о существующем общественном и государственном строе.

2. Оценка существующего строя с точки зрения интересов данного класса или социальной группы.

3. В том случае, если оценка отрицательная, идеология включает и модель более совершенного устройства; если же оценка существующего строя положительная, то идеология включает критику или отрицание любой такой модели. При этом понятие положительной оценки экономического, общественного и государственного строя охватывает любое принципиальное его принятие, даже если оно сопровождается некоторыми оговорками, например предложением частичных «улучшений».

4. Известная общая программа действий или мероприятий, либо направленных на создание этого лучшего устройства, либо рассчитанных на сохранение и укрепление существующего социального и государственного устройства (включая, быть может, некоторые его частичные улучшения).

5. Подход к названным выше проблемам в аспекте международных отношений, т. е. прежде всего с учетом борьбы и мирного сосуществования различных социально-политических систем.

Именно в отношении идеологии в узком смысле и ставится конкретный вопрос: как правящие классы используют государство в качестве орудия формирования, насаждения и внедрения идеологии в целях поддержания и укрепления капиталистического строя, политического господства монополий, механизма государственной власти.

Конечно, между идеологией в этом узком смысле, т. е. политической идеологией, и идеологией в широком смысле, включающей всю духовную культуру общества, нельзя провести точную и резкую грань. И все же, когда речь идет о буржуазном государстве, известные условные грани должны быть проведены, для того чтобы точнее определить характер идеологической функции государства. Иначе можно впасть в чрезмерно расширительное, не соответствующее объективному положению вещей толкование этой функции. Капиталистическое государство непосредственно участвует в формировании и особенно в пропаганде политической идеологии или отдельных ее частей. Что же касается духовной культуры в целом, в том числе и того, что можно назвать дальними и ближними подступами к политической идеологии (философия, социология, теория права), то здесь положение является более сложным. Духовная культура буржуазной демократии (речь не идет сейчас о фашистском государстве) с ее классовыми и групповыми антагонистическими и неантагонистическими противоречиями неизбежно имеет плюралистический характер,

тогда как государственная власть, вопреки известным теориям буржуазных политологов, была и остается монистической, и такой же является в каждый данный момент исповедуемая и проповедуемая ею политическая идеология. Поэтому отношения между политической идеологией и различными элементами духовной культуры и, в частности, ее мировоззренческими аспектами, отнюдь не однозначны. И это объясняется не только стихийными процессами в области культуры, но и тем, что правящие классы буржуазно-демократического государства, вообще говоря, и не заинтересованы в «прикреплении» своей политической идеологии к какому-либо одному мировоззрению, что заранее ограничило бы сферу ее распространения. Так, если исходить из наличия трех основных типов мировоззрения: религиозного, метафизического и научного (или псевдонаучного), то можно сказать, что главные принципы буржуазного строя, определяющие идеологию буржуазно-демократического государства, обосновываются и религиозными представлениями (христианская демократия), и метафизическими (теория естественного права и т. п.), и псевдонаучными.

Неразрывная органическая связь политической идеологии с общим мировоззрением, построенным на научной основе, и их единство, совпадение идеологии в широком смысле с политической идеологией в узком смысле характерны лишь для пролетариата, а вернее, для его авангарда, который достиг полного классового самосознания и в своей политической деятельности всегда имеет перед собой конечную цель — революционное преобразование всего общественного строя. Наличие такой идеологии не исключает, как известно, союза с другими классами, в сознании которых политическая идеология социализма часто не связана или гораздо слабее связана со всеобъемлющим марксистско-ленинским обоснованием. Что же касается буржуазии, то она уже давно отказалась от единой и цельной идеологии, органически объединяющей политическую идеологию с общими проблемами мировоззрения. Даже и наиболее законченные и цельные буржуазные доктрины в прошлом — идеология революционной буржуазии Франции и США в конце XVIII в.— были далеки от подлинной цельности и законченности.

Возвращаясь к буржуазной идеологии в широком смысле, можно вывести такую закономерность: чем менее однозначна связь того или иного элемента идеологии в широком смысле с политической идеологией, тем относительно менее значительна регулирующая роль буржуазного государства в деле формирования и распространения (или торможения формирования и распространения) этого элемента идеологии.

Вместе с тем по мере усиления идеологической деятельности капиталистического государства вырисовывается и еще одна тенденция — стремление охватить своим воздействием и более даль-

ние подступы к политической идеологии. Сфера идеологической деятельности все более расширяется, стремясь охватить самые различные аспекты общественного и индивидуального сознания, хотя цель при этом состоит прежде всего в упрочении и защите политической идеологии капитализма.

Укрепление влияния собственной политической идеологии и подрыв влияния политической идеологии противника внутри своей страны и за ее пределами — такова сущность идеологической деятельности капиталистического государства.

Всякая идеологическая деятельность имеет два основных аспекта. Первый — выработка определенных установок, представлений, принципов, требований, т. е. всего того, что составляет содержание идеологии как теоретического самосознания классов, слоев, социальных групп. Второй — предметно-практическая деятельность, т. е. воздействие на общество и человека, направленное влияние на сознание с целью утверждения тех взглядов, установок, требований, которых придерживается сторона, осуществляющая идеологическую деятельность. Такая деятельность может выражаться также и в чисто негативных формах, т. е. как запрещение и недопущение определенных взглядов и определенного мировоззрения.

Некоторые западные, особенно американские, авторы нередко подменяют понятие «идеологическая деятельность» понятием «психологическое воздействие». Такая тенденция связана как с широким распространением концепций «деидеологизации», так и с тем, что, ощущая явный недостаток действенных идеологических лозунгов высокого звучания, пропагандистская машина США придает все большее значение психологическому воздействию на эмоции людей. В сфере международных отношений этому переносу центра тяжести с идеологического на психологическое воздействие соответствует стремление превратить идеологическую борьбу в психологическую войну [1]. Некоторые буржуазные социологи трансформируют в этой связи само понятие идеологии, сводя ее лишь к совокупности символов, которыми можно манипулировать в определенных целях.

Несомненно, что идеологическая деятельность тесно сопряжена с психологическим воздействием; она оказывает влияние не только на разум, но и на эмоции людей, вызывая определенные чувства и настроения. Несомненно также, что в своей идеологической деятельности государственные и иные органы стремятся учитывать психологические особенности различных социальных групп. Так, при организации идеологических акций среди молодежи учитывается ее сравнительно большая, чем у других слоев населения, эмоциональность. Тенденция выдвинуть на первый

---

[1] Подробнее см.: Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Политиздат, 1970, стр. 167 и сл.

план стремление играть на эмоциях, предрассудках, предубеждениях — одно из свидетельств кризиса идеологии империализма. Это — разительная перемена по сравнению со взглядами молодой революционной буржуазии, апеллировавшей к разуму и интеллекту.

Когда мы говорим об идеологической деятельности государства, речь идет преимущественно о втором аспекте — об идеологической деятельности в смысле распространения и внедрения определенных представлений и установок, способствующих сохранению капиталистической системы и господства монополий. Однако государство далеко не безразлично и к процессу выработки и развития идеологии вообще и политической идеологии в особенности. В наиболее общем плане его роль заключается в закреплении условий функционирования тех сфер общественной жизни (наука, образование, печать и др.), где процесс выработки теоретико-идеологических представлений, направляющих этот процесс, особенно интенсивен. Здесь существенна как откровенно негативная, запретительная деятельность, так и скрытая негативная деятельность, хотя и не запрещающая прямо неугодную властям деятельность, но ставящая ее субъекта перед перспективой неблагоприятных последствий — финансовых, политических, служебных и др.

Роль государства в выработке идеологии выражается и в том, что оно в лице стоящих у власти политических и партийных сил дает социальный заказ на разработку более или менее новых идеологических лозунгов и программ, обновление старых и т. д. Чем больше роль идеологической борьбы в жизни общества и на международной арене, тем больше и число такого рода социальных заказов. Хотя исполнителями этих заказов, как правило, являются не государственные органы, а формально независимые группы лиц, образующие соответствующий «мозговой центр», тем не менее видна тенденция к институционализации таких центров и включению их ведущих представителей в верхушку государственного аппарата (например, назначение на пост советника при президенте США У. Ростоу, А. Шлезингера и др.). Официальному принятию в США доктрин «сдерживания», «освобождения», и «наведения мостов» предшествовала теоретическая разработка, в которой принимал участие ряд научных учреждений и влиятельных идеологов, подобных Д. Кенану, Дж. Бернхэму, З. Бжезинскому. В ФРГ официальный агрессивный курс непризнания и «поглощения» ГДР был разработан профессором Хальштейном, по имени которого и названа официальная правительственная доктрина ФРГ.

В широком смысле цель идеологической деятельности буржуазного государства состоит в апологии существующего общественно-политического строя. Более узкий аспект этой деятельности связан с обслуживанием политики данного правительства

и представляемой им политической партии или блока партий. При этом, однако, всегда была налицо тенденция к формированию единой официальной политической идеологии государства, которая наиболее полно отражает взгляды и интересы стоящих у власти кругов монополистической буржуазии и их политических партий. Государственная идеология выражается в политической доктрине империалистического государства. Последняя официально закрепляется его высшими органами власти или провозглашается руководителями государства. Она служит обоснованием политического курса государства. Официальная государственная идеология — это своего рода «равнодействующая», отражающая расстановку буржуазных политических сил, характер и остроту противоречий внутри страны и на международной арене.

При безраздельном господстве одной политической партии ее политическое кредо — иногда в несколько смягченном виде — становится основой официальной государственной идеологии. Самостоятельность и известная стабильность этой официальной идеологии тем больше, чем меньше идеологические расхождения между конкурирующими партиями. При коалиционных правительствах (когда речь идет о коалиции примерно равных по силе партий) использование государственных каналов для пропаганды особых идеологических установок правительственных партий несколько сокращается на основе открытого или молчаливого соглашения между партиями. К тому же коалиция такого рода по существу означает отказ партий (и в первую очередь реформистской партии) от этих особых установок. Государство проводит и обосновывает ту среднюю линию, на которой сошлись руководители коалиционных партий, игнорируя настроения и убеждения значительной части членов и функционеров партий, не говоря уже об избирателях, подавших свои голоса за определенную, ныне выброшенную за борт политическую программу.

Тот факт, что конкурирующие партии, приходя к власти, используют буржуазное государство и различные его каналы для пропаганды своей идеологии, проведения политики, соответствующей этой идеологии, и идеологического обоснования проводимой политики, не означает, что со сменой партий у власти меняется и вся государственная идеология. «Министериальные» партии в буржуазном государстве имеют достаточно много общего в идеологии, и это обеспечивает преемственность в идеологической деятельности государства. Таким образом, можно говорить о каком-то постоянном ядре политической идеологии буржуазного государства. Сюда относятся такие элементы, как признание капиталистической системы и капиталистической собственности в качестве основной формы собственности, парламентского строя с многопартийной системой при достаточной мере независимости исполнительной власти и ее аппарата, активный антикоммунизм,

национализм, неоколониалистская политика в отношении стран «третьего мира». Если же из этого перечня исключить парламентаризм и приставку «нео» к колониализму, то получится ядро политической идеологии, общее для всех буржуазных государств — как буржуазно-демократического, так и фашистского типа.

Это постоянное ядро политической идеологии сохраняется при любой смене партий у власти. Более того, в тех частях государственного механизма, где важно сохранить преемственность и единство идеологии (армия, школа), или в тех, которые должны быть поставлены вне игры партий (например, государственное радиовещание), этим перечнем и исчерпывается вся официальная политическая идеология. Дополнения или нюансировка, вносимые отдельными партиями в политическую идеологию государства, не затрагивают этой части государственного механизма.

Дополнения и нюансировка составляют «переменную» часть государственной идеологии. В них находят свое выражение особые черты идеологии отдельных партий, сменяющих одна другую у кормила правления, а следовательно, и частичные расхождения, существующие между буржуазными партиями. Речь идет о таких вопросах, как национализация тех или иных отраслей тяжелой промышленности и транспорта или отказ от национализации, большее или меньшее развитие социальных служб; расхождения между отдельными партиями по вопросу о взаимоотношении государства и церкви, о светском или религиозном образовании, об отношении к надгосударственным объединениям и т. д.

Впрочем, то, что сегодня является лишь нюансировкой, завтра может перейти в новое качество и стать постоянным в государственной идеологии. В свое время «новый курс» Ф. Рузвельта, программы его первой легислатуры выглядели как нюансировка официальной идеологии США и рассматривались даже как временные, преходящие меры. Сейчас идея государственного вмешательства уже утратила такой характер и стала постоянной в официальной идеологии. И хотя избирательные кампании еще ведутся под господствовавшим некогда лозунгом «меньше правительства в бизнесе, больше бизнеса в правительстве», в государственной идеологии первая часть формулы не находит отражения даже тогда, когда у власти оказывается республиканская партия. Что касается второй части формулы, то она не вызывала и не вызывает принципиальных возражений ни у республиканцев, ни у демократов, ни у консервативных защитников свободы предпринимательства, ни у сторонников государственного регулирования.

Необходимой предпосылкой уяснения масштабов и роли идеологической деятельности капиталистического государства, ее места среди других направлений деятельности этого государства является критическая оценка широко распространенной ныне в

буржуазном мире, и особенно в США, теории «деидеологизации общества», провозгласившей «конец идеологии». Среди многих функциональных нагрузок, которые несет на себе эта теория[2], существенно и ее стремление в смещенном свете представить идеологическую деятельность капиталистического государства.

«Падение» роли идеологии приписывается ряду причин и факторов, которые слабо связаны между собой и в общем могут быть сведены к следующим:

1) растущий политический и идеологический индифферентизм широких народных масс;

2) «прагматизация» политических партий, руководствующихся в своей политике не идеологическими, а прагматистскими соображениями;

3) возрастание в развитом «индустриальном обществе» роли строго научного знания, якобы несовместимого с оценочными идеологиями; на этом основании делается вполне оценочный вывод о положительном значении процесса «деидеологизации».

Что касается первых двух причин, то, хотя в их подтверждение обычно ссылаются на ряд фактов, характеризующих послевоенную социальную жизнь развитых индустриальных стран (частичное вытеснение интереса к политике телевидением, кино и спортом и т. п.), однако, во-первых, эти факты истолковываются неправильно и, во-вторых, не учитываются факторы, действующие в прямо противоположном направлении.

«Прагматизация», «деидеологизация» политики связывается с относительной стабильностью внутреннего положения в некоторых крупных капиталистических странах, с отсутствием в них революционной или предреволюционной ситуации. Но если даже признать такую относительную стабилизацию в некоторых странах в отдельные периоды (т. е. в локальном масштабе), то, во всяком случае, нельзя упускать из виду общую глобальную и перспективную неустойчивость капиталистического мира в целом, порождающую повсюду состояние тревоги, глубокого недовольства (не говоря уже о бедности и нищете даже в наиболее богатых странах, о перманентных расовых и национальных конфликтах, классовых боях трудящихся и студенческих волнениях во Франции, США, Японии, ФРГ, Италии). Угроза термоядерной войны, кризис капитализма, становление и развитие социалистической системы на огромной части земного шара, крах колониальной системы, борьба «третьего мира» за полное освобождение, опасения, связанные с автоматизацией в условиях капитализма,— все это не может не питать постоянного брожения в умах как интеллигенции, так и широких масс населения даже в периоды относительного «благополучия». «Попытки капитализ-

---

[2] Подробнее см.: «Современная буржуазная идеология в США». Изд-во «Мысль», 1967, стр. 3 и сл.

ма приспособиться к новым условиям не ведут к его стабилизации как общественной системы. Общий кризис капитализма продолжает углубляться. Государственно-монополистическое развитие ведет к обострению всех противоречий капитализма, к подъему антимонополистической борьбы»[3].

Если и можно с оговорками признать «прагматизацию» тактики буржуазных (и особенно реформистских) партий и организаций, то в сфере их стратегии, рассчитанной на глобальные масштабы и более длительный срок, идеологические моменты отнюдь не утратили своего значения. Это выражается в таких фактах, как разработка идеологии антикоммунизма, социально-политической доктрины католицизма, теории «оформленного общества», «великого общества», «государства благоденствия», «народного капитализма», «общества потребления» и т. п.

Нельзя также забывать, что прагматизм, возведенный в принцип, отказ от идеологии — тоже идеология, причем консервативная. Проповедь «деидеологизации» — новая форма идеологической борьбы против марксизма, означающая принятие и признание существующего капиталистического строя как нормального, наилучшего из возможных и не подлежащего никаким глубоким преобразованиям. Сторонники «деидеологизации» хотели бы снять с повестки дня требования социальной революции или даже структурных реформ (такой характер «антиидеологии» признают и немарксистские авторы, подобные Г. Маркузе или Т. Адорно). Отказ от идеологии теоретически «обосновывается» отрицанием диалектики развития и вообще всякой исторической закономерности или всякого рода новыми концепциями исторической закономерности либо стадий развития, оправдывающими именно политический прагматизм, или, наконец, метафизическими либо богословскими учениями о природе человека, о незыблемых социально-этических ценностях и т. п.

Тезис о том, что отказ от идеологии — тоже идеология, убедительно подтверждается политикой правой социал-демократии, для которой этот отказ по существу означал рецепцию буржуазной идеологии, отказ от социалистического идеала и даже от реформистского пути к социализму. И в то время, когда правые социал-демократы отказываются от социализма, буржуазные идеологи открыто берут под защиту систему свободного предпринимательства либо проводят апологию современного капитализма как «народного» капитализма, либо, наконец, заодно с правыми лидерами социал-демократии объявляют современный капитализм смешанной экономикой, совмещающей капиталистические и социалистические элементы.

---

[3] Резолюция XXIV съезда КПСС. «Материалы XXIV съезда КПСС». Политиздат, 1971, стр. 193.

Одно из наглядных опровержений теории «деидеологизации» — возрастание идеологической активности капиталистического государства и его аппарата. Сторонники этой теории вряд ли могут объяснить, почему процесс «деидеологизации», если он действительно происходит, вызывает обратные последствия в функциональной деятельности государства и структуре его органов (возрастание идеологической активности государства, появление и расширение специального разветвленного идеологического аппарата).

Выше уже отмечалось, что не только государство сознательно влияет на идеологические процессы, но и сама идеология оказывает влияние на структуру, приемы и формы деятельности, цели и политику государства. В истории человечества это воздействие идеологии на государство никогда еще, пожалуй, не было столь значительным, как в нашу эпоху. Нередко, ссылаясь на возрастание роли партий, современное государство называют «партийным государством». Его называют также «потребляющим государством», имея в виду определенные черты государственно-монополистического капитализма. Если последовать этому примеру, то современное капиталистическое государство с основанием может быть названо «идеологическим государством», и это отразит одну из действительных черт развития капиталистической государственности. В схему «деидеологизации» это обстоятельство никак не укладывается.

Происходит не «деидеологизация», а, наоборот, активизация и обострение идеологической борьбы в процессе исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Как указывается в Программе КПСС, «в современном мире идет ожесточенная борьба двух идеологий — коммунистической и буржуазной. Эта борьба — отражение в духовной жизни человечества исторического процесса перехода от капитализма к социализму»[4]. Особенность этой борьбы, имеющей самые различные аспекты, состоит в том, что в ней значительное место занимает непосредственная идеологическая деятельность государства.

---

[4] «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. III. Политиздат, 1962, стр. 265.

Глава II

Идеологическая деятельность как функция империалистического государства

Идеологическая деятельность имманентно присуща любому государству. В истории не было такой политической власти, которая не стремилась бы охранять и культивировать определенные идеологические устои и представления, и прежде всего те, которые помогали ей стать и быть властью. В прошлом для этого часто использовалась государственная религия, но дело никогда не сводилось только к ней. Во всяком случае негативная, т. е. запретительная, деятельность государства в сфере идеологии всегда была широко распространена в эксплуататорском обществе. Основная функция эксплуататорского государства — функция подавления — никогда не сводилась к одному лишь физическому принуждению, а включала в себя и идеологическое подавление, то, что В. И. Ленин образно назвал функцией попа [5].

Идеологический фактор, выраженный в политике государства, всегда играл важную роль и в межгосударственных отношениях потому, что, во-первых, экономические и политические противоречия государств с необходимостью находили свое выражение и в форме идеологических мотивов и, во-вторых, такие идеологические факторы, как религия, национализм, получали определенную самостоятельность и оказывали существенное влияние на внешнюю политику и международные отношения.

Эти замечания в полной мере относятся и к буржуазному государству домонополистического периода. Более того, при революционном пути становления буржуазной государственности, как это было в конце XVIII в. в США и Франции, идеологическая деятельность государства становится особенно активной и выступает как важнейший фактор в борьбе буржуазии с феодализмом.

Однако, говоря об основных функциях буржуазного государства домонополистического периода и первых этапов империализма, марксистская литература не называет среди них идеологическую функцию, хотя и отмечает значительную роль идеоло-

---

[5] См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 237.

гической деятельности в осуществлении основных функций. Эта позиция правильна, ибо теоретико-познавательное значение категории «функции государства» состоит не в том, чтобы дать статическое описание всей его деятельности, а в том, чтобы с помощью этой категории показать главные направления деятельности государства, показать то, на чем оно по мере развития и изменения конкретно-исторических условий концентрирует особые усилия. Так, буржуазное государство всегда в тех или иных формах занималось экономикой, однако особая экономическая функция появляется у него лишь в период развитого государственно-монополистического капитализма. В этой связи понятие функции призвано отразить существенные изменения в механизме капиталистической экономики и роли государства в процессе организации производства и обмена. Примерно так же обстоит дело и в отношении идеологической деятельности и идеологической функции буржуазного государства.

Можно указать на ряд причин, по которым в домонополистический период роль государства в идеологической жизни буржуазного общества и место идеологической деятельности среди других направлений деятельности этого государства не приобрели еще такого масштаба и значения, как в период империализма.

Во-первых, это господствующее положение буржуазной идеологии, ее «высокая конкурентоспособность»[6]. Феодальным позициям уже нанесен решающий удар. Уровень сознательности и организованности рабочего класса еще невысок. Победившему буржуа его идеологические представления и установки, как и его система частного предпринимательства, его государственные институты и его право, представляются высшей точкой исторического развития и не нуждающимися в особом обосновании и защите. Средства духовного производства, как и все иные средства производства, монополизированы буржуазией, находятся в ее руках.

Во-вторых, ведущий принцип буржуазного экономического либерализма «laissez-faire» был из собственно экономической сферы перенесен и в сферу духовной жизни буржуазного класса. Активное государственное вмешательство отвергалось; государству и здесь отводилась роль «ночного сторожа», который должен охранять, но не вмешиваться. Кроме того, господствующей формой правления в капиталистическом мире в XIX в. была конституционная монархия, при которой феодально-дворянские слои сохраняли немалое влияние в государственном аппарате. Это настораживало буржуазию, и она не стремилась передавать государственному аппарату слишком широкие полномочия, выходя-

[6] Подробнее см.: Г. А. Арбатов. Роль современного империалистического государства в идеологическом подавлении народных масс. «Вопросы современного государственного права буржуазных стран». Изд-во АН СССР, 1958, стр. 61.

щие за рамки деятельности «ночного сторожа». Роль «ночного сторожа» осуществлялась путем негативной, запретительной деятельности в области идеологии. Такую деятельность государство проводило весьма широко, тем более что велась она по преимуществу против общего врага буржуазии и дворянско-помещичьих сил — рабочего класса и других трудящихся слоев населения.

В-третьих, следует указать на цензовый характер буржуазного государства в XIX в. С помощью различного рода цензов, в частности имущественных, из политической жизни, прежде всего из участия в выборах, исключались широкие слои населения. Для достижения этой цели впоследствии, по мере расширения избирательного права и отмены цензов, все в большей мере приходилось прибегать к идеологической обработке населения.

В XX в. ситуация резко меняется. С переходом в стадию империализма и особенно в период общего кризиса капитализма к негативной идеологической деятельности буржуазного государства присоединяется в возрастающих масштабах его «позитивная» идеолого-пропагандистская деятельность. Уже в первые десятилетия XX в. отмечается усиление общей организационно-управленческой деятельности государства в сфере духовного производства, возникновение собственно государственной «идеологической индустрии». Основная причина этого — последовательный рост сознательности и организованности широких слоев трудящегося населения, прежде всего рабочего класса, который, опираясь на учение марксизма, сделал теоретическую борьбу одной из ведущих форм классовой борьбы. В новых исторических условиях буржуазная идеология теряет свою былую конкурентоспособность и для ее распространения требуются особые организационные и пропагандистские усилия. С победой Великой Октябрьской социалистической революции и созданием Советского государства заканчивается глобальное политическое господство буржуазной идеологии.

После второй мировой войны в идеологической деятельности империалистического государства происходят дальнейшие существенные сдвиги. Идеологическая сфера была признана одним из основных и важнейших направлений деятельности этого государства; идеологическая деятельность превратилась в одну из его основных функций.

Этот сдвиг связан: 1) с внутриполитической ситуацией в ведущих капиталистических странах; 2) с возрастанием роли идеологической борьбы на международной арене в связи с развитием социалистической системы и крахом колониализма; 3) с последствиями научно-технической революции в сфере средств информации и пропаганды. Все эти три фактора тесно переплетены между собой.

1. Капиталистическая государственность дала наглядные образцы ситуации, когда усиление идеологического подавления

осуществляемого государством, сопровождает усиление непосредственного политического подавления и диктата (фашистские режимы). Однако возможна и другая взаимозависимость между политическим подавлением и ростом идеологической активности государства. Эта активность особенно возрастает там и тогда, где и когда для господствующих классов оказывается невозможным (или крайне нежелательным) опереться на непосредственное принуждение. Именно такая ситуация сложилась в основных капиталистических странах в результате антифашистского демократического подъема в послевоенные годы, усиления позиций коммунистических и рабочих партий, возглавивших общедемократическое антимонополистическое движение. Перед буржуазным государством встала сложная задача представить себя как принципиально отличное от фашистского либерально-демократическое государство и в то же время обосновать постоянную тенденцию поворота стоящей у власти монополистической буржуазии от демократии к реакции. Такие средства, как политический маккартизм (т. е. прямое преследование левых и оппозиционных сил), плохо способствовали этой цели. Значительно удобнее был идеологический маккартизм, т. е. стремление создать такую духовную атмосферу в обществе, которая существенным образом затруднила бы деятельность демократических и антимонополистических сил. Для этого требовалась мобилизация всех идеологических ресурсов, что невозможно без прямого и косвенного участия государства, ставшего главной силой обеспечения духовного господства буржуазии в обществе.

2. В первые годы существования Советского государства капиталистический мир возлагал основные надежды на военное подавление социализма, в последующие годы — на экономический крах социализма. Однако историческое развитие показало, что подобные расчеты оказались несостоятельными. Чем меньше империализм в своей борьбе с социализмом может рассчитывать на военную силу и экономическую борьбу, чем сильнее логика общественного развития вынуждает его к мирному сосуществованию с социалистической системой, тем больше надежд он возлагает на идеологическую борьбу против социалистических государств.

В постановлении Пленума ЦК КПСС от 10 апреля 1968 г. «Об актуальных проблемах международного движения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» говорится: «Современный этап исторического развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом. Весь огромный аппарат антикоммунистической пропаганды нацелен сейчас на то, чтобы ослабить единство социалистических стран, международного коммунистического движения, разобщить передовые силы современности, попытаться подорвать социалистическое общество изнутри. Испы-

тывая серьезные потрясения и сталкиваясь с крупными провалами во внутренней и внешней политике, империализм, и прежде всего империализм США, наряду с авантюрами в военно-политической области все больше усилий направляет на подрывную политическую и идеологическую борьбу против социалистических стран...»[7] Здесь вскрыта одна из основных причин активизации идеологической деятельности империалистического государства.

Когда в результате распада колониальной системы образовались молодые независимые государства, державы-метрополии, лишившись возможности непосредственного диктата в отношении колоний, немедленно попытались заменить его неоколониалистскими методами, в которых экономические моменты тесно переплетены с идеологическими. Это еще одна из причин активизации идеологической деятельности империалистического государства.

3. Научно-техническая революция оказала огромное влияние на развитие средств информации. Это развитие в свою очередь придало новое качественное значение пропаганде с точки зрения ее эффективности, масштаба охвата и радиуса действия. В результате развития средств информации повышается материальная сила идей, т. е. степень их проникновения в сознание отдельных людей и социальных групп. Согласно данным ООН в 60-х годах в мире насчитывалось более 400 млн. радиоприемников и 140 млн. телевизоров. Если даже принять во внимание то, что бóльшая часть средств массовой информации сосредоточена в промышленно развитых странах мира, то и в этом случае громадные массы людей являются аудиторией радио и телевидения. В эти цифры не входят данные о наличии портативных транзисторных приемников, которые ежегодно миллионами распространяются во всех странах мира. Совершенствование средств радиопередачи, в частности использование искусственных спутников Земли для сверхдальних радио- и телевизионных передач, значительно расширяют возможности для оказания идейно-политического влияния за рубежом.

Развитие средств информации наложило существенный отпечаток на многие политические акции и процессы. Несомненно, например, их огромное влияние на избирательные кампании. Один из западных авторов пишет: «Наряду с тремя классическими формами власти: исполнительной, законодательной и судебной — теперь появилась — без революции и без изменения какой-либо конституции — новая власть, которая господствует над всеми ними политически: телевидение. Недаром институт Гэллапа недавно поставил перед американскими избирателями вопрос: «Предпочитаете ли Вы, чтобы избирательные кампании проходи-

[7] «Коммунист», 1968, № 6, стр. 4.

ли в традиционном порядке или вы хотите, чтобы кандидаты выступали только по радио и телевидению?» 52% высказались за изменение порядка (указав, что новый метод позволит охватить больше избирателей, которые таким образом будут лучше информированы), 38% предпочитали традиционный способ проведения кампании с личными контактами и 10% не высказали мнения. Всякий, кто хочет сохранить в своих руках частицу власти, зависит теперь от телевидения, и для всех политических деятелей испытанием отныне будет малый экран»[8].

Разумеется, сравнение телевидения с «тремя властями» звучит гиперболически. Однако роль массовых средств информации в современной политической жизни недооценивать нельзя. Как правильно отмечалось в советской литературе, «появление современных средств массовой коммуникации, бурный прогресс в этой области, бесспорно, имел для идеологической борьбы не только техническое, но и принципиальное значение. По существу средства пропаганды в большей мере, чем когда-либо раньше, превратились в мощнейший инструмент политической власти, в особенно важный элемент политического механизма, с помощью которого обеспечивается господство в классовом обществе»[9]. Естественно, что буржуазное государство берет в свои руки или под свой контроль этот важнейший инструмент и широко пользуется им. В его лице «совокупный капиталист» сохраняет монополию на средства массовой информации.

Говоря о фактах, обусловливающих идеологическую функцию современного капиталистического государства, следует обратить внимание и на то, что она является производной от общего процесса развития государственно-монополистического капитализма. Она — одно из неизбежных следствий усиления роли и активности буржуазного государства. Рост роли государства в сфере экономики неизбежно приводит к росту его роли и в области идеологии. Участие государства в регулировании отношений в экономическом базисе не может не повлечь за собой также усиления его участия в оформлении идеологической надстройки и создания соответствующих государственных институтов. Государство, в частности, нуждается в обосновании и оправдании экономического интервенционизма или в ряде случаев в обосновании отказа от экономического интервенционизма. Экономическая деятельность государства в условиях государственно-монополистического капитализма, во-первых, требует своей идеологической мотивировки и, во-вторых, служит исходным пунктом различного рода апологетических конструкций.

Метод осуществления идеологической функции в некотором

---

[8] L. Merlin. Le vrai dossier de la television. Paris, 1964, p. 122.

[9] Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях, стр. 30—31.

смысле аналогичен методу осуществления экономической функции. Эта последняя выражается как в непосредственном управлении определенными отраслями экономики со стороны государства, так и в усилении контроля над теми отраслями, которые остаются в руках частного капитала. И в области идеологии можно говорить о прямой форме осуществления идеологической функции, а также о контроле, координации, поощрении, запрете, дискриминации в идеологической сфере.

Наряду с факторами, способствующими росту идеологической деятельности буржуазного государства, необходимо отметить также ряд тормозящих факторов. Важнейший из них — сопротивление трудящихся масс, борющихся за право выявления и распространения своей идеологии.

К числу демократических завоеваний рабочего класса, достигнутых в ожесточенной классовой борьбе с капиталом и буржуазным государством, относится право на использование печатных и иных средств информации. Опираясь на свои демократические завоевания, рабочий класс в союзе со всеми прогрессивными и либеральными слоями выступает против попыток господствующих классов установить с помощью государства капиталистическую монополию на духовную жизнь общества, борется за установление демократического контроля над идеологической деятельностью государственного аппарата, как и над другими важнейшими сферами его деятельности. Этот демократический контроль включает в себя обращенное к государству требование не допускать идеологического засилья монополий, ультрареакционную, антидемократическую и милитаристскую пропаганду, обеспечить прогрессивным силам доступ к техническим средствам информации как в целях распространения объективной информации, так и в целях контроля за достоверностью сообщаемых официальными органами сведений и т. д.

Монополизация государством идеологической работы затрудняется также действием многопартийной системы, конкурентной борьбой различных буржуазных партий за власть. Буржуазные партии, находящиеся в оппозиции, выступают против использования государственного аппарата правящей партией в своих специфических, партийных целях.

Следует учесть и то, что в сфере идеологического бизнеса, как и в сфере экономики, монополистический капитал склонен допускать государственное вмешательство и контроль лишь в меру необходимости. Этот идеологический бизнес (газеты, издательства, коммерческое телевидение, кино и т. п.) — слишком прибыльное дело, чтобы отдать его полностью в руки государства. Поэтому он находится в руках частного капитала (преимущественно монополий), а слишком явная связь той или иной газеты или издательства с правительством скорее бы ослабила, чем улучшила ее конкурентную способность и репутацию.

Вообще, неверно полагать, что усиление идеологической деятельности собственно капиталистического государства, создание специального аппарата означает свертывание огромного негосударственного буржуазного идеологического механизма, включающего в себя частнопредпринимательские, партийные, церковно-религиозные и иные звенья. Этот негосударственный, «общественный» механизм также непрерывно расширяется и активизируется. Он все больше срастается с государственным аппаратом, отражая общую тенденцию государственно-монополистического капитализма. Но такое сращивание и усиление руководящей роли государства по основным вопросам идеологической борьбы не снимает известной самостоятельности каждого из этих идеологических механизмов.

Известным сдерживающим фактором на пути слишком далеко идущих попыток установления монополии государства в духовной жизни общества может выступать и церковь, играющая существенную идеологическую роль в большинстве буржуазных стран. При всем многообразии тесных связей между церковью и буржуазным государством она не склонна отказываться в пользу государственных органов от своей идеологической самостоятельности, от своих притязаний на роль «духовного пастыря», а по существу даже духовного опекуна самого государства. Хотя между политической идеологией государства и церкви нет каких-либо серьезных расхождений, остаются некоторые нюансы, особенно в методах обоснования этой идеологии, даже в тех случаях, когда у власти стоит клерикальная партия. К тому же, как правило, даже в странах с сильными клерикальными партиями (Италия, ФРГ, Австрия и Бельгия) такие партии могут держаться у власти лишь на началах коалиции и, следовательно, не могут отождествлять себя с государством.

Можно, таким образом, констатировать, что в условиях государственно-монополистического капитализма соединение силы монополий с силой государства происходит и в сфере духовного производства в целях сохранения и защиты экономического и политического господства капитала.

Глава III

Идеологический аппарат капиталистического государства

Идеологическая функция современного империалистического государства практически проявляется в активизации идеологической деятельности традиционных звеньев государственного механизма — президента, парламента, правительства, других звеньев исполнительной власти, а также в создании специализированного аппарата, основная цель которого состоит в активной идеологической деятельности внутри и вовне страны.

Именно этот аппарат обычно имеют в виду, когда говорят об идеологическом аппарате современного капиталистического государства. Однако, хотя появление такого специализированного аппарата составляет важную особенность современной капиталистической государственности, тем не менее было бы неверно недоучитывать значение высших законодательных и исполнительных органов власти в осуществлении идеологической функции буржуазного государства. Конституционному механизму принадлежит решающая роль в определении стратегических задач идеологического воздействия; он не остается в стороне и от разработки тактики. Специализированный пропагандистский аппарат принимает участие в выработке стратегии, но основная его задача — исполнительская и тактическая.

Можно обратить внимание и на различие между конституционным механизмом и специализированным пропагандистским аппаратом уже не как субъектами, а как объектами идеологической деятельности. Эта деятельность в значительной мере строится на апологетике существующего в данной стране конституционного механизма и тем самым политической системы в целом. Объектом такой апологетики являются как весь конституционный механизм, так и его отдельные звенья. Достаточно вспомнить, например, какое внимание уделяется в идеолого-пропагандистской деятельности в Великобритании монарху — символу традиционализма и «единства нации» и парламенту — символу «совершенства» английской демократии. Специализированному пропагандистскому аппарату не отводится подобной роли. Наоборот, его организационные формы, «внутренний механизм» стараются, насколько это удается, держать в тени.

Можно констатировать возрастание идеологической активности всех без исключения звеньев конституционного механизма современного империалистического государства. Это выражается, во-первых, в увеличении числа собственно идеологических акций; во-вторых, в том, что при решении конкретных вопросов законодательной и управленческой деятельности все большее значение приобретают соображения идеологического порядка, особенно учет идеологических последствий решения; наконец, в-третьих, в появлении почти во всех этих звеньях структурных подразделений, призванных осуществлять исключительно пропагандистско-информационную деятельность.

Однако возрастание идеологической активности всех звеньев конституционного механизма современного империалистического государства не означает, что они играют одинаковую роль в идеологической деятельности. Как правило, в этом едином ансамбле есть солист, который задает тон, берет на себя ведущую роль в данной сфере деятельности, что, разумеется, отражает его юридическую и фактическую политическую силу и значимость.

В США, например, таким ведущим звеном служит президент, что идет от давней традиции, обусловленной в прошлом высокой степенью «неидеологичности» обеих основных буржуазных партий (их платформы носили всегда общий и расплывчатый характер на потребу разношерстных групп избирателей), а также сильным бизнесменско-прагматическим оттенком в деятельности конгресса и конгрессистов.

Позиции президента в идеологической сфере были еще более упрочены во времена Г. Вильсона и особенно Ф. Рузвельта, который, в частности, говорил: «От президента исходит моральное руководство. Все наши великие президенты были лидерами в духовной области». Рузвельт оказался одним из первых буржуазных лидеров, понявших роль новых массовых средств информации. Одна из первых звуковых картин в США (1930 г.) «Что сделал Рузвельт» создана в бытность его губернатором штата Нью-Йорк. В 1929 г. он утверждал: «Если пять лет тому назад девяносто пять процентов избирателей черпали свои сведения из газет, то теперь по крайней мере половина избирателей, сидя у камина, слушает выступления политических деятелей обеих партий и выносит свои суждения не из того, что прочитали, а из того, что услышали» [10]. Это не означает, что Рузвельт недооценивал прессу. Наоборот, «Рузвельт с самого начала показал, что он умеет мастерски обхаживать прессу... За время пребывания в Белом доме он провел 998 пресс-конференций. Рузвельт,

---

[10] Цит. по: Н. Н. Яковлев. Франклин Рузвельт — человек и политик. Изд-во «Международные отношения», 1969, стр. 274, 135.

возможно, был первым президентом, который знал цену хорошим новостям и умел подать их»[11].

Во второй половине нашего века президент США не только сохранил прочные позиции в идеологической сфере, но и значительно упрочил их. В организационном отношении именно ему подчинен фактически и юридически специализированный пропагандистский аппарат американского государства. Он выступает в качестве глашатая программ, доктрин и лозунгов, призванных идеологически обосновать политическуй курс американского империализма. Эти доктрины и лозунги находят затем свое отражение в содержании повседневной деятельности пропагандистского аппарата. Симптоматично, что со времени «великого кризиса» идеология играет все большую роль и в ходе президентских выборов. Это продемонстрировали уже избирательные кампании Ф. Рузвельта. Несомненно, что идеологические моменты сыграли немаловажную роль в победе Дж. Кеннеди (1960 г.), а также в поражении в 1964 г. Б. Голдуотера. Менее характерно в этом отношении избрание Р. Никсона в 1968 г.

Если для США ведущая идеологическая роль президента — это традиция, то для Франции — это специфическая особенность V Республики, это одно из следствий превращения Франции из парламентарной в президентскую республику. Генерал де Голль взял на себя роль не только создателя официальной государственной идеологии, но и ее пропагандиста. «Личным контактам» президента с населением путем выступлений по телевидению придавалось особенно существенное значение как средству идеологического воздействия.

Особая роль президента в идеологической деятельности США и Франции объясняется не только механизмом президентской республики, но и идеологической слабостью и разношерстностью правящих партий (во Франции — ЮДР, в США — и демократов и республиканцев). Влияние президента в этих странах (разумеется, вкупе с его «мозговым центром») на развитие партийной идеологии более значительно, чем обратный процесс.

В других основных капиталистических странах сложилась несколько иная ситуация. Здесь звено конституционного механизма, оказывающее наибольшее влияние на линию официальной государственной идеологии, как в политическом, так и в идеологическом отношении гораздо больше зависит от партии, которую оно представляет. Этим ведущим звеном, как правило, служит глава правительства (премьер-министр в Великобритании и Италии, канцлер в ФРГ). Правительство, а фактически премьер-министр, определяя линию государственной политики, дает ей идеологическое обоснование, которое, будучи прежде всего обос-

---

[11] У. Макгэффин, Э. Нолл. Секреты Белого дома. Изд-во «Международные отношения», 1971, стр. 41—42.

нованием линии правительства, не может одновременно не быть апологией и оправданием существующего социального и политического строя в целом (это, разумеется, относится и к идеологической деятельности президента).

Возрастание роли идеологической деятельности и общая тенденция усиления централизации управления привели к сосредоточению руководства идеологической деятельностью в руках главы правительства и его кабинета. Правительство руководит управленческой деятельностью в области просвещения, образования, науки, а также специализированным пропагандистским аппаратом. Оно осуществляет это руководство как непосредственно, так и через специально создаваемые министерства и автономные ведомства (например, министерство образования и науки и министерство информации в ФРГ, служба информации в Великобритании и т. д.). Наряду с автономными общегосударственными ведомствами пропаганды во всех основных министерствах и ведомствах имеются подразделения, которые призваны вести идеологическую работу в интересах данного ведомства. Такие подразделения обычно именуются отделами информации. Особенно большой идеологический аппарат имеют министерства иностранных дел, обороны, разведывательные службы.

В связи с возрастанием идеологического аппарата стала необходимой координация деятельности идеологических ведомств, а также идеологической деятельности с другими видами государственной деятельности (экономической, дипломатической, разведывательной работой). Эти функции выполняют совещательные органы при главах правительств и государств, такие, как аппарат Совета национальной безопасности в США или аппарат канцелярий и ведомств премьер-министров (например, в ФРГ). В Англии работа всех звеньев государственной пропагандистской машины согласовывается министром без портфеля по делам координации информации. На органы исполнительной власти возложена также задача координации деятельности государственных органов и негосударственных организаций, действующих в идеологической области.

Есть две причины, объясняющие, почему даже в условиях парламентской республики правящие круги не доверяют парламенту руководящей роли в осуществлении идеологической функции, хотя, казалось бы, он более всего пригоден для идеологического воздействия на массы. Одна из них — наличие в ряде парламентов сильной левой оппозиции в лице коммунистических фракций и примыкающих к ним групп и, следовательно, боязнь, что парламентская трибуна может быть использована левыми силами. Другая причина — общая тенденция усиления исполнительной власти за счет парламента.

Линия правящих кругов капиталистических стран на передачу наиболее важных проблем в ведение исполнительной власти

немедленно распространилась и на сферу идеологии, лишь только эти круги осознали значение идеологической борьбы. Вместе с тем роль буржуазного парламента в осуществлении идеологической функции достаточно существенна. Одобряя официальный курс политики правительства, парламент не только одобряет его идеологические аспекты, но и как бы придает ему в целом бóльшую идеологическую обоснованность. Парламентские выступления и дебаты существенно влияют на общественное мнение, в частности, потому, что по форме они нередко носят характер дискуссий, «борьбы за истину». Не случайна тенденция последних лет к расширению телепоказа парламентских заседаний. В ходе таких телевизионных передач парламент выступает одновременно в качестве и субъекта и объекта идеолого-пропагандистской деятельности.

В конституционных монархиях (а их не так уже и мало) значительную идеологическую роль играет монарх, причем эта роль часто куда более значима, чем политическая и даже юридическая его роль. Такова, например, ситуация в Японии. Сохраняя после второй мировой войны фигуру императора, консервативные, реакционные силы Японии, опиравшиеся на американские оккупационные власти, преследовали главным образом идеологические цели, стремились сохранить и узаконить комплекс националистических идей, олицетворяемый фигурой императора, использовать то влияние, которое культ императора в силу многолетней пропаганды продолжал оказывать на отсталые слои населения. Изменения свелись лишь к тому, что из идеологической фигуры божественно-мистического плана император превратился в идеологическую фигуру светского плана (император публично отрекся от божественности своего происхождения). Если до капитуляции Японии император был, как божество, изолирован от народных масс (публичных зрелищ и мероприятий он не посещал), его официальные выезды из дворца сопровождались усиленной охраной, при проезде императора подданные не могли даже смотреть на него и должны были стоять с опущенной в знак почтения головой, то после войны он неоднократно предпринимал продолжительные поездки по стране, окруженный целой армией журналистов, фото- и кинорепортеров. При этом император не упускал возможности широкого общения с людьми: он посещал стадионы, крестьянские фермы, промышленные предприятия, не раз вызывал сентиментальные эмоции, широко обыгрывавшиеся прессой.

Не следует сбрасывать со счетов идеологическую роль «третьей власти», т. е. суда. Одним из лейтмотивов официальной идеологии США, Англии, ФРГ и других капиталистических стран служит лозунг «господства права». На «третью власть» возлагается задача продемонстрировать реальность этого лозунга. С другой стороны, идеологизируется и сама деятельность судов,

особенно конституционных. В западной литературе не раз обращалось внимание на то, что решения этих судов, как и других высших судебных инстанций, нередко напоминают скорее политические манифесты, чем строго юридические документы. В этой связи достаточно вспомнить позорное решение Федерального конституционного суда ФРГ о запрещении Коммунистической партии Германии. Несомненно, что это решение сыграло большую негативную роль не только в политической, но и в идеологической жизни Западной Германии.

Среди многих способов осуществления идеологической функции в руках конституционного механизма находится — и это его исключительная прерогатива — такой важный рычаг идеологического воздействия, как законодательство или шире (учитывая особенности англо-американской прецедентной системы) правотворчество. Речь идет не только об идеологическом воздействии права, особенно конституции, но и о законодательном установлении и закреплении системы мероприятий, преследующих определенные идеологические цели. Примером могут служить законы ряда американских штатов об обязательном включении в программы преподавания в школах специального «курса коммунизма». Пока с такими пожеланиями выступали Национальная ассоциация по вопросам образования или Американская ассоциация юристов, это была идеологическая акция, но еще никого и ни к чему не обязывавшая. Другое дело, когда в 1961—1963 гг. штаты Флорида, Луизиана, Алабама и некоторые другие приняли соответствующие законы; «курс коммунизма» становится обязательным во всех школах этих штатов.

Выше уже упоминалось о таких звеньях собственно идеологического аппарата, как министерства информации, отделы в министерствах, консультативные и координационные советы. Сюда следует добавить систему государственных органов, которые непосредственно занимаются идеолого-пропагандистской и информационной работой внутри и вовне страны. Таковы, например, Информационное агентство в США (ЮСИА), Служба информации, Британский совет и Би-Би-Си в Англии. Управление радио и телевидения в Италии (РАИТВ), Управление французского радио и телевидения (ОРТФ), Японская радиовещательная корпорация (НХК) и т. д. Юридическое положение этих учреждений различно, но все они представляют собой государственные органы, занятые непосредственной идеологической и пропагандистской деятельностью в самых широких масштабах и с применением новейших технических средств.

В последующих разделах предлагаемой книги читатель найдет достаточно подробное описание организации и деятельности всех этих звеньев собственно идеологического аппарата современного империалистического государства. Здесь же обратим внимание лишь на тенденцию изображать такие учреждения, как

Би-Би-Си, ОРТФ и подобные им в других странах в виде институтов, служащих нации в целом и, в частности, успешно разрешающих дилемму, быть ли радио и телевидению в частных руках и стать ли тем самым «мощными щупальцами власти денег» или быть им в руках государства, вследствие чего «информация станет тоталитарной» [12].

В действительности огосударствление радио и телевидения вовсе не означает, что они перестают обслуживать «власть денег». Ведь речь идет о переходе этих средств информации в руки буржуазного государства — «совокупного капиталиста». Практика Би-Би-Си, как и других подобных ей организаций, наглядно демонстрирует, каким социальным и политическим силам они служат, а какую часть нации дискриминируют. Вместе с тем очевидно, что огосударствление таких средств информации, как радио и телевидение, открывает возможности для борьбы за их использование прогрессивными партиями и движениями, за установление демократического контроля над ними. Под лозунгами независимой, беспристрастной информации проходила в 1968 г. во Франции пятинедельная забастовка 13 тыс. сотрудников ОРТФ. Эта забастовка наглядно свидетельствует о правительственном диктате и опеке в отношении массовых средств информации. Одновременно забастовка (а она не единственная) свидетельствует о существенных расслоениях в буржуазном государственном аппарате, вызванных возрастанием его численности и характерных также для пропагандистского аппарата буржуазного государства.

Идеологический аппарат империалистического государства не перекрывает собой всего идеологического механизма современного капитализма. Хотя роль государственного аппарата существенна и в основных вопросах является определяющей, тем не менее он не мог бы добиться многого, если бы не действовал совместно с другими частями огромного разветвленного механизма — частными газетными концернами, издательскими трестами, телекомпаниями и информационными агентствами, различного рода организациями, преследующими идеологические цели, университетами и т. д. Не случайно понятие «идеологические аппараты государства» употребляют в широком смысле слова, включая сюда всю сумму государственных и негосударственных организаций капиталистического общества [13].

Разумеется, между государственным идеологическим аппаратом, с одной стороны, и теми или иными организациями частномонополистического бизнеса, с другой, возможны известные, даже острые, трения и расхождения по ряду политических проблем, возможна конкурентная борьба одних монополистических

[12] L. Merlin. Op. cit., p. 1117.

[13] L. Althusser. Ideologie et appareils ideologiques d'état. «La pensée», 1970, N 151.

групп против других, в большей мере поддерживаемых государственным аппаратом. Несомненно также, что некоторые буржуазные издательства, газеты, университеты пытаются (правда, далеко не всегда успешно) сохранить свою репутацию либеральных и независимых как от государства, так и от крупного идеологического бизнеса. Однако при всех этих оговорках буржуазный государственный и негосударственный идеологические механизмы представляют собой единое целое в качестве идеологической опоры капиталистического строя.

Идеологическая жизнь буржуазного общества, точно так же, как экономическая и политическая, демонстрирует характерную особенность государственно-монополистического капитализма — соединение силы монополий с силой государства, сращивание частномонополистического идеологического бизнеса с идеологическим аппаратом государства. Это сращивание происходит теми же методами, что и в экономике и политике,— путем организационных переплетений, создания общих «мозговых центров», личной унии, государственных заказов и т. п. Государство отводит частномонополистическому идеологическому бизнесу значительную роль в реализации идеологической функции, особенно внутри страны. Со своей стороны частный бизнес доверяет государству ключевые позиции и широкую компетенцию в выполнении этой функции и особенно вовне страны.

Следует особо сказать, что далеко не каждая формально негосударственная организация, преследующая идеологические цели, является действительно негосударственной. Специфика идеологической пропаганды империалистического государства такова, что оно нередко предпочитает не выступать открыто, а действовать через формально негосударственные организации. Таким образом, во-первых, маскируются подрывные идеологические акции, разоблачение которых может нанести политический ущерб империалистическому государству; во-вторых, такие акции изображаются как якобы исходящие не от правительства, а от общественности; в-третьих, создается видимость активной идеологической поддержки общественностью правительственной политики.

Империалистическое государство заинтересовано в том, чтобы скрыть широкое и планомерное использование в пропагандистских целях негосударственных организаций. Поэтому руководство ими осуществляется негласно и возлагается, как правило, на разведывательные службы, которые располагают для этого специальными силами и средствами. Для подчинения негосударственных организаций и использования их в интересах ведения идеологической деятельности империалистическое государство проводит скрытое финансирование этих организаций и подкуп их руководителей. Система финансирования распространяется и за пределы империалистического государства. Разведка уста-

навливает тайные контакты с руководителями общественных организаций, издательств, политических партий и использует их для достижения внешнеполитических целей государства. По далеко не полным данным американской печати ЦРУ финансирует и использует в подрывных целях 8 студенческих и молодежных организаций и среди них Национальную ассоциацию студентов с отделениями почти во всех университетах, объединяющую значительное число студентов, центральные органы американских профсоюзов АФТ—КПП, ряд культурно-просветительных и благотворительных организаций, подобных Национальной ассоциации просвещения, Конгрессу содействия борьбе за свободу культуры и т. п. На содержании ЦРУ находятся 14 органов печати, среди них крупное издательство «Фредерик Прегер», газета «Хьюстон пост» и др. ЦРУ имеет солидные позиции и за рубежом. Оно финансирует более 20 крупных общественных организаций и политических партий в различных странах мира.

Таким образом, действительный аппарат идеологической деятельности империалистического государства гораздо шире и многочисленнее официального. Некоторые буржуазные авторы делят даже в этой связи идеологическую деятельность на «белую», «серую» и «черную». В первом случае в качестве субъекта и источника распространения идей и взглядов открыто выступает государство. Во втором — эта роль отводится легально существующим негосударственным организациям и частным лицам, действующим по поручению государства, связь с которым, однако, замаскирована. В третьем случае в качестве субъекта пропаганды выступают граждане страны, против которой ведется пропаганда (иногда же пропаганда ведется от имени вымышленных лиц).

Следует отметить, что маскировка связей империалистических разведок с некоторыми негосударственными организациями легко дезавуируется. Их связь с разведкой общеизвестна и многократно доказана. Они лишь «официально» объявляются «неофициальными» организациями. К ним относятся прежде всего открыто антикоммунистические и антисоветские организации, специально созданные для борьбы против СССР и других социалистических стран: «Комитет Свободной Европы» с радиосетью «Свободная Европа», радиосеть «Свобода», «Антибольшевистский блок народов» с центром в Мюнхене, антисоветские эмигрантские организации, существующие на подачки разведок.

Механизму идеологического воздействия диктатуры монополий противостоит идеологическая деятельность коммунистических и рабочих партий и организаций и всех прогрессивных сил страны. Конечно, они не располагают столь мощным идеологическим аппаратом, как государство и монополии. Но на их стороне сила прогрессивных идей, выражающих закономерности общественного развития.

Глава IV

Основные сферы идеологической деятельности империалистического государства

Можно выделить следующие направления, сферы деятельности идеологической машины империалистического государства:

1) деятельность, направленная на идеологическое воспитание, обработку и подавление населения своей страны (другими словами, внутренняя идеологическая деятельность);

2) деятельность, направленная против мирового коммунистического и рабочего движения, социалистической системы в целом, каждой из входящих в нее стран и особенно Советского Союза;

3) деятельность, имеющая своим адресатом страны «третьего мира», ставшие на путь развития собственной государственности в результате крушения колониальной системы (эту деятельность можно назвать идеологическим неоколониализмом);

4) идеологическое воздействие на другие капиталистические страны.

Разумеется, эти направления идеологической деятельности отнюдь не отграничены одно от другого, а, наоборот, во многом тесно переплетены. Так, идеологический неоколониализм неразрывно связан с попытками дискредитировать коммунизм и социалистический строй, чтобы направить молодые государства по капиталистическому пути развития. Во внутренней идеологической деятельности капиталистического государства первостепенное место отводится борьбе с коммунистической партией данной страны и тем самым с мировым коммунистическим и рабочим движением в целом. В то же время идеологические диверсии против международного коммунистического движения, клеветнические измышления о подрывной деятельности, о тайном всемирном заговоре, «руке Москвы» и т. п. используются затем для морально-политического и юридического обоснования преследования коммунистов в капиталистических странах, дискриминации коммунистических партий вплоть до прямого их запрещения.

Не следует преувеличивать различия основных концепций, лозунгов, идей, используемых на этих разных направлениях идеологической деятельности, хотя каждое из этих направлений об-

ладает несомненной спецификой. Например, теория «конвергенции» равным образом используется и во внутренней идеологической деятельности, и в пропаганде, рассчитанной на социалистические страны. Точно так же дело обстоит с концепцией «господства права»: во внутренней деятельности она призвана прикрывать все усиливающуюся власть военно-бюрократического аппарата и оправдывать антикоммунистические репрессии, а в пропаганде, рассчитанной на страны «третьего мира», она преследует цель навязать этим странам модель буржуазной государственности. Конечно, идея «внутренней эволюции» социализма была выработана преимущественно ради внешних идеологических целей, а теория «патернализма», или «социального партнерства»,— ради внутренних. Однако первая используется и во внутренней идеологической деятельности, а вторая — на внешней арене, чтобы породить у населения некапиталистических стран представления о якобы коренной трансформации отношений капиталистической эксплуатации. Идея «народного капитализма» была запущена в пропагандистский оборот Информационным агентством США и рассчитана на экспорт, но она самым широким образом используется и во внутреннем идеологическом обороте США и ряда других капиталистических стран.

В разных сферах своей идеологической деятельности буржуазное государство, как и весь идеологический механизм диктатуры монополий, преследует различные конкретные цели, вырабатывает применительно к специфическим чертам объекта различную тактику, специализирует методы и приемы пропаганды и т. д. Если внутри страны в обработке населения весьма значителен удельный вес негосударственных идеологических механизмов (партийных, церковных и т. д.), то основную внешнюю специализированную пропаганду государственный идеологический аппарат берет на себя.

Разумеется, внутренняя идеологическая деятельность в каждом капиталистическом государстве различается как по содержанию, так и по применяемым методам. На эту деятельность влияет не только соотношение классовых сил, но и экономическая ситуация, международное положение, исторические традиции, особенности национальной психологии, характер государственного устройства и другие факторы. Если, например, в Англии и США идеологический аппарат в целях апологетики существующего строя в больших масштабах апеллирует к историческим традициям, то в Италии и ФРГ подчеркивается принципиальный разрыв с прошлым, дискредитированным фашистскими режимами. Франция или Италия не знают такой проблемы, как негритянская, сильно влияющая на идеологическую жизнь США; в то же время в США нет такого мощного коммунистического и социалистического движения, как в первых двух странах, что, естественно, облегчает правящему классу осуще-

ствление «идеологического маккартизма» в отношении своих классовых противников. Такого рода различий можно было бы привести немало.

Однако все эти различия представляют собой не более чем нюансировку общих принципиальных черт внутренней идеологической деятельности современного империалистического государства. Одной из таких общих черт является антикоммунизм. Он выступает и как собственно идеологическое оружие — средство воспитания предрассудков, разжигания страха и т. д., и как идеологическое обоснование самых реакционных политических акций — антирабочего законодательства, чрезвычайного положения, усиления власти военщины и т. д. Идеология антикоммунизма обращена не только против коммунистических и рабочих партий. Это универсальная потенциальная идеологическая основа, опираясь на которую монополистический капитал рассчитывает расправиться со всем, что неугодно ему.

Можно указать еще на ряд общих черт внутренней идеологической деятельности современного империалистического государства. Это, в частности, пропаганда идеи коренной трансформации капитализма в новый общественный строй, якобы лишенный пороков старого капитализма; пропаганда «социального партнерства» капиталиста с рабочим, благодаря которому первый якобы перестает быть только капиталистом, а второй — только рабочим; пропаганда идеи превращения буржуазного государства в орган «всеобщего благоденствия», стремящийся устранить социальные несправедливости и преуспевающий на этом пути; пропаганда иллюзии народовластия, которое реализуется якобы в результате всеобщего избирательного права и периодических выборов; «господства права» как якобы основного метода функционирования буржуазного государства, связанного правом в отличие от социалистического «этатистского государства», стоящего над правом; идей политического плюрализма как средства обеспечения интересов всех групп населения.

В тех государствах, где у власти стоят клерикальные партии, это обстоятельство накладывает серьезный отпечаток на идеологическую активность государственного аппарата. Такова, например, ситуация в Италии, где четверть века у власти находится клерикальная партия ХДС (коалиционный характер правительства мало что меняет). Однако и в других капиталистических странах идеологическая деятельность связана со стремлением опереться на религиозно-клерикальные представления.

В деятельности государства Израиль огромную роль играет националистическая идеология сионизма, которую в реакционных целях стремятся распространять и вовне страны.

В своей внутренней (как, впрочем, и внешней) идеологической деятельности буржуазное государство стремится дифференцированно охватить все классы, социальные слои, национальные,

этнические и другие группы общества. При этом учитывается удельный вес социальной группы в общей численности населения страны и ее место в социальной структуре общества; характер политической идеологии и других форм общественного сознания данной социальной группы, ее политическая активность и удельный вес.

При всех социально-политических и методологических недостатках буржуазных теорий социальной стратификации они дают важный материал для дифференцированного идеологического воздействия, что позволяет повышать его эффективность.

Так, в последнее время особые усилия идеологического воздействия направлены на студенческую молодежь. Для большинства студентов будущее еще неясно. Массовое студенческое движение проходит под радикальными лозунгами с применением острых и резких форм борьбы. Общественная и политическая неопытность студенческой молодежи, психологические особенности возрастного характера (повышенная эмоциональность, романтизм) способствуют распространению среди части студенчества экстремистских настроений. Характерно, что правительственные власти нередко не препятствуют распространению «ультралевых» движений в целях раскола оппозиционных сил.

Идеологическое воздействие на рабочий класс преследует цели снизить его политическую активность, привить аполитичность и безыдейность, культ наживы и обогащения как средства удовлетворения всех жизненных потребностей. Идейное разоружение пролетариата — самой опасной для капитализма силы — основная задача идеологической деятельности буржуазного государства. Оно прилагает огромные усилия для распространения реформистских иллюзий о возможности решения всех социальных проблем в рамках капитализма и его политической системы.

Особенный размах деятельность идеолого-пропагандистского аппарата внутри страны приобретает в ходе избирательных кампаний. Формально-юридически государственный идеолого-пропагандистский аппарат не может вмешиваться в ход избирательной кампании. Иная позиция давала бы правящей партии слишком очевидные преимущества по сравнению с конкурирующими партиями. Однако этот юридический принцип вовсе не тождествен идеологической «нейтральности», как утверждают некоторые западные авторы.

И дело даже не в том, что правящая партия всегда в той или иной мере пользуется (при наличии потенциально сильной оппозиции достаточно осторожно) своим правом «хозяина» идеолого-пропагандистского государственного аппарата. Основное заключается в том, что этот аппарат, даже не отдавая явного предпочтения тому или иному из конкурирующих буржуазных претендентов на власть, всегда занимает активную классовую пози-

цию. Он может быть немного больше за республиканцев, чем за демократов, и наоборот, он может быть больше за консерваторов, чем за лейбористов, и наоборот, но он всегда против коммунистического движения и сотрудничающих с ним левых сил.

Кроме того, пресловутую «нейтральность» не следует понимать как отказ от активной пропаганды. Напротив, «нейтральность» связана с максимальным возрастанием активности идеологического аппарата. И вся эта активность преследует в конечном счете одну цель — добиться тех же результатов, которые раньше достигались с помощью цензов и иных методов прямого воздействия на избирателя. Особая роль при этом выпадает ныне на долю радио и в еще большей мере — телевидения, воздействие которых, как показал ряд специальных исследований, значительно выше, чем такие традиционные методы агитации, как выступления на митингах, индивидуальные беседы, афиша и даже агитация через печать, ибо более половины читателей буржуазных газет не читают политические заметки и статьи. На предвыборную радио- и телеагитацию затрачиваются огромные средства. Так, в ходе президентских выборов в США 1964 г. республиканская партия затратила на нее 16 млн. долл., демократическая — 18 млн., в то время как все остальные партии, вместе взятые, затратили лишь 600 тыс. долл.[14]

Идеологическая функция современного империалистического государства приобрела огромное значение и в его внешней деятельности. Говоря о качественном росте роли идеологической борьбы в международных отношениях как одном из «феноменов» нашей эпохи, Г. А. Арбатов справедливо отмечает: «Пожалуй, первое, что бросается в этой связи в глаза,— переход всех крупных (а также многих средних и малых) государств к организованной и систематической внешнеполитической пропаганде... Деятельность государств, связанная с внешнеполитической пропагандой, достигла масштабов, которые еще недавно показались бы фантастическими. В ней заняты сегодня десятки тысяч людей... а расходы крупнейших государств на эту деятельность измеряются многими сотнями миллионов и даже миллиардами долларов» [15].

Характерной чертой этой внешней идеологической деятельности является тенденция к глобальности, которая выражается в стремлении оказывать политическое влияние и осуществлять идеологическую деятельность во всех районах мира. Тенденция к глобальности отражает международный характер основных противоречий современной эпохи и стремление крупнейших империа-

---

[14] M. Sobolewski. Radio i telewizja w kampanii wyborczej nektorych panstw burzuazyjnych. «Panstwo i prawo», 1970, N 8-9, p. 313—324.

[15] Г. А. Арбатов. Идеологическая борьба в современных международных отношениях, стр. 5—6.

листических государств к тому, чтобы установить мировое господство или по крайней мере оказывать воздействие на ход развития социально-политических процессов во всем мире. Эта тенденция особенно характерна для главной страны капитализма— США, которые претендуют не только на экономическую, военную, политическую, но и на идеологическую гегемонию в буржуазном мире и демонстрируют явную идеологическую эскалацию.

Противоречия между международным коммунистическим и рабочим движением и капитализмом, равно как противоречия между мировой социалистической системой и империализмом представляют собой непримиримый классовый конфликт, перенесенный на мировую арену. Непримиримость этих противоречий отражается и в идеологической деятельности империалистического государства, стремящегося к ликвидации коммунизма как идеологии, политического движения и общественного строя. Утверждения буржуазных идеологов о том, что острота идеологической борьбы между буржуазной и коммунистической идеологиями зависит якобы только от идеологической нетерпимости коммунистов,— это не более чем пропагандистский шаг. В действительности империалистические государства ведут планомерную идеологическую борьбу с миром социализма, которая рассматривается империалистической буржуазией как необходимый элемент сохранения капитализмом его позиций и которая по своему содержанию и целям является в сущности не чем иным, как идеологической диверсией.

Можно выделить несколько этапов в стратегии и тактике идеологической борьбы империализма против социалистических стран [16].

Первый — период «холодной войны» против лагеря социализма, организованной реакционными силами сразу же после второй мировой войны. В ее основу были положены идеи «сдерживания» и «отбрасывания» коммунизма. Важный аспект «холодной войны» — крестовый идеологический поход против теории и практики социализма. Антикоммунистическая пропаганда широко запустила в оборот концепции «тоталитаризма», «агрессивности социализма» («насильственный экспорт революции»), «коммунистического заговора», «общности Запада и атлантического духа», призванных противостоять «азиатской угрозе» коммунизма, и т. д.

Второй этап, охватывающий 60-е годы, характеризуется признанием правящими кругами основных капиталистических стран провала политики «с позиций силы». На первый план выдвинулись, с одной стороны, лозунг «дифференцированного подхода», «мирного вовлечения» и «наведения мостов», а с другой — став-

[16] См. «Антикоммунистическая пропаганда империализма. Доктрины. Аппарат». Изд-во «Международные отношения», 1971, стр. 16 и сл.

ка на идеологическую «эрозию» социализма. Различие между этими двумя сторонами одной и той же медали состоит лишь в том, что объектом политики «наведения мостов» является социалистическая система и цель этой политики — подрыв единства социалистических стран, с тем чтобы оторвать отдельные страны от социалистической системы [17], а политика внутренней «эрозии» (в другом варианте «эволюции») социализма направлена на подрыв внутренних устоев каждой из социалистических стран, на дискредитацию их политического и государственного строя. Делается ставка на то, чтобы изменить отношение населения социалистических стран к основным институтам социалистической демократии, руководящей роли коммунистической партии, целям коммунистического строительства. В пропагандистский оборот усиленно внедряются идеи «конвергенции» двух социально-политических систем, «единого индустриального общества», «внутренней эволюции» социализма в направлении «либерализации и демократизации». Вместе с тем активизируется пропаганда, направленная на разжигание национализма как фактора, способствующего подрыву единства социалистической системы. Как используется весь этот идейный арсенал политики «наведения мостов» и ставки на «эволюцию социализма», наглядно показали события 1968 г. в Чехословакии, которая была в этот период объектом активнейшей идеологической диверсии империалистической пропаганды.

Не следует думать, что ныне империалистическая пропаганда отказалась от лозунгов и приемов, выработанных ею на первом из отмеченных выше этапов. Характерная черта идеологической деятельности империалистической пропаганды, направленной против социализма и социалистической системы,— стремление использовать всю сумму выработанных ею идеолого-пропагандистских приемов, охватить максимально широкий круг проблем. Идеологической машине империализма нельзя отказать в том, что она весьма оперативно реагирует на важнейшие события, характеризующие экономическое, политическое, научное, культурное развитие Советского Союза и других социалистических стран. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорится: «Мы живем в условиях неутихающей идеологической войны, которую ведет против нашей страны, против мира социализма империалистическая пропаганда, используя самые изощренные приемы и мощные технические средства. Все инструменты воздействия на умы, находящиеся в руках буржуазии,— пе-

[17] Цели этой политики формулируются следующим образом: «Восточная Европа есть и будет и должна быть отличной от Советского Союза, и мы должны использовать все наши средства и все искусство, чтобы способствовать расширению различий и всячески подчеркивать своеобразие национальных интересов каждого из этих государств» («The United States and Eastern Europe». Ed. by R. Burns. Prentice-Holl, 1967, p. 158).

чать, кино, радио — мобилизованы на то, чтобы вводить в заблуждение людей, внушать им представления о чуть ли не райской жизни при капитализме, клеветать на социализм. Эфир буквально насыщен всевозможными измышлениями о жизни нашей страны, братских стран социализма» [18].

Идеологическая деятельность империалистического государства против международного коммунистического и рабочего движения направлена, во-первых, на ослабление влияния этого наиболее мощного и опасного для империализма политического движения современности на мировой революционный процесс, а также на изоляцию в международном масштабе коммунистических партий от других прогрессивных сил; во-вторых, на то, чтобы попытаться внести раскол в ряды международного революционного движения, а также отдельных коммунистических партий. В Заявлении международного Совещания коммунистических и рабочих партий (1969 г.) указывается: «Перед лицом укрепления международных позиций социализма империализм... использует расхождения в международном революционном движении, чтобы попытаться внести раскол в его ряды, ставит свою идеологическую машину, в том числе средства массовой информации, на службу антикоммунизму» [19].

Империалистические идеологи преувеличивают значение расхождений во взглядах различных коммунистических партий, возводя их в категорию непреодолимых противоречий, а следовательно, отрицая возможность единства мирового коммунистического движения. Получившая широкое распространение теория «полицентризма» противопоставляется пролетарскому интернационализму как одному из основных принципов коммунистического движения.

Характерно стремление капиталистического мира координировать усилия отдельных государств в их идеологической деятельности, направленной против социалистической системы и мирового коммунистического движения. Такое «идеологическое сотрудничество» достигается путем совместного планирования идеологической деятельности, выработки общих стратегических и тактических установок. Подобного рода совместные планы ведения «психологической войны» против социалистических стран в различных политических ситуациях систематически разрабатываются, в частности, в рамках НАТО, где функционирует специальный пропагандистский аппарат (его официальное название «Информационная служба»).

---

[18] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 90—91.

[19] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», Политиздат, 1969, стр. 288.

Таким образом, и в сфере идеологической деятельности обнаруживается тенденция к появлению аппарата на межгосударственном уровне, подобно тому, как это произошло в сфере экономической деятельности в результате процессов империалистической интеграции.

Идеологическое сотрудничество капиталистических государств осуществляется также путем совместного проведения пропагандистских акций силами нескольких государств, а также путем предоставления территории одной страны для размещения пропагандистских органов других стран и проведения их идеологических акций. Так, на территориях союзных с США стран находятся многочисленные представительства Информационного агентства США, в ряде стран действуют филиалы и радиостанции радиовещательной системы США «Голос Америки». Такие радиостанции имеются в Мюнхене (ФРГ), на Окинаве (Япония), в Салониках (Греция) и т. д.

Характеризуя внешнеидеологическую деятельность империалистического государства, обращенную на страны «третьего мира» и национально-освободительное движение, один из американских деятелей откровенно говорил: «Наша основная забота заключается в том, чтобы предотвратить слияние антиколониальных и коммунистических революций» [20]. Социалистические страны обвиняются в экспансионистской политике, их помощь странам «третьего мира» изображается как орудие захвата в этих странах экономических и политических позиций, что якобы будет использоваться для принудительного внедрения там коммунистических порядков.

Стратегическая цель идеологической деятельности империалистического государства в отношении молодых государств состоит в том, чтобы помешать переходу этих стран на некапиталистический путь развития и тем самым обеспечить цели экономического и политического неоколониализма, сохранение в этих странах господствующего влияния бывших стран-метрополий или других более сильных империалистических государств.

Идеологическая деятельность империалистического государства в отношении развивающихся государств, избравших некапиталистический путь развития, имеет общие элементы с идеологической деятельностью в отношении социалистических стран. Она направлена на подрыв социалистических тенденций в идеологии, оказание моральной и идеологической поддержки реакционным проимпериалистическим силам.

Естественно, что идеологическая деятельность держав — бывших метрополий направлена главным образом на страны, являвшиеся ранее их колониальными владениями. Здесь бывшие метрополии имеют, как правило, наибольшие интересы. Кроме

[20] «Vital Speeches of the Day», 15.I 1959, p. 211.

того, их многолетнее владычество привело к созданию ряда условий, которые облегчают идеологический неоколониализм, например господство английского или французского языка, сохранение системы просвещения и образования, заимствованной в свое время у метрополий, и др.

Система школьного образования во франкоязычных странах, идущих по капиталистическому пути, не претерпела каких-либо существенных изменений по сравнению с колониальным периодом. Используя острую нехватку школьной литературы, Франция поставляет в эти страны учебники, предназначенные для французских школ. Франция разрабатывает для франкоязычных африканских стран программы обучения. На созываемых под эгидой Франции периодических конференциях министров национального образования этих стран разрабатываются единые программы преподавания, определяется его методика и т. д. Этот вид «сотрудничества» предоставляет широкие возможности для идеологического воздействия.

Сфера высшего образования также находится под большим влиянием Франции. В созданных с ее помощью университетах в Дакаре, Абиджане, Тананариве, Яунде, четырех учительских колледжах в странах Экваториальной Африки, институте академического обучения в Браззавиле, зоотехническом институте в Форт Лами (Чад), сельскохозяйственном институте в Либревиле (Габон) основными преподавательскими кадрами (более 450 человек) являются французы.

Важным каналом распространения прозападной идеологии служит пресса. В англоязычных странах монопольное положение в области печати занимают английские монополии Томсона и Кинга. Только в Замбии, Малави, Южной Родезии Томсону принадлежат около 20 периодических изданий, в том числе газета «Африкэн дейли ньюс» (Солсбери), имеющая самую современную в Тропической Африке типографию. Концерн Томсона оказывает существенное влияние на радио-телевизионную сеть 14 африканских стран, предоставляя им техническое содействие.

Специфические условия Африки предопределяют важнейшую роль радио в системе средств общения и пропаганды. Это учитывается неоколониализмом при разработке и осуществлении комплекса мер по идеологической обработке африканского населения. Для большинства стран радиопрограммы, информационные бюллетени до сих пор составляются в Париже или в Лондоне. Частичную утрату в последние годы своих позиций в национальном африканском вещании империалистические страны пытаются возместить строительством новых радиостанций на оставшихся колониальных территориях или в государствах, где у власти находятся реакционные силы.

Одно из направлений империалистической политики в африканском национальном вещании — замалчивание важных собы-

тий, происходящих в самой Африке, и, наоборот, акцент на незначительные события империалистических стран. Поэтому африканское население располагало и располагает очень скудной да к тому же тенденциозно препарированной информацией.

В силу отсутствия кадров, технических возможностей и т. д. африканское телевидение также в основном зависит от Запада. Большинство телевизионных программ неафриканского происхождения. На их характер влияет и тот факт, что кадры работников готовятся на Западе или же под руководством инструкторов из капиталистических стран.

Идеологическая экспансия империалистического государства в развивающихся странах отражает и наличие межимпериалистических противоречий и конкурентной борьбы (при общей конечной стратегической цели). В этой связи весьма характерна непрерывно возрастающая идеологическая активность США. Особое место при этом отводится «Корпусу мира», подвизающемуся в странах Африки, в том числе в тех, где некогда традиционные колониальные державы обладали исключительной монополией идеологического воздействия. США не прочь потеснить эти державы, изображая себя противником колониализма. США ведут активную деятельность по идеологическому оправданию агрессивной войны Израиля против арабских государств.

Увеличивает свою активность в этом районе мира и Западная Германия. Более 250 правительственных, полуправительственных и частных организаций ФРГ занимаются вопросами «сотрудничества с развивающимися странами». ФРГ расширяет сеть постоянных опорных пунктов идеологического наступления в «третьем мире». В 1966 г. число так называемых «центров немецкой культуры» в африканских странах достигло 17. В обязанность их входит организация преподавания немецкого языка, демонстрация фильмов, распространение книг. Подобные «центры» под видом культурной деятельности пропагандируют неоколониализм, дезинформируют общественное мнение в странах Африки. Эту же цель преследует и «Германская служба развития», организованная по образцу американского «Корпуса мира».

Идеологическая деятельность, проводимая империалистическим государством против других капиталистических государств, отражает противоречия, постоянно возникающие внутри капиталистической системы и нередко достигающие значительной остроты. Как правило, такого рода деятельность активизируется в тех государствах, которые претендуют на непосредственное, военное подчинение других стран (фашистская Германия) или экономико-политическую гегемонию в буржуазном мире (США после второй мировой войны). Такого рода идеологический экспансионизм в качестве ответной реакции вызывает (правда, не всегда) активную идеологическую оборону и контрнаступление. Однако даже при самом значительном обострении идеологиче-

ской борьбы между капиталистическими странами она ведется преимущественно в целях отказа от отдельных крайних политических и идеологических установок, но остается при этом борьбой в рамках общей буржуазной политической идеологии.

В современную эпоху на характере идеологической борьбы между капиталистическими государствами самым существенным образом отражается их стремление объединить свои усилия в борьбе против революционных сил современности. В целях борьбы с демократическими движениями в обстановке подъема этих движений и угрозы капиталистическому строю правительства империалистических стран нередко сами идут на подчинение внешнему политическому и идеологическому влиянию. Такую политику продемонстрировали многие капиталистические государства Западной Европы в первые годы после второй мировой войны, сделав серьезные политические и идеологические уступки американскому империализму.

Разумеется, идеологическая активность империалистических государств обращена в особой степени на те капиталистические страны, где они имеют значительные экономические и политические интересы. Прослеживаются некоторые давние, устоявшиеся линии такого воздействия, например, Великобритании на свои бывшие доминионы, Франции — на Квебек, США — на страны Латинской Америки. Впрочем, как уже отмечалось, США претендуют ныне на глобальный охват всего капиталистического мира своим не только военным, экономическим, политическим, но и идеологическим влиянием.

Раздел II

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В США

Глава I

Общая характеристика

Усиление роли государственного механизма в политической организации современного буржуазного общества получает особенно наглядное выражение в такой ведущей капиталистической державе, как Соединенные Штаты Америки. Это в полной мере относится к сфере идеологии, где можно наблюдать весьма заметный переход от своего рода идеологического «либерализма» к все возрастающему идеологическому «интервенционизму» государства.

Характер идеологической деятельности американского государства в современных условиях определяется, с одной стороны, историческими особенностями политического развития США, а с другой — той ведущей политической ролью, которую эта страна играет в капиталистическом мире.

Само формирование американской государственности происходило в специфических условиях войны за независимость против Англии. Эти условия требовали от идеологов американской революции всестороннего политического и теоретического обоснования целей, задач, принципов этой революции, чтобы заручиться поддержкой широких народных масс в борьбе за установление нового политического режима в североамериканских колониях Англии. Вожди американской революции — Джефферсон, Мэдисон, Гамильтон — были одновременно ее ведущими идеологами, ставшими во главе нового американского государства, сформулировавшими основные принципы американской конституции. С самого начала особую роль в идеологической деятельности государства стал играть президент, а несколько позже — и Верховный суд. Политические документы того времени — Декларация независимости (1776 г.), «Федералист» (1787—1788 гг.), Федеральная конституция (1789 г.), Билль о правах (1791 г.), речи и статьи ведущих государственных и политических деятелей — наглядный образец пропаганды политической идеологии. Уже тогда проявилась и борьба консервативной идеологии федералистов с либерально-демократической идеологией Джефферсона, ставшая характерной особенностью развития американской официальной политической идеологии.

Другая историческая особенность — идеологическая аморф-

ность основных политических партий США. Ни республиканцы, ни демократы в отличие от политических партий в Западной Европе не выработали сколько-нибудь определенной идеологической доктрины или программы. Эта особенность в значительной степени связана с тем, что обе партии сформировались в условиях, когда демократическая идеология, родившаяся в борьбе против английского феодального господства, уже потеряла прежнее значение, а новые идейные принципы еще не были сформулированы. Кроме того, американская буржуазия XIX в. считала общие идеологические устои буржуазного строя достаточно прочными, и потому ее политики больше интересовались пресловутой «борьбой за добычу», чем вопросами укрепления идеологии, которые были отданы на откуп многочисленным частным организациям, философским и иным научно-просветительным обществам, группам давления и т. п. Однако этот характерный для первых трех четвертей прошлого столетия идеологический «либерализм», опиравшийся на широкое распространение частной собственности на технические средства информации, в конце столетия начинает уступать место другой тенденции.

Развитие государственно-монополистического капитализма, страх перед распространением революционных социалистических и национально-освободительных идей, качественный скачок в развитии массовых средств информации поставили правящий класс перед необходимостью принять координационные меры для укрепления своих идеологических позиций с помощью государства.

Реальная экономическая и политическая власть, сконцентрированная в руках монополий, и в современных условиях дает им возможность, широко используя мощный аппарат частной «коммерческой» пропаганды, привлекая к пропагандистской деятельности реакционные общественные организации, политических и государственных деятелей, осуществлять эффективный контроль над формированием политического мировоззрения и настроений широких масс рядовых американцев. Однако с конца прошлого и начала нынешнего столетия все более возрастает значение государства в идеологической обработке масс. Особое значение придается роли местных властей и властей штатов, для которых в целом характерен больший консерватизм и «бдительность». Большое внимание уделяется также традиционной роли президента США, членов Верховного суда, конгрессменов в формировании общественного мнения. Особое значение придается карательной деятельности государства для идеологического подавления чуждых буржуазии политических убеждений и настроений, а также тем координирующим и регулирующим возможностям, которыми располагает государство и которые в нужный момент могут быть использованы для усиления негосударственного идеологического механизма.

США являются лидером внешнеполитической пропаганды империализма. Ведение такой пропаганды вызвало к жизни новые организационные формы. Внешняя идеологическая деятельность потребовала широких организационных мер со стороны государства, взявшего на себя особую, ведущую роль в этой области. Внешняя идеологическая деятельность американского государства, создавшего мощный аппарат пропаганды, самым непосредственным образом связана с его внешней функцией; она стала одним из основных методов осуществления этой функции.

Во внешней идеологической деятельности государство, однако, не ограничивается использованием своего собственного пропагандистского аппарата, а широко привлекает к этой деятельности различные частные организации буржуазной пропаганды.

Говоря об особенностях идеологической деятельности государства в США, можно отметить, что в области внешней идеологической деятельности государству в лице федерального правительства принадлежит ведущая роль. Идеологическая деятельность государства внутри страны выражается в форме контроля над мыслями, проверки лояльности и т. д. Кроме того, государство широко координирует и регулирует усилия, предпринимаемые многочисленными пропагандистскими организациями. Тем самым в немалой степени облегчается функционирование традиционных частных средств пропаганды в формировании общественного мнения в буржуазном духе.

Буржуазия зачастую считает, что, поскольку частный идеологический механизм диктатуры монополий работает в целом удовлетворительно, вмешательство государства в деятельность этого механизма является излишней. Что же касается внешней идеологической деятельности, то сосредоточение ее в руках федерального правительства не вызывает у американской буржуазии никаких возражений и рассматривается как вполне закономерное расширение внешней функции государства.

Главные идейные направления в идеологической политике государства в современных условиях — «либерализм» и «консерватизм», общим для которых является официальный государственный антикоммунизм.

Оба эти направления в официальной идеологии США тесно связаны с интересами ведущих монополистических группировок. Монополистические объединения США накопили немалый опыт эксплуатации американского народа, а в послевоенный период также народов других стран, в частности с помощью идеологического манипулирования.

Старейшая группировка монополий американского Востока считает, что ей по плечу задача длительной экономической и культурной экспансии с целью относительно «мирного» завоевания мирового господства. Представители этих монополий пони-

мают, что широкая программа внешних и внутренних мероприятий, выдвинутая во исполнение такой задачи, потребует значительного напряжения экономических, трудовых и моральных ресурсов страны, и считают выгодным для себя выполнять эту программу с помощью использования новейших технических достижений, современных методов интенсификации труда, широкого внедрения политики и психологии социального компромисса. Они широко привлекают научные и профессиональные круги, уделяют огромное внимание разработке современной социологии, политической науки, методов социальной инженерии, «человеческих отношений», поощрению профессионального чиновничества и т. д. Требуются и особые методы «воспитания» масс, новейшие приемы массовой пропаганды, задача ведения которой выдвигается на первый план идейными вождями и политическими специалистами монополистических кругов.

Другая крупная монополистическая группа, центры которой сосредоточены главным образом на западе и юго-западе США (прежде всего в Техасе), представлена магнатами иного типа. Это либо фигуры, оттесненные на второй план в результате осуществления широкой программы восточных монополий по привлечению научных кадров, модернизации техники и уступающие в применении более тонких приемов построения отношений с рабочими и т. д.; либо совсем новые монополии, еще не способные конкурировать с монополиями Востока на основе «либеральных» методов. Как те, так и другие заинтересованы в более широком применении внеэкономических мер, «политической хирургии», которая позволила бы им оттеснить от государственного кормила конкурирующие группы Востока, искусственно создавать климат, благоприятствующий постепенному развитию их возможностей. Они и являются поэтому вдохновителями идеологии «консерватизма». Главным требованием их становится своеобразный неоизоляционизм — политика «быстрого» решения международных проблем военной силой, с тем чтобы обеспечить «спокойное», изолированное от внешних экономических влияний развитие американской экономики темпами и методами предыдущего столетия. Под стать монополистическим хозяевам этой наиболее агрессивной и шовинистической группы американских монополий и окружающий их аппарат — отъявленные ретрограды и полуфашистские «философы» и политики типа Уэлча, генерала Уолкера, конгрессменов Русселло, Ноулэнда, губернаторов Уоллеса и Ригана, обанкротившегося «вождя» Голдуотера и др.

Как восточные, так и западные монополии и созданные ими политические машины одинаково заинтересованы в соответствующем идеологическом воспитании населения США, без чего они не могут в полной мере провести свою программу и прочно держать власть в своих руках. Однако методы этого «воспитания» у них не совсем одинаковы, и без учета различия этих методов

трудно понять характер идеологической деятельности государства в США.

Наиболее реакционные и шовинистические круги монополистического капитала США в борьбе за свою программу решительных политических действий и замедленного развития экономики пытаются использовать настроения мелкой и средней буржуазии, фермерских кругов и других слоев населения, напуганных ускорением темпов общественной жизни, обострением всех общественных противоречий, постоянной неустойчивостью положения. Свои трудности значительная часть этой провинциальной, «одноэтажной» Америки объясняет чисто внешними причинами, в частности политикой мирного сосуществования, которая, по их мнению, требует слишком больших расходов, а также социальными мероприятиями, усиливающими бремя налогов. Эти круги сочувственно относятся к неоизоляционистской демагогии. Они составляют серьезный резерв идеологии консерватизма и «правого экстремизма», т. е. неофашизма. Разрушение быта «одноэтажной» Америки они пытаются затормозить с помощью доктрины американизма, основанной на пропаганде традиционных ценностей «прежней» Америки и требующей решительной политической и идеологической борьбы государства против коммунизма и либерализма, якобы оказывающих отрицательное воздействие на эти ценности.

Представители этого консервативного направления, являющегося антипрофсоюзным, антисоциалистическим, в известной мере клерикальным, выступают против социальных мероприятий. В выработке консервативных идей активное участие принимают реакционные профессора южных и западных штатов, такие, как Кирк, Кэнделл, Нимейер и др. Определенную роль при этом играют также адвокаты, представляющие интересы наиболее реакционных монополий, да и некоторые монополисты собственной персоной. На крайнем фланге консерватизм перерастает в идеологию «бешеных» и «ультра», в идеологию неофашизма.

Университетская профессура, примыкающая к этому реакционному направлению, пытается придать ему более идеализированную форму. Консерватизм изображается как течение, основанное на глубокой вере в человека, в его эмоциональную природу, в ценность человеческой личности, в концепции естественного права, истолкованные в духе, близком к томизму. Так, Р. Кирк выводит американскую консервативную традицию от общих англосаксонских корней, в частности от идеолога английской консервативной буржуазии XVIII в. Э. Бёрка.

Современный консерватизм в США апеллирует прежде всего к чувствам «простого человека». В этом его известный психологический потенциал. Консервативные идеологи утверждают, что обострение социальных противоречий, опасность глобальной войны, разочарование в социальных последствиях революционного

процесса якобы усиливают тягу простого человека к порядку, стабильности, морали и религиозным ценностям.

Консерватизм не стесняется одеть на себя тогу защитника простого человека от «разрушительного» действия средств массовой коммуникации, промышленной стандартизации и т. п. «Разрушению» консерватизм противопоставляет религиозную мораль, верность американским обычаям, англосаксонский индивидуализм, воплощением которых консерваторы провозглашают американскую конституцию. Консерваторы видят свою миссию в том, чтобы избавить Запад от угрозы коллективизма. Отсюда лозунг «духовного возрождения», противопоставляемый социальным изменениям, требование такого руководства обществом, которое могло бы утвердить «закон и порядок».

Консервативная идеология, сформулированная в недрах реакционных учебных заведений и провинциальных политических организаций, насаждается затем в массах, питая программы политических партий, групп давления, государственных деятелей.

Примером может служить предвыборная программа республиканской партии 1964 г. Консерватизм повел идеологическое наступление на широком фронте. Характерен перевод консервативной программы на язык обывателя в целях ее максимальной популяризации. При активном сотрудничестве консервативных теоретиков вокруг Барри Голдуотера был создан ореол борца за свободу и чистоту нравов. С помощью Кирка, Нимейера и других Голдуотер издал ряд сочинений, в которых консерватизм получает предельно вульгарное выражение с целью ошеломить самого невзыскательного обывателя. Его основной вывод: «идеология коммунизма — главный враг». Проблемы рабочего движения Б. Голдуотер связал с тем, что некоторые люди, по его мнению, не имеют желания трудиться.

Избирательная программа республиканцев 1964 г., в основу которой были положены взгляды Голдуотера, была своеобразным апогеем консерватизма.

Либерализм, как и консерватизм, выступает с апологией капитализма. Он пропагандирует веру в «созидательные возможности» современного капитализма. В утверждении этой веры либерализм пытается представить себя в качестве наследника традиционной демократической философии, использовать идеи братства, равенства, свободы. Пропагандируя программу экономической экспансии США, либеральные идеологи требуют от американцев постоянного учета экономических и политических задач США в Европе и странах «третьего мира».

Вместе с тем современный либерализм заявляет, что он более не придерживается фритредерских взглядов, оставляя их, по словам одного из либеральных профессоров, консерватизму. В либеральной идеологии это выражается в попытке истолковать либерализм как «дух борьбы со всякими устоявшимися интереса-

ми, противостоящими прогрессу». Так обосновывается признание государственного вмешательства в экономическую и гражданскую жизнь. Либерализм защищает лозунг «государства благоденствия», который в условиях современной Америки выражается также в форме пропагандистской доктрины «великого общества».

В рамках либерального направления существуют и течения, выступающие в защиту прав профсоюзов и за расширение социального законодательства, за расовое равноправие и политические свободы для оппозиции, т. е. это течения либерально-демократического характера. Наиболее прогрессивные представители американского либерализма связаны с профсоюзным движением, демократически настроенной интеллигенцией.

В разработке либеральных идей значительное место принадлежит университетской профессуре, среди которой такие апологеты американского капитализма, как У. Ростоу, Дж. Голбрейт, А. Шлезингер и др.

Таким образом, ни консервативное, ни либеральное течения в идеологии не сведены в однородные, партийные доктрины. В республиканской партии есть буржуазно-либеральное крыло. С другой стороны, в демократической партии имеется солидный отряд консерваторов, и консервативные идеи, особенно в сфере внешней политики, достаточно часто становятся составной частью официальной идеологии этой партии (например, в связи с войной во Вьетнаме).

Нельзя сбросить со счетов и специфические идеологические мотивы «республиканизма», имеющие значение для традиционных приверженцев партии, точно так же, как определенные традиционные идеологические символы демократической партии.

Примечательно, что, хотя каждая из партий в идеологическом отношении не может считаться однородной (нельзя отождествлять республиканцев с консерваторами, а демократов с либералами) и по своему типу не является «идеологической» партией, в последние годы заметно усилилась внутрипартийная тенденция к разработке идейного кредо. С этим связано создание специальных программных органов в руководстве обеих партий, причем одним из инициаторов учреждения такого органа в республиканской партии выступил нынешний президент США Р. Никсон.

Хотя идеологическая борьба двух основных направлений американской политики достигает порой большой остроты, однако в действительности противоречия между ними не являются коренными. В известной мере здесь наблюдается даже разделение труда, так как утонченные «либералы» охотно предоставляют более невежественным и грубым «консерваторам» грязную работу обоснования идеологического и политического насилия. Единство обоих направлений обнаруживается в их одинаковой антикоммунистической окраске.

Антикоммунизм — наиболее яркая черта политической жизни американского общества, особенно в период после второй мировой войны. Он составляет очевидное официальное направление государственной политики в области идеологии. Он санкционирован американским законом. Он практически внедряется в сфере просвещения, высшего образования, научных исследований, искусства, деятельности благотворительных фондов и т. д. Правда, антикоммунизм у «консерваторов» и особенно «ультра» носит более грубый и примитивный характер, чем у «либералов». Однако некоторая «утонченность» либерального антикоммунизма служит лишь цели сделать его более действенным. Это является попыткой создать более «умный» антикоммунизм, противостоящий примитивному, карикатурному антикоммунизму «провинциальных патриотов».

Отсюда стремление государства и частных идеологических организаций переместить антикоммунистическую пропаганду на более высокий идеологический уровень. Антикоммунизм в последнее время все чаще облекается в форму теоретических исследований, в которых критика ведется более тонко, с позиций «научного антикоммунизма». В США сейчас все больше сознают, что открытый, примитивный антикоммунизм прошлых лет в современных условиях уже не в состоянии воздействовать на американских граждан, особенно на интеллигенцию, а во внешней пропаганде может даже привести к чрезвычайно невыгодным результатам.

Даже «массовая идеология» и «ходячий антикоммунизм» вынуждены в современных условиях учитывать эти факторы и заимствовать более тонкие приемы у «теоретического» антикоммунизма. Буржуазная пропаганда все шире привлекает к своей деятельности ученых — специалистов в области общественных наук — социологов, философов, юристов, экономистов, представителей политической науки. Эти ученые, имеющие специальную теоретическую подготовку, способны вести полемику по проблемам антикоммунизма на академическом уровне и придать своим аргументам теоретический характер, что в современных условиях высоко ценится поборниками «психологической войны». Одновременно американские ученые ведут усиленные поиски идей, которые буржуазная пропаганда могла бы противопоставить в идеологической борьбе идеям коммунизма. Таковы идеи о «народном капитализме» в США, о государстве «всеобщего благосостояния», о «плюралистической демократии», «индустриальном и постиндустриальном обществе», о «великом обществе», о «технотронной эре», об «исключительности» американской свободы и демократии, об «исчезновении классов» в США, во внешнеидеологической деятельности лозунг «конвергенции» и т. д. Многие из этих теорий учитывают действительные изменения, происшедшие в американском обществе в связи с развитием в

США государственно-монополистического капитализма, с возрастанием регулирующей роли государства в попытках экономической стабилизации американского капитализма, преодоления растущих трудностей (безработица, валютный кризис), с научно-техническим прогрессом, активизацией оппозиционных политических движений и т. д. Манипулирование некоторыми фактами американской действительности, облеченное в научную форму, придает этим теориям внешнюю убедительность.

В этой связи нельзя не упомянуть о той роли, которую приобретает в американской идеологии политическая наука. «Политическая наука несла и продолжает нести главную нагрузку в официальном воспитании будущих граждан,— пишут видные политологи, авторы монографии, посвященной политической науке США.— Если другие передовые народы оставляют подготовку людей к ответственной обязанности гражданина в руках политических партий, церкви и молодежных организаций, а также школ, то в нашей стране такая подготовка почти исключительно возложена на политическую науку с ее университетскими курсами и курсами «цивикс» в колледжах, которые работают на базе политической науки... Политическая наука оказывает огромное влияние на процесс распространения политических идей и идеалов, политических норм и обычаев, политической информации и знаний... Обучение политической науке — важнейший компонент либерального просвещения...» [1]

Размах, с которым политологические исследования и публикации распространяются в США, подтверждает обоснованность этого заявления. Специфическая черта политической науки — широкая эксплуатация достижений научно-технической революции и общей веры в авторитет научных знаний. С этим связан рост неопозитивистских тенденций, представленных так называемым бихевиориальным («поведенческим») направлением политической науки.

Политологи США утверждают, что американский народ достиг такого уровня исторического прогресса, который якобы позволяет ему поставить естественнонаучное, точное видение политических отношений на место расплывчатых политических «мифов».

Разработка политической науки связана с мобилизацией крупных научных сил из различных областей знания — философии, психологии, математики, кибернетики, политической экономии, антропологии. Речь идет о весьма серьезной претензии на создание идеологии, способной выполнять не только защитные, но и наступательные функции в современной идеологической борьбе. Политологические теории широко используются американскими «советологами» для организации идеологической борьбы против стран социализма.

[1] H. Eulau, J. March. Political Science. Prentice-Holl. N. Y., 1969, p. 8.

Усиление роли государства особенно очевидно в сфере внешнеполитической пропаганды. Но оно отмечается также в таких областях внутренней жизни, как просвещение и образование, функционирование средств коммуникации, деятельность прессы, искусство. Приобретает все более определенные черты и прямая «воспитательная» функция государства по отношению к некоторым особым секторам американского общества (армия, полиция, преподавательский состав учебных заведений, кадры государственных служащих и др.).

Констатируя количественный и качественный рост средств коммуникации, усиление влияния внешнего мира на общественную жизнь в США, общий рост уровня информации в области научных, общественных, политических и эстетических идей, один из наиболее крупных американских специалистов профессор З. Чейфи еще в 1947 г. сетовал на трудности для рядовых граждан и целых социальных групп в выборе идеологического «товара» и даже в доступе к идейным ценностям. Он писал: «Простое отсутствие правительственных ограничений не обеспечивает надлежащего выполнения газетами и другими средствами коммуникации их функций при том типе общества, к которому мы стремимся. Необходимы позитивные действия со стороны правительства или иных компетентных лиц, обеспечивающих влияние на методы и содержание коммуникаций»[2].

Как бы отвечая на тезис профессора З. Чейфи, американские исследователи 50—60-х годов рисуют яркую картину роста непосредственного воздействия правительства США на прессу и другие средства информации. Они подчеркивают, что «разъяснительная» работа с населением составляет один из главных методов деятельности государственной администрации США. Эта идеологическая деятельность государства в США достигла таких амплитуд, что все чаще раздаются голоса, призывающие упорядочить ее, и высказывается серьезная озабоченность в отношении ее последствий[3].

О росте внутренней идеологической деятельности свидетельствует и все расширяющееся правовое регулирование различных ее сторон. Так, если в области литературной цензуры за почти 100 первых лет существования США было издано всего три акта, причем практически мало применявшихся, то число их за последние 20 лет возросло не менее чем вдвое. При этом существенно увеличился перечень литературы, подлежащей запрету[4].

Наряду с законами действует множество ведомственных ин-

---

[2] Z. Chaffee. Government and Communications, v. II. Chicago, 1947, p. 471.

[3] См. «Ideology and the Cold War». N. Y., 1963, p. 28; V. M. Newton. The Press and Bureocracy. Tuscon, 1961, p. 8.

[4] См. P. Blanshard. The right to read. Battle against Censorship. Boston, 1956, p. 36—37.

струкций, регулирующих порядок предоставления информации различным категориям населения, порядок «разъяснительной» и воспитательной работы с кадрами государственного аппарата, а также обеспечения их идеологической лояльности.

На фоне общего разбухания государственного аппарата США значительно возрос как центральный, так и местный аппарат пропаганды и идеологического контроля. Лишь в течение последних 10—15 лет образовано несколько «идеологических» комиссий в Конгрессе США — Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, Подкомиссия по вопросам правительственной информации и др. Организованы специальные идеологические агентства федерального правительства — Федеральная комиссия коммуникаций, агентство ПАП, корпорация РЭНД, а также разветвленная пресс-служба правительства, насчитывающая более 50 тыс. пресс-агентов только в Вашингтоне. Специальные органы по идеологической и психологической работе существуют в вооруженных силах США. Вопросами воспитания гражданских служащих занимаются специальные работники по кадрам министерств и ведомств и Комиссия гражданской службы.

Основная задача идеологической деятельности буржуазного государства — обеспечение идеологического господства буржуазии вообще, монополистической олигархии в частности — решается в США различными средствами. Идеологическая деятельность охватывает разработку и осуществление единой идеологической политики, отвечающей наиболее общим интересам правящего класса в тот или иной момент, разработку и внедрение более или менее единообразной официальной идеологии или по меньшей мере некоторых идеологических основ, необходимых для поддержания существующего строя. Она охватывает организационно-подготовительные мероприятия, связанные с разработкой идеологических проблем и направлений, нормативную деятельность по закреплению официальной идеологии и принципов идеологической политики, оперативно-распорядительную деятельность непосредственно пропагандистского характера и, наконец, систему санкций и репрессий.

Не кто иной, как рудоводитель ФБР Э. Гувер, в своих трудах не раз высказывал сожаление в связи с тем, что юридические и политические традиции США не позволяют сосредоточить всеобъемлющий идеологический контроль и управление всей идеологической деятельностью в руках единого органа типа ФБР. Вместе с тем нельзя не видеть отчетливую тенденцию такого рода централизации, хотя она и реализуется в несколько иных, более соответствующих специфическим условиям страны формах.

Эти формы и методы варьируются от прямой законодательной унификации идеологии, сопряженной с системой уголовных санкций и репрессий и предельно сужающей или совершенно исклю-

чающей демократические гарантии в области идеологии, до относительно тонких способов идеологического воздействия на общественное и индивидуальное сознание.

Но, проявляя стремление к унификации идеологии, правящий класс США заинтересован и в том, чтобы эта унификация не слишком усиливала могущество одной частномонополистической группы в ущерб другим. Поэтому государство вводит определенные «правила игры», регламентируя идеологическую деятельность частных лиц, организаций, а также отдельных звеньев государственного механизма. Правовая регламентация идеологической деятельности, соответствующая «второму моменту правового регулирования»[5], преследует цель оградить правящий класс в целом от злоупотреблений в области идеологии со стороны отдельных его представителей, обеспечить выполнение действительно общих задач монополий. Она служит также цели обеспечения надлежащего качества идеологической деятельности. Но наличие ее в определенных случаях предоставляет возможности и гарантии для прогрессивных сил. Вместе с тем такая правовая регламентация позволяет завуалировать подлинный смысл идеологической деятельности государства. На практике методы унификации и регламентации обычно переплетаются между собой в в целях обеспечения общих задач идеологической деятельности государства.

Наиболее прямолинейным способом унификации мыслей населения США является прямое законодательное закрепление определенных идейных ценностей. Идеологические положения непосредственно включаются в текст законов. Тем самым им придается общеобязательная сила, а отклонения от них караются.

Речь идет прежде всего об идейных ценностях частнособственнической идеологии, которые уже в XVIII в. приобрели форму позитивного права в Декларации независимости и Конституции США. Реакционеры сегодняшней Америки постоянно используют эти конституционные документы, особенно Декларацию независимости, в целях навязывания ура-патриотической, шовинистической идеологии американизма гражданам Соединенных Штатов. В таком духе, например, осуществляется школьное обучение. К лицам, не усвоившим «духа» американской конституции, применяются санкции: они не получают дипломов или аттестатов, необходимых для практической карьеры, даже если они намерены работать в области, далекой от политики. Аттестат зрелости или диплом высшего учебного заведения, таким образом, превращается в определенного рода свидетельство о благонадежности его обладателя. Не случайно для занятия некоторых государственных должностей обязательно требуются дипломы и атте-

[5] И. Д. Левин. Современная буржуазная наука государственного права. Изд-во АН СССР, 1960, стр. 10—11.

статы. Хотя считается, что взрослые люди сами в состоянии определить свое мировоззрение и не могут подвергаться воспитательному воздействию со стороны государства, однако идеологический груз, содержащийся в американской конституции, должен воспринять каждый гражданин США. Для того чтобы получить американское гражданство, взрослые, зрелые люди в силу закона обязаны сдать экзамен по официальной программе «цивикс», т. е. курса обществоведения, составленного в духе апологии конституции, истории и политики Соединенных Штатов.

В официальных учебниках, изданных для изучения этого курса в государственных учебных заведениях, гражданство США характеризуется как «неоценимое сокровище»; гражданам предлагается охранять США не только от внешних, но и от «внутренних» врагов. Чтобы не оставалось сомнения, о ком идет речь, в первых же уроках разъясняется, что бизнесмены в США являются трудящимися и что коммунисты «антисоциальны». В одном из таких учебников в качестве «иллюстрации» помещен следующий пропагандистский текст, озаглавленный «Кредо американца»: «Я верую в Соединенные Штаты как в правление народа, осуществляемое самим народом и для народа, справедливая власть которого основывается на согласии управляемых, в демократию республиканского типа, суверенную нацию множества суверенных штатов, совершеннейший союз, основанный на принципах свободы, равенства, справедливости и человечности, за которые отдали свою жизнь и имущество американские патриоты».

Тот, кто не усвоил этих истин, кто не сдал экзамена на веру в существующий буржуазный строй и правительство США, подвергается санкции — лишается возможности приобрести права американского гражданина.

Однако использование традиционных идеологических ценностей, заложенных в Конституции США и других актах, реакционным кругам представляется недостаточным. По инициативе консервативных кругов, поддержанных всей монополистической верхушкой, в США издан ряд законов идеологического характера, призванных обеспечить тотальное внедрение казенного американизма в его ультрареакционном, антикоммунистическом варианте в общественно-политическую жизнь страны.

Основной из этих законов — закон Маккарэна 1950 г. Его преамбула прямо провозглашает коммунистические идеи враждебными американскому мировоззрению, идеям и принципам, закрепленным в Конституции США.

Издание антикоммунистических актов позволило архиреакционным элементам на какое-то время превратить почти весь государственный механизм США в огромное ведомство по вопросам идеологии. Роль двигателя идеологической машины выполняла пресловутая Комиссия Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, безраздельными хозяевами которой

в 50-х годах стали реакционные деятели типа сенатора Маккарти. Антикоммунистические законы не предоставляли Комиссии каких-либо специальных полномочий в сфере идеологии, однако они создали вокруг ее деятельности ореол официального патриотизма, подкрепленный практикой систематических вызовов тех, кто не желал считаться с установками Комиссии, и судебных и административных репрессий против них. Таким образом, Комиссия получила возможность устанавливать единые идеологические критерии, давать директивы государственным органам (в области просвещения, науки, культуры и др.), а также частным лицам и организациям по вопросам идеологической политики. Высказывания членов Комиссии о том, что надо понимать под патриотизмом, американизмом, преданностью народу, хотя формально не имели обязательного значения, все более воспринимались как установочные. Вместе с тем антикоммунистические законы обязывали правительственные органы, в частности министерство юстиции, контролировать «коммунистическую» деятельность в стране, обеспечивая насаждение официального духа антикоммунизма и американизма в работе государственного аппарата, в жизни всего общества. По образцу и на основе идеологических принципов, разработанных идеологами Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, в Конгрессе начал действовать ряд других комиссий — по гражданской службе, по работе государственного аппарата, по расследованию деятельности благотворительных фондов и др. Примеру Конгресса последовали легислатуры многих штатов. В большинстве из них под воздействием консервативных элементов и «ультра» были приняты соответствующие местные антикоммунистические законы или резолюции, причем во многих отношениях штаты пошли еще дальше. Тексты их законов содержат еще более прямолинейный антикоммунизм, нежели текст федерального закона. В отдельных штатах приняты дополнительные драконовские положения, например устанавливающие цензуру коммунистических изданий. Наконец, в ряде штатов изданы законы о так называемом «коммунизмоведении», обязывающие местные органы просвещения ввести в школах и высших учебных заведениях специальные обязательные курсы по обучению молодежи антикоммунизму и официальному «американизму», а также провести соответствующую подготовку преподавательского состава.

Издание антикоммунистического законодательства имело и другие последствия. Оно как бы подвело официальную базу под деятельность самых махровых политических организаций типа «Общества Джона Берча», «Христианского похода против коммунизма» и др. Эти организации активно занялись внедрением своего рода идеологического контроля «снизу». В городах и графствах США развернулись целые идеологические баталии, связанные с насаждением американизма в духе неофашистских

организаций. Так, острая борьба развернулась, например, вокруг введения цензуры публичных библиотек. По инициативе фашистских сил местные власти в ряде городов начали изымать из библиотек «коммунистическую» литературу либо сосредоточивать ее в особых фондах, используемых исключительно в целях антикоммунистической пропаганды. Дело дошло до того, что соответствующий законопроект был внесен в Конгресс. Сбывалось пожелание Э. Гувера о введении в США «добровольной» полицейской цензуры. Над страной навис мрачный призрак фашизма. И все же практика применения антикоммунистического законодательства через несколько лет обнаружила недостаточную эффективность политики прямолинейной унификации идеологии законодательным путем. Больше того, она обнаружила и опасность этой политики для интересов самой правящей буржуазии.

Если на первых порах маккартистам удалось запугать некоторую часть населения и взвинтить антикоммунистическую истерию, то вскоре, однако, демократические традиции дали о себе знать. Примитивный антикоммунизм и американизм, насаждаемые Конгрессом, легислатурами штатов, органами просвещения и другими государственными органами, плохо совмещались с культурными и интеллектуальными запросами значительного числа американцев. Они вызывали раздражение даже тех кругов, которые вначале поддержали политику Маккарти. К тому же становилось все более ясным, что под флагом антикоммунизма и американизма консерваторы и стоящие за ними монополистические круги развертывают идеологическое наступление на весьма умеренных либералов, на широкие слои интеллигенции. К началу 60-х годов уже не только демократическая общественность, но и представители правящих кругов были встревожены идеологическими последствиями кампании маккартизма, поняв, что в ней скрыта угроза сложившемуся соотношению сил внутри правящей олигархии. Все чаще стали раздаваться критические голоса.

Критики утверждали, что антикоммунистическое законодательство, по крайней мере в области идеологии, не достигает официальной цели. В ряде штатов вообще не удалось провести в жизнь антикоммунистические законы. Попытки цензуры публичных библиотек встретили отпор со стороны либеральных органов печати, советов многих библиотек и т. д. Против «эксцессов» маккартизма выступили представители науки. Наконец, Верховный суд частично признал неконституционным закон Маккарэна, а также практику идеологического контроля в системе народного просвещения. Было назначено расследование по делу фашиствующего генерала Уолкера, организовавшего во вверенных ему воинских частях политическую обработку солдат и офицеров в берчистском духе.

Центр тяжести внутренней идеологической политики стал перемещаться от прямолинейных методов прямой законодательной унификации идеологии в сторону более тонких и эффективных с точки зрения правящей олигархии приемов. Такой была, например, программа «национальной безопасности», предусматривавшая проведение за счет государства, а также средств благотворительных фондов и других частных средств обширных социальных, политических, исторических, психологических и иных исследований, цель которых — укрепление позиций США на мировой арене в обстановке идеологической войны. В 1963 г. в рамках этой программы было осуществлено 400 исследований только по истории американской дипломатии; 21 институт разрабатывал проблемы «мирового порядка» и роли США в нем. Ряд исследований был проведен по проблемам военной истории США, стратегии психологической войны, обоснованию агрессивной политики и разработке тактики подавления революционных движений, включая вопросы идеологической войны против «повстанцев». Эта программа широко использовала метод сочетания идеологической обработки с профессиональной подготовкой, повышая личную заинтересованность, а также качество идеологической подготовки и последующей идеологической деятельности соответствующих кадров. Оценивая результаты проведения программы, американские специалисты считают, что она дала значительный эффект (в частности, благодаря массовости пропаганды), обеспечив отклик определенной части буржуазной интеллигенции и представителей делового мира на нужды «холодной войны».

Роль программы «национальной безопасности» в механизме идеологической деятельности государства США можно проиллюстрировать на следующем примере. В 1960 г. военное министерство США выпустило официальную пропагандистскую книгу, которая должна была служить в качестве материала для обработки военнослужащих. Противопоставляя идеи буржуазной демократии выдержкам из сочинений марксистских и других социалистических авторов, создатели этой пропагандистской книги ставили своей целью убедить солдат в превосходстве американских идеалов, в необходимости сражаться за них. К работе над книгой в порядке осуществления программы национальной безопасности были привлечены профессиональные философы, представители политической науки, психологи и социологи. В основу ее были положены труды махровых антикоммунистов.

Таким образом, если на одном полюсе программ сосредоточиваются «объективные» научные исследования, выполняемые «независимыми» специалистами, то на другом — прямой пропагандистский материал. И хотя этот материал облечен в наукообразную форму и преподан с соблюдением традиционного принципа изложения критикуемой точки зрения, он служит целям укрепления буржуазного порядка с помощью опровержения

революционных, социалистических и других несовместимых с этим порядком идей.

Не случайно исследования в сфере социальных, экономических, политических наук составляют в среднем не менее 30% всех научных исследований, осуществляемых государством или с участием государства, а в некоторых штатах достигают 60—70%[6]. Все это позволяет сделать вывод о том, что совмещение идеологической пропаганды с научными исследованиями в области социальных наук и различными формами профессиональной подготовки кадров является одним из главных методов внутренней идеологической деятельности государства в США.

С помощью этого метода американское правительство влияет на идеологические процессы в обществе и использует в своих целях заинтересованность различных секторов в развитии общественной мысли. Включая в тематику научно-просветительных программ основные животрепещущие вопросы современной политики (война во Вьетнаме, расовая проблема, социальная и налоговая политика), американское правительство обеспечивает с их помощью необходимую степень «добровольной» унификации взглядов значительной части идеологической «элиты» общества, а также активное и неофициальное по форме распространение главных идей правящей группировки.

Некоторая философская и академическая свобода, допускаемая в процессе реализации научно-просветительных программ правительства США, по мнению правящих кругов, не только не влияет отрицательно на конечные результаты, но, наоборот, стимулирует их качество. Правда, современные способы идеологической деятельности внедряются в идеологическую политику государства не без борьбы. Крайне консервативные круги, тяготеющие к более прямолинейным методам идеологической диктатуры, выступают против слишком «нейтральной» или даже «социалистической», по их мнению, окраски социологических, политических и экономических изысканий, проводимых в рамках правительственных программ. Расследуя, например, деятельность благотворительных фондов, специальная комиссия Конгресса заподозрила их в том, что они совместно с просветительными учреждениями «устроили целую революцию американского народа в направлении коллективизма, создания социального обеспечения и других форм расширения деятельности правительства». Выступая в Конгрессе, председатель этой комиссии Керол Рис говорил: «Почему проамериканские проекты встречают такие трудности при получении субсидий от некоторых из этих фондов? Пусть фонды ответят: достаточно ли они финансировали исследования, посвященные превосходству американской конституции, важности

[6] F. N. Cleveland. Science and State Government. Washington, 1960, p. 13, 18.

Декларации независимости или глубинам философии отцов-основателей?» [7].

Аналогичные вопросы не раз задавались при обследовании деятельности правительственного аппарата. Опасения консервативных конгрессменов, однако, продиктованы главным образом их ограниченностью. Невежество мешает им понять современные методы достижения «благонадежности» населения в условиях все более развивающихся средств коммуникации, науки и массовых знаний [8]. Что касается более «либеральных» кругов, то их политика не оставляет сомнения в том, что, прибегая к новым методам, они не теряют главных идеологических ориентиров. Тот самый фонд Форда, который консервативные конгрессмены заподозрили в недостаточном внимании к вопросам «проамериканской» идеологии, издал инструкцию, содержавшую следующее положение: «исследователи и ученые, лояльные по отношению к коммунизму, не внушают доверия в смысле их объективности» и потому не могут получать субсидии от фонда [9]. Эта яркая иллюстрация понимания «объективности» научных исследований характеризует всю линию «либерального» крыла монополистической олигархии, о чем наглядно свидетельствует содержание большинства социологических, политических, экономических и философских исследований, выполненных в порядке реализации упомянутых выше научных и просветительных программ.

Политика унификации идей находит продолжение и дополнение в прямой пропагандистской деятельности американского государства, осуществляемой под девизом «информации». Ее цель — максимальное использование современных средств коммуникации в интересах государственной политики. Пропагандистская деятельность государства рассчитана преимущественно на рядовых граждан. Она касается главным образом вопросов непосредственно практического значения, оставляя более сложные проблемы философско-теоретического, эстетического и тому подобного характера в сфере других организационно-правовых форм и методов идеологической деятельности. Правительство пропагандирует основные стороны внешней и внутренней политики, соответствующие взглядам стоящей у власти правящей политической группировки, избранные ею методы решения текущих и более отдаленных задач, вытекающих из общего стратегического внутри- и внешнеполитического курса. Оппозиция в свою очередь использует информационные возможности Конгресса, местных органов для пропаганды своих методов политики и

---

[7] F. Andrews. Philantropic Foundations. N. Y., 1956, p. 202.

[8] Д. Истон пишет, что при рассмотрении в сенате США вопроса об ассигновании на социальные науки некоторые сенаторы спутали понятие «социальные» с понятием «социалистические» (D. Easton. The Current Meaning of Behavioralism. «Contemporary Political Analysis». N. Y., 1968, p. 22).

[9] F. Andrews. Op. cit., p. 203.

связанных с ними политических и общественных деятелей. Но различие оттенков прагматической идеологии, пропагандируемой представителями различных политических направлений, не ведет к разрушению общих рамок идеологической ориентации, существенных для поддержания капиталистического строя США. Не раз отмечалось самими же американскими авторами, что реклама различных методов политики, деятельности различных органов и политических деятелей не мешает американской пропаганде одинаково приписывать всем им такие черты, как стремление к международному миру, экономии правительственных расходов, повышению престижа США, снижению налогов, росту занятости и т. д.[10]

Официальная политика и лежащие в ее основе идеи пропагандируются прежде всего с помощью принадлежащих правительству технических средств.

Выступая непосредственно в роли издателя, к тому же издателя, выполняющего публичную функцию, государство или действующий от его имени орган, конечно, не может не считаться как со сложившейся традицией издательского дела, так и с политической традицией, определяющей отношение к выполнению всякого рода публичных функций. Теоретически считается, например, что «пропаганда» противоречит принципам свободы печати, слова, совести и другим устоям буржуазной демократии. Немало американских идеологов приложили и прилагают силы к тому, чтобы обосновать противоположность «информации» как средства объективного изложения фактов «пропаганде» как способу влияния на умы. На практике, однако, дело сводится к тому, что пропаганда осуществляется под видом «информации», а абстрактное противопоставление информации пропаганде служит идеологическим прикрытием последней.

Несколько более сложной представляется организация пропаганды через прессу и другие средства коммуникации, не находящиеся в непосредственном распоряжении правительства.

Пресса США в определенной степени имеет собственные интересы. Она заинтересована в читателях и сама служит особым рычагом влияния монополий на правительство. Кроме того, организация прессы такова, что в ней до определенной степени представлены различные общественные и политические группы, позиции которых не всегда идентичны позиции правительства. Американское правительство, по свидетельству американских ученых, применяет большой набор средств с целью подчинить прессу своему влиянию, сделать ее пропагандистом основных идей и методов правительственной политики. Разумеется, это касается главных вопросов и пропаганды наиболее крупных политических

---

[10] D. Bradley. The Newspaper: Its Place in a Democracy. Princeton, 1965, p. 79.

фигур. В отношении второстепенных вопросов и второстепенных «винтиков» государственного механизма правительство обычно большой заинтересованности не проявляет, считая даже выгодным избавляться от малоспособных чиновников и провалившихся деятелей с помощью прессы. На этой основе между правительством и прессой достигается определенное соглашение, границы которого, однако, весьма подвижны.

Программа-максимум правительства в США заключается в том, чтобы полностью заставить прессу и другие средства коммуникации следовать наиболее важным направлениям правительственной политики. При этом правительство стремится обеспечить отбор фактов и необходимый тон, прибегая к разнообразным способам воздействия на прессу. Так, в 1971 г. правительство президента Никсона наложило запрет на опубликование газетами «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» материалов о подготовке агрессивной войны США во Вьетнаме. Хотя в конечном счете в результате протестов демократической общественности в судебном порядке запрет был снят, он показал готовность правительственного аппарата США пойти достаточно далеко по пути установления не только косвенного, но и прямого контроля над прессой.

Правительство использует то обстоятельство, что в современных условиях интерес общественности к крупным проблемам государственной политики достаточно велик и что пресса и другие средства коммуникации стремятся получить и использовать как можно больше информации о работе государства. Регулирование потока правительственной информации, попадающей в каналы средств массовой коммуникации, становится в этих условиях мощным средством проправительственной пропаганды. Конечно, это полностью противоречит принципам «свободы информации», пропагандируемым теоретиками буржуазно-демократической концепции «свободы информации». Формально, однако, правительственные органы используют для регулирования такие «законные» предлоги, как обеспечение государственной, в частности военной, тайны, юридический принцип «исполнительной прерогативы» и др. Регулирование используется прежде всего для того, чтобы явочным порядком не допускать появления в прессе фактов, неугодных правительству, и в то же время навязывать прессе пропагандистский товар в виде фактов, опубликование которых в тот или иной момент необходимо правительству. Однако в умелых руках этот метод позволяет достичь большего. Дифференцированно распределяя информацию между различными средствами коммуникации, различными печатными органами и т. п., государственный аппарат добивается такой высокой степени зависимости последних, которая превращает их по существу в «добровольных» послушных партнеров государства.

Но было бы наивным думать, что правительство при этом ограничивается реализацией целей, указанных в законе, или задач официально сформулированной политики. Оно использует эти методы в узкоэгоистических партийных и личных целях, а также в особых интересах бюрократии как социальной прослойки.

«Вся информация об американских бюрократах, расходующих доллары, уплаченные налогоплательщиками, поступает... в форме сообщений 50 тыс. федеральных пресс-агентов в Вашингтоне,— пишет один американский автор.—Большинство этих правительственных сообщений представляет собой не что иное, как пропаганду, предназначенную для продления политической жизни наших бюрократических боссов и для сооружения бюрократической тирании над общественным мнением, против которой предостерегал еще Томас Джефферсон»[11].

В руках таких буржуазных политиков, как Рузвельт или Кеннеди, регулирование информации в сочетании с другими приемами позволило правительству практически полностью захватить инициативу формирования общественного мнения и обеспечить надежный контроль над прессой и другими средствами коммуникации. Правда, и в этих случаях в осуществлении информационной политики не всегда можно было провести грань между «официальными» и не совсем официальными методами. Но, как сказал один из министров кабинета Кеннеди, «в современном мире выпуск новостей по инициативе правительства становится оружием в напряженной внутренней и внешней ситуации», в силу чего «результаты оправдывают используемые средства» [12].

Особенность информационной политики Рузвельта, Кеннеди и других крупных государственных деятелей США заключалась в стремлении максимально использовать личные факторы. Для достижения необходимой реакции средств коммуникации президент и работники государственного аппарата практиковали два основных метода: предоставление привилегий некоторым газетам и другим средствам коммуникаций и лишение доступа к источникам информации.

Поскольку получение информации из высших правительственных сфер служит источником существования отдельных журналистов и целых изданий, они вынуждены подчиняться установленному в правительственном аппарате режиму информации. Д. Брэдли в следующих словах характеризует действующие в госдепартаменте правила работы с представителями средств информации: «Чиновник, получивший просьбу об интервью или информации, может согласиться, *если* он на то уполномочен, *если* информация не является «секретной», *если* при этом присутствует другой чиновник и *если* предмет обсуждения немедленно доведен

---

[11] V. M. Newton. Op. cit., p. 4.
[12] D. Bradley. Op. cit., p. 70.

до сведения канцелярии помощника государственного секретаря»[13].

Режим санкций и поощрений дополняется установлением личных отношений между руководителями правительства и работниками средств информации. Так, президент Кеннеди, уделявший особое внимание пропагандистской деятельности правительства, проводил политику своеобразного фаворитизма. Сообщая корреспондентам свое мнение об их статьях, он установил нечто вроде президентской цензуры. Лица, не считавшиеся с мнением президента, отстранялись от важных источников информации. Напротив, лица, умевшие поддерживать добрые отношения с президентом и его аппаратом, постоянно вовлекались в обсуждение существующих проблем и трудностей, что, по свидетельству работников печати, создавало атмосферу, исключавшую объективность освещения политики правительства. «Те, кто дорожил его дружбой... очень крепко задумывались, прежде чем опубликовать статью, которая, как бы правдива она ни была, могла повредить отношениям»[14]. Система «работы» правительства с органами информации включала также практику регулярных банкетов и завтраков в Белом доме, на которые приглашались журналисты и издатели со всей страны, систематического приглашения к президенту для «частных» бесед пресс-агентов правительств штатов. В ходе этих бесед «разъяснялась» политика и цели президента и др.

В результате применения «тонких» методов руководителям типа Кеннеди удавалось добиться во многих случаях эффективного подчинения средств информации политике правительства.

Показанные выше методы унификации идеологии носят общий характер, они касаются всего населения страны. Вместе с тем определенные органы государства развивают идеологическую деятельность, рассчитанную специально на некоторые группы населения. Так, армия воспитывает военнослужащих; министерство просвещения и здравоохранения, а также местные образовательные органы — учащихся; министерство труда пытается оказывать идеологическое воздействие на рабочих, правительства штатов и местные органы — унифицировать взгляды местного населения. Нередко направление такой частичной унификации не вполне совпадает в различных звеньях государственного аппарата. В то время как федеральное правительство пропагандирует постепенную десегрегацию, губернаторы и правительства некоторых южных штатов решительно выступают против десегрегационной пропаганды. В то время как политика некоторых штатов в области образования ориентируется на

---

[13] Ibid., p. 71.
[14] Ibidem.

либеральный курс, в большинстве других она выдержана в ультраконсервативном духе и т. д.

Остановимся на характеристике тех общих приемов, которые практикуются в идеологической работе со служащими государственного аппарата.

Идейно-политической работе с государственными служащими в США уделяется огромное внимание. Вопросы морального уровня, психологической и профессиональной подготовки кадров госаппарата — постоянный предмет забот федеральной Комиссии гражданской службы. Им уделено огромное внимание ведомством Гувера.

Исходя из задачи борьбы с «чуждыми идеологическими влияниями», вторая комиссия Гувера настойчиво рекомендовала Комиссии гражданской службы, а также федеральному правительству не ограничиваться выработкой только деловых качеств, а сосредоточить внимание на выработке необходимых политических качеств у работников госаппарата. Выдвигая программу материальных и социальных стимулов, призванных повысить заинтересованность «благонадежных» американцев в административной карьере, Комиссия требовала организации специальной работы со служащими с целью «разъяснения» им «наиболее общих принципов политики правительства».

Самым прямолинейным средством идеологической унификации в сфере государственного аппарата является система контроля «лояльности» и обеспечения «безопасности». Признавая идеологический характер этой системы, Норман Пауэлл, например, пишет: «Принципы и детали системы безопасности являются продуктом традиций и ценностей данного общества» [15].

В число вопросов, подлежащих выяснению в процессе проверки благонадежности государственных служащих в соответствии с действующим исполнительным приказом, изданным президентом Эйзенхауэром еще в 1953 г., входят такие: «контакты с анархистскими или революционными организациями», «защита насильственного свержения правительства США или изменения его формы правления неконституционными средствами», членство в коммунистических организациях или контакты с коммунистами и организациями, одобряющими насильственное лишение других лиц прав, предусмотренных Конституцией США, и т. д.[16]

Факты чистки госаппарата на основании законов о проверке «лояльности» широко известны. Однако дело не только в самой чистке. Учитывая чрезвычайно неопределенное содержание, вкладываемое в понятие «лояльность», руководители гражданской службы США используют угрозу чистки для обеспечения

---

[15] N. Powell. Personnell Administration in Government. N. Y., 1956, p. 156.
[16] Ibid., p. 134.

служебного и идейного конформизма. Проблема «лояльности» постоянно находится в центре обсуждения. На эту тему проводятся официальные и неофициальные беседы не только в индивидуальном, но и в общем плане. Насколько широко понимается идеологический эффект «лояльности», видно из следующего высказывания одного из руководителей гражданской службы: «Подлинная лояльность служащего... охватывает его добросовестность в работе, внутреннюю заинтересованность в исполнении служебного долга, его характер и повседневное исполнение им обязанностей» [17].

Социологические исследования, проведенные группой специалистов, показали, что в результате осуществления системы контроля «лояльности» в государственном аппарате укоренился дух подозрительности по отношению к национальным меньшинствам, интеллигенции, а также боязнь членства в какой-либо организации.

В атмосфере проверки благонадежности проводятся и другие меры идеологической обработки. Прежде всего на более или менее ответственные должности принимаются лица, окончившие колледжи, причем на некоторые — только лица, получившие юридическое или политическое образование. В ведомствах организованы постоянно действующие курсы переподготовки кадров, связанные с системой так называемого должностного продвижения. В программе этих курсов предусмотрена очередная политико-идеологическая обработка служащих.

Обработка служащих осуществляется и с помощью современных методов «человеческих отношений». Во многих ведомствах каждому вновь поступающему вручается специальный проспект, пропагандирующий работу ведомства. Он открывается личным обращением министра, содержит краткий моральный кодекс поведения служащего, включающий «лояльность по отношению к обществу и конституции»; рекомендует при любых затруднениях и сомнениях обращаться к работникам по кадрам и т. д. Помимо значительной дозы полезной и нейтральной информации такой проспект создает, однако, впечатление непогрешимости политики ведомства, ориентирует служащих на бездумный патриотизм, политический и идейный конформизм. Помимо таких элементарных пособий ведомства издают специальные, более подробные инструкции, касающиеся моральных норм поведения служащих и т. д. Еще более прямолинейный характер носит идеологическая работа в армии и полиции.

Поскольку между различными звеньями государственного аппарата, а также между государственным аппаратом и «независимой» (т. е. непосредственно зависимой от монополий) прессой и другими средствами коммуникации идет постоянный спор

[17] Ibid., p. 138.

о том, кто должен сказать последнее слово, кому принадлежит ведущая роль в унификации и ориентации общественного мнения, возникает правовая проблема регламентации идеологической деятельности. Государственная регламентация идеологической деятельности проводится главным образом под флагом защиты «свободы информации». В основе концепции «свободы информации» лежит идея о том, что все граждане и организации Соединенных Штатов имеют право свободного доступа к любой информации о деятельности государственных органов, кроме случаев, когда на основании специальных законов эти органы могут отказывать в предоставлении подобной информации всем или определенным категориям лиц. Сама по себе эта идея не лишена демократического содержания. Однако в условиях США она практически неосуществима и лишь скрывает фактическое неравенство возможностей в получении и использовании информации, монополию капитала на «свободу информации».

Проблема свободы информации, таким образом, в действительности сводится к вопросу о том, сколько и какой информации могут получить и распространить те или иные органы печати, радио, телевидения, политические организации, а также различные органы государства и какие из них могут лучше использовать ее в общих интересах монополий. Речь, таким образом, идет лишь о распределении ролей в проведении информационной политики. Естественно, что вокруг этой проблемы, как и вокруг всякой политической проблемы, ведется борьба. Но она хотя и ведется под эффектным лозунгом защиты «свободы информации», в действительности представляет собой лишь борьбу за те или иные методы использования информации в частногрупповых целях и в интересах поддержания буржуазного строя в целом. Однако острота борьбы свидетельствует о том значении, какое придают информации различные политические силы американского общества, для которых информация служит одним из главных рычагов воздействия на умы. Выступая за ту или иную систему обеспечения «свободы информации», американские теоретики борются за усиление влияния соответствующих сил на политическую жизнь США. Защита «свободы информации» для одних связана со стремлением обеспечить хлеб насущный большой армии мелких издателей, провинциальных газетчиков и журналистов; для других — с поддержкой большей свободы игры частных интересов отдельных газетных монополий; для третьих — с защитой позиций бюрократии как особой социальной прослойки и т. д. Стремясь к защите своих особых интересов, различные направления обращаются к авторитету государства, которое, по их мнению, должно вмешаться в целях защиты «свободы информации» в их интересах, обеспечить им свободу «идеологической конкуренции».

Теоретически этой цели должно служить создание общественных форумов, обеспечение «равных» возможностей для пропаганды любых взглядов и сообщения любых фактов всем лицам по радио, телевидению, в кино и т. п. На практике, однако, главной проблемой, в которой концентрируются интересы и противоречия всей информационной политики, является правительственная информация. Эта информация служит для самого правительства средством обеспечения политики правящей монополистической группировки, интересы которой оно представляет; для прессы и телевидения—средством конкуренции и борьбы за читателя или зрителя; для оппозиции — средством пропаганды своих политических требований и программ.

Правовые нормы и сложившиеся политические обычаи предоставляют различным звеньям государственного аппарата, а также частным организациям определенную свободу «ориентирования» информации. Так создается своего рода компетенция в области ориентации общественного мнения с помощью целенаправленной информации, компетенция, распределяемая между различными звеньями государства. Правовые нормы, определяющие эту компетенцию, содержатся прежде всего в многочисленных законах об охране военной и государственной тайны. Законодательство о протоколах, например, предоставляет министерствам и агентствам право не допускать представителей общественности и печати к протокольным материалам, а также не сообщать сведения, касающиеся «внутренних дел» ведомства.

К политическим обычаям, влияющим на свободу информации, относится так называемая исполнительная прерогатива, ссылаясь на которую работники правительства от высших политических руководителей до рядовых пресс-агентов осуществляют дозирование информации и прибегают к другим методам ориентации общественного мнения. Любопытным средством регламентации информационной деятельности являются ограничения, налагаемые на правительственных чиновников с помощью авторского права.

Различные способы регламентации в области информации, так же как прямая законодательная унификация идеологии, прежде всего служат цели обеспечения наиболее общих интересов правящего класса, правящей олигархии в сфере идеологического господства. Доверяя правительству правящей партии проведение определенной политической линии и, в частности, идеологической политики (право дозировать информацию, государственная тайна, исполнительная прерогатива), монополии в целом стремятся застраховаться от чрезмерно одностороннего проведения этой политики, от осуществления ее в ущерб определенным влиятельным группам, а также от крайностей, способных поставить под угрозу существующий порядок информации.

Поэтому информационная политика правительства постоянно подвергается критике, а сама регламентация ее не является устойчивой. Конгресс регулярно публикует перечни злоупотреблений информационными правами со стороны правительства и отдельных его ведомств. Он вносит изменения и в законы и правила, касающиеся порядка предоставления информации правительством. На уровне штатов ведется борьба за свободный доступ прессы и даже вообще любых лиц на заседания правительственных учреждений, а также к деловой корреспонденции. В некоторых штатах приняты соответствующие законы, ряд ведомственных инструкций. К существенным результатам все это тем не менее не привело.

Регламентация идеологической деятельности, однако, не ограничивается только установлением компетенции различных звеньев государства в области проведения информационной политики. Государство регламентирует и деятельность средств коммуникации, существующих в частной сфере.

Выше мы уже ссылались на высказывание профессора Чейфи. Сформулированная им точка зрения нашла отражение в практической политике американского правительства в довоенные и особенно послевоенные годы. Разумеется, значительное место в такой регламентации занимают соображения экономической политики. Здесь есть определенное переплетение идеологической и хозяйственной функций, не случайно и заметное сходство методов. Но следует учесть, что даже чисто «коммерческие» аспекты в сфере средств массовой коммуникации неразрывно связаны с идеологическим эффектом, ибо специфика «производства» здесь состоит в эксплуатации духовных потребностей населения. Не напрасно профессор Чейфи в заключение своего рассуждения призвал наделить компетентный орган полномочиями в области контроля за «методами и содержанием» деятельности средств коммуникации.

Все же в условиях США прямой идеологический интервенционизм государства отличается от косвенного экономического воздействия на коммерческое телевидение, прессу, книгоиздание, искусство и т. д., несмотря на то что формально оба метода иногда прослеживаются в одном и том же акте.

К формам прямой идеологической регламентации в США относятся цензура периодической печати, книг, публичных библиотек, киноцензура; к формам косвенного воздействия на идеологическую политику частных и негосударственных средств коммуникации — применение тарифно-транспортных льгот, использование антитрестовского законодательства, а также авторского права. Смешанной формой является система предоставления лицензий на радио- и телевизионное вещание.

Теоретически цель правовой регламентации работы средств коммуникации (как прямой, так и косвенной) состоит в охране

общества от «злоупотреблений» в сфере нравственности, воспитания малолетних и т. д.

Но если даже правительству или отдельным его органам и приходится иногда выравнивать баланс между силами различных монополий в области информации, искусства или поправлять в пользу небольших газет или телевизионных компаний слишком рискованный сдвиг сложившихся соотношений, то все же каких-либо кардинальных мероприятий в этом направлении американское правительство, по общему признанию, не проводит. В США в сущности отсутствует реальная антимонополистическая практика, затрагивающая информацию в сфере искусства. Обычно все сводится к рассмотрению отдельных ходатайств и жалоб. Но зато под предлогом борьбы с монополиями государство вводит контроль над содержанием и методами идеологической деятельности негосударственных учреждений и лиц главным образом независимого или левого направления. Нечто подобное можно сказать и о регламентации под предлогом охраны общественной морали.

Так, еще в 1951 г. генеральный почтмейстер США (пост, обычно занимаемый председателем руководящего комитета правящей партии) запретил рассылку левой газеты «Эсквайр», а в 1954 г. лишил так называемых тарифных льгот второго класса ряд других левых изданий, создав трудности в их рассылке [18].

На практике государство не ограничивается каким-либо одним методом, а практикует комбинацию различных методов и организационно-правовых форм, подчиненных общим идеологическим задачам. Яркий пример такой комбинации представляет собой охарактеризованная выше программа «национальной безопасности». Говоря об эффекте программы, ее исследователи отмечают, что он — результат «переплетения деятельности правительства, благотворительных фондов и американского высшего образования» [19]. Направление исследования, по их признанию, иногда определяется особыми требованиями правительства, а иногда заинтересованностью отдельных лиц в «национальных задачах». Но, приводя данные о росте центров «национальной безопасности», Дж. Лайонс и И. Л. Мортон показывают, что, хотя методы участия государства различны (прямой правительственный контракт, выделение ассигнований высшим учебным заведениям, частичное покрытие расходов и т. д.), практически правительство всегда участвует в реализации указанных программ.

Можно привести и другие примеры координации. Так, американские частные реакционные организации пытаются взять в свои

---

[18] См. P. Blanshard. Op. cit., p. 140.

[19] G. M. Lyons, L. Morton. School for Strategy. «Education and Research in National Security Affairs», 1965, N 4, p. 4.

руки руководство просвещением и народным образованием. Особое внимание они уделяют воспитанию подрастающего поколения в антикоммунистическом духе. Учитывая все возрастающий интерес среди американцев к Советскому Союзу и коммунизму, американская реакция пытается использовать среднюю и высшую школу для формирования у молодежи искаженного представления о марксизме и социализме. В школах, колледжах и университетах США разрабатываются программы преподавания специальных курсов по антикоммунизму, принимаются все меры к тому, чтобы такое преподавание в идеологическом отношении наиболее соответствовало поставленным перед ним задачам, было унифицированным и исключало возможность неугодного освещения тех или иных проблем. В этих целях многие частные организации составляют специальные методические руководства для преподавателей. Например, в 1962 г. Ассоциация американских адвокатов выпустила инструкцию преподавания проблем свободы и коммунизма, объединенный комитет Национальной ассоциации образования и Американского легиона — руководство по преподаванию коммунизма для учителей средних школ и т. п.

Однако ведущая роль в координации преподавания антикоммунизма принадлежит так называемому Институту американской стратегии. Созданный Американской торговой палатой, этот Институт сотрудничает с другими организациями, занимающимися пропагандой «американской демократии» и разжиганием антикоммунизма в США. В этих целях Институт американской стратегии проводит многочисленные конференции, семинары по вопросам просвещения и образования, занимается изданием и распространением специальных книг, брошюр и других пропагандистских материалов, разрабатывает соответствующие программы для радиовещания и телевидения. В 1963 г. в Чикаго Институт созвал специальную конференцию на тему «Образование и свобода», к работе которой были привлечены не столько работники просвещения и образования, сколько промышленники, военные, конгрессмены. Участие «специалистов» такого рода наложило отпечаток на характер конференции. Многие выступления не вносили каких-либо позитивных рекомендаций в систему преподавания общественных наук, а сводились лишь к самым общим заявлениям о необходимости повышения гражданской ответственности подрастающего поколения, воспитания в нем ненависти к коммунизму и т. д. Некоторые выступавшие (например, конгрессмен Гордон Ширер из Огайо) говорили об особой «воспитательной» роли Комиссии конгресса по расследованию антиамериканской деятельности и сенатского Подкомитета по внутренней безопасности; они сетовали на то, что многие их рекомендации игнорируются работниками печати и просвещения. Военные ораторы превозносили «воспитательную» роль Пен-

тагона и похвалялись тем, что это ведомство тратит на обучение солдат больше средств, чем все средние школы США. Все эти выступления изданы в специальном сборнике, который Институт американской стратегии рекомендует в качестве методического руководства для преподавания антикоммунизма [20].

Конференция единогласно приняла резолюцию, призывающую к усилению идеологической направленности американского образования в духе «холодной войны» (что само по себе вполне соответствует задачам Института американской стратегии). Для этого конференция предложила объединить усилия частных организаций. «Мы убеждены, — говорится в резолюции, — что только через энергию тех добровольных групп, которые составляют одну из основ свободного общества, мы можем перейти в наступление, раскрывая и утверждая наши собственные ценности и укрепляя наши институты» [21]. И хотя Институт американской стратегии, как и другие частные организации, заинтересован в сотрудничестве с правительством и привлекает к работе своих конференций государственных деятелей, тем не менее «частной инициативе» в области внутренней идеологической деятельности по-прежнему отдается предпочтение. Частные организации чувствуют себя здесь достаточно сильными и ищут новые пути для укрепления своих позиций, вмешиваясь во все больший круг вопросов, подчиняя своему контролю народное образование в стране.

Такая активность частного сектора в свою очередь облегчает выполнение задач, стоящих перед государством, освобождая от необходимости расходовать свои силы в тех областях идеологической деятельности, в которых успешно действуют частные организации. Это удобно для государства, так как создается видимость его невмешательства в традиционные сферы «духовной свободы», всячески рекламируемого американской пропагандой как внутри страны, так и за рубежом.

Однако было бы неверно считать, что федеральное правительство совершенно устраняется от руководства просвещением. Правительство координирует научно-исследовательскую работу университетов и департаментов народного образования штатов. Существуют некоторые частные организации, с которыми оно поддерживает самые тесные связи и деятельностью которых в значительной степени руководит. Такова, например, организация «Американская точка зрения» (American Viewpoint), занимающаяся вопросами совершенствования системы просвещения.

Федеральное правительство все большее значение придает идеологическому воспитанию молодежи, выступая инициатором некоторых важных мероприятий.

[20] «Education and Freedom in a World Conflict. Guidelines for Teaching about Communism». Ed. by C. P. Oakes. Chicago, 1963.

[21] Ibid., p. 334.

Так, в 1960 г. была созвана специальная конференция Белого дома по вопросам народного образования, к которой были привлечены работники просвещения и представители американской общественности. Особое внимание конференция уделила проблеме гражданского воспитания, поставив перед органами просвещения задачу воспитывать в американской молодежи «чувство социальной ответственности и справедливости», правосознание, преданность демократии, политическую зрелость и т. д.

Определенное участие федеральное правительство принимает в цензуре школьных учебников. Палата представителей Конгресса США поддерживала самый тесный контакт с цензорскими течениями и получала через них соответствующую информацию. В 1961 г. был даже создан социальный комитет Конгресса по проверке содержания школьных учебников.

Однако федеральное правительство пока что не идет на установление полного контроля над народным образованием, полагаясь на инициативу частных организаций и местных властей, хотя и не выпускает из поля зрения идеологических аспектов воспитания подрастающего поколения американцев.

Характеристика различных методов идеологической деятельности американского государства позволяет сделать следующие выводы.

Президент и Конгресс США определяют общие рамки идеологической политики, основные установки, такие, как антикоммунизм, американизм, пропаганда частного предпринимательства, а также общий тон и характер идеологической пропаганды; степень унификации идей и правила идеологической игры. С этой целью издаются законы типа закона Маккарэна, закона об «оборонном просвещении». Соответственно строится и деятельность правительств и легислатур штатов, которые также издают идеологические законы, подобные законам о «коммунизмоведении». В рамках общей идеологической политики отдельные ведомства в центре и на местах осуществляют с учетом партийных интересов правящей группировки прямую идеологическую пропаганду, а также координацию деятельности таких крупных составных элементов идеологического механизма, как фонды и идеологические группы давления. Последние в свою очередь воздействуют на идеологическую деятельность государства. В результате создается не всегда заметный внешне, но большой и достаточно согласованный механизм.

Глава II

Идеологическая деятельность органов государства

Президент, Верховный суд, Конгресс

Еще со времени войны за независимость американские президенты играли ведущую роль в формировании официальной идеологии, а некоторые из них (Т. Джефферсон, А. Линкольн, В. Вильсон, Ф. Рузвельт) были видными идеологами своего времени. Президенту всегда придавалось значение символа единства нации, ее подлинного лидера, выразителя общенациональных чаяний и настроений. Такое представление о президенте — немаловажный психологический фактор; оно повышает авторитет формулируемых им идеологических положений, облегчает их воздействие на общественное мнение в стране, где всегда были сильны местнические тенденции, индивидуализм, недоверие к власти, отрицательное отношение к пропаганде.

Роль президента в формировании официальной идеологии усиливается еще тем, что политические партии в США никогда не имели четко выраженных политических программ, в идеологическом отношении были всегда аморфны, а по своему социальному составу — чрезвычайно разнородны.

В современных условиях идеологическая роль президента возрастает с ростом роли федерального правительства, с усилением его контроля и вмешательства во все новые сферы экономической, политической и духовной жизни общества. Это соответствует тем огромным возможностям, которые открывают новейшие средства информации и массового общения, радио и телевидение.

С возрастанием роли государства в жизни американского общества возрастает также его значение как источника важнейшей информации о разных аспектах внутренней и внешней политики, которая лишь доводится до общественного мнения могущественными частными газетными трестами, радио и телекомпаниями.

Естественно, что такая информация подается правительством в соответствующем, выгодном ему освещении и в значительной степени искажает истинное положение вещей. Она, однако, представляется для общественности более правдоподобной и убе-

дительной, когда исходит от самого авторитетного государственного деятеля — президента США.

Пресса заинтересована в получении исчерпывающей информации, а президент — в том, чтобы сообщаемая им информация получила желаемое освещение в печати. Эта обоюдная заинтересованность предопределила развитие в эпоху империализма такой формы контактов президента и представителей печати, как пресс-конференция.

Введенные президентом Теодором Рузвельтом в 1902 г. пресс-конференции получили особенно широкое развитие при Франклине Рузвельте, который, взяв на себя бремя проведения политики «нового курса» в обстановке экономического кризиса начала 30-х годов, придавал огромное значение пропаганде своей политики. Он считал, что президент должен не только руководить страной, но и убеждать народ в правильности такого руководства, быть учителем народа[22]. Ф. Рузвельт высоко оценивал возможности прессы и прилагал все силы к тому, чтобы заручиться ее поддержкой, используя свое личное обаяние, красноречие, силу убеждения, внимательность, учтивость к репортерам. Он создавал непринужденную обстановку на своих пресс-конференциях, разрешая корреспондентам задавать устные вопросы. Ф. Рузвельт первым широко использовал радио в своих выступлениях перед общественностью.

Он организовал службы печати в различных департаментах и правительственных учреждениях. Эти службы комплектовались из людей, которые умело отражали идеи президента в различных официальных документах. В частности, все отчеты конгресса стали сопровождаться высказываниями Рузвельта[23].

Оценивая усилия Ф. Рузвельта, направленные на обоснование «нового курса», известный американский специалист политической науки Пендлтон Херринг в 1935 г. писал: «Никогда раньше федеральное правительство не стремилось в таком масштабе и с такой настойчивостью к формированию благоприятного общественного мнения по отношению к своей политике»[24].

Дальнейшее развитие пресс-конференция получила при президенте Эйзенхауэре, когда впервые была введена в практику их трансляция по телевидению. Президент Кеннеди в отличие от своего предшественника стал использовать транслируемые конференции не столько для общения с представителями прессы, сколько для непосредственного личного воздействия на аудиторию американских телезрителей.

---

[22] См.: E. Cornwell. Presidential Leadership of Public Opinion. Bloomington, 1965, p. 143.

[23] Ibid., p. 224.

[24] P. Herring. Official Publicity under the New Deal. «Annals of American Academy of Political and Social Science», 1935, p. 167.

При президенте США имеется значительный консультативный аппарат по вопросам печати и информации. Так, если при Т. Рузвельте был лишь один пресс-секретарь, то штат Белого дома при Эйзенхауэре достиг 446 человек. Пресс-секретарь президента Кеннеди Пьер Сэлинджер создал социальный совет по информации, к работе в котором привлекались известные специалисты по общественным отношениям. Совет занимался подготовкой пресс-конференций, составлял списки возможных вопросов и варианты ответов на них и т. д. Постоянные советники президента Тед Соренсен, Макджордж Банди и пресс-секретарь Сэлинджер выполняли большую работу для Кеннеди: сами проводили пресс-конференции, готовили тексты публичных выступлений президента и т. д. В 1962 г. с их помощью было выпущено 154 бюллетеня для печати [25].

Выступая от имени нации, президенты США в своих публичных заявлениях, как правило, говорят об «уникальности американских идеалов», об «особом демократизме» американской политической системы, о якобы присущем Америке «универсальном духе свободы», о чувстве равенства и справедливости, объединяющем всех американцев. Эти идеи высказывали неоднократно В. Вильсон и Ф. Рузвельт, Дж. Кеннеди и Л. Джонсон. Они пронизывают основные программные положения «нового курса» Рузвельта, «справедливого курса» Трумэна, «новых рубежей» Кеннеди и «великого общества» Джонсона; они приводятся в оправдание любых политических акций правительства. При всем их демагогическом характере, такие идеи, однако, импонируют рядовому американцу, играя на его традиционных представлениях о демократии, на чувстве патриотизма и гражданского долга. Тем самым мобилизуется общественное мнение в поддержку правительства, достигается эффект, преследуемый публичным заявлением президента.

В своеобразной форме идеологическую пропаганду осуществляет правительство президента Р. Никсона. Еще в 50-х годах Никсон был одним из вдохновителей создания специального республиканского Комитета по программе и прогрессу, который в рамках республиканской партии занимался разработкой перспективных «принципов республиканизма», призванных определить отношение партии к актуальным общественным вопросам.

Став президентом, Р. Никсон образовал специальный Штаб по изучению национальных целей, главная цель которого — пропагандировать государственную политику США как воплощение идеалов научно-технической революции. Одна из задач Штаба — бороться с критикой правительственной политики и деятельности со стороны представителей прогрессивных кругов, либераль-

---

[25] E. Cornwell. Op. cit., p. 234.

ной академической общественности, а также политических противников правительства.

Характеризуя эти задачи, советник президента Д. Мойнихэн писал, что наличие «авторитетных» данных, характеризующих социальные тенденции, «ограждает» общественность от прогнозов, «содержащих преувеличения» и «способных посеять тревогу». В этой связи Мойнихэн подчеркивает также роль посланий президента конгрессу как «одного из наиболее важных средств информации и формирования общественного мнения» [26].

Президент США влияет на общественное мнение не только своими выступлениями в печати, по радио и телевидению. Влияние оказывает каждое его публичное действие, освещенное средствами массовой коммуникации. Анализируя возможности президента в деле пропаганды, американские исследователи уже в 1949 г. отмечали, что «ни один человек в истории не имел таких возможностей достигнуть сознания такого числа людей, так быстро и при таком обеспеченном внимании аудитории, как президент США» [27].

Особую роль в идеологической деятельности государства играет Верховный суд США. В отличие от президента члены Верховного суда не устраивают пресс-конференций, не дают интервью представителям печати, не выступают перед общественностью по радио и телевидению. Заседания Верховного суда носят закрытый характер, сами судьи образуют своеобразную изолированную касту, не заинтересованную в непосредственном воздействии на общественное мнение. Тем не менее идеологическая роль Верховного суда всегда была большой.

Своеобразие этого органа судебной власти заключается в том, что он формулирует важные конституционные доктрины, для которых, как правило, характерен не только юридический, но и широкий философско-политический подход. Как справедливо отмечает английский исследователь Бернард Крик, решения Верховного суда «скорее напоминают проницательные очерки по социологии и политической мысли, нежели ясное толкование позитивного права» [28].

Именно такой характер носят, как правило, решения Верховного суда по проблемам политической и религиозной свободы, социальных прав граждан, расовой дискриминации и т. д. Острота этих проблем уже сама по себе создает повышенный интерес общественности к решениям Суда, вызывает вокруг них острые дискуссии, а высокий авторитет Суда придает его решениям особую социально-идеологическую значимость. При этом большое

---

[26] D. P. Moynihan. Goals, System and Hidden Policies.— «The Futurist», 1970, N 4, p. 118—121.

[27] L. Markel. Public Opinion and Foreign Policy. N. Y., 1949, p. 67.

[28] B. Crick. The American Science of Politics. London, 1959, p. 237.

внимание уделяется не только самому решению, но и особым мнениям судей, не поддержавших это решение.

Многие известные судьи (Холмс, Брандейз, Кардозо, Стоун, Франкфуртер, Блэк, Дуглас) — крупные мыслители своего времени, и их мнение всегда воспринималось общественностью с особым интересом. Сформулированные ими доктрины «явной и наличной опасности», «предпочтительной» или «абсолютной свободы», «балансирования интересов» и «судейской сдержанности», их отношение к проблеме социальных прав и расового равенства не только имеют большое политическое и правовое значение, но и оказывают сильное влияние на развитие общественной мысли США, американской социально-политической теории, на формирование официальной идеологии. Не случайно мнения членов Верховного суда берутся на вооружение многими американскими идеологами — как представителями науки, так и политическими и государственными деятелями — и используются в официальной пропаганде, в преподавании курсов по обществоведению, в аргументации лидеров политических партий и других общественных организаций. При этом идеологическая роль Верховного суда меняется в зависимости от изменения позиций самого Суда. Так, до 1937 г., когда большинство членов Верховного суда выступало против экономических мероприятий «нового курса» президента Ф. Рузвельта, официальная правительственная пропаганда подвергала резкой критике деятельность Суда и его консервативные доктрины; противники «нового курса», напротив, в своей антиправительственной аргументации широко использовали мнения консервативного большинства судей. В годы маккартизма реакционеры всех мастей превозносили антикоммунистические доктрины Верховного суда, оправдывающие наступление федерального правительства на политические свободы американских граждан. Доктрина «балансирования интересов», сформулированная членом Верховного суда Феликсом Франкфуртером, была взята на вооружение как официальной, так и неофициальной идеологией американского империализма. В то же время прогрессивные силы Америки, борющиеся против маккартизма, использовали в этой борьбе либерально-демократическую доктрину «абсолютности» политических свобод, сформулированную судьями Х. Блэком и У. Дугласом.

В последующие годы в связи с общей либерализацией позиции Верховного суда по вопросам гражданских прав реакционеры усилили его критику, а сторонники расового равенства, социальных и политических прав и свобод, наоборот, все чаще стали аргументировать свою позицию ссылками на решения Суда. Официальная правительственная пропаганда в свою очередь также использовала эту либерализацию для доказательства «особой демократичности» американского правосудия, свободы судейского убеждения в США. Тот факт, что некоторые члены

Верховного суда по-прежнему занимают весьма консервативную позицию, также объявляется официальной пропагандой доказательством их независимости. Поскольку же позиция Верховного суда сейчас в основном соответствует политике федерального правительства, официальная пропаганда широко рекламирует его доктрины, используя их для мобилизации общественного мнения в поддержку правительственных мероприятий.

Как законодательный орган Конгресс США играет наибольшую роль в прямой законодательной унификации идеологии в США, а также в правовой регламентации идеологической деятельности. Дебаты в Конгрессе, а также лобби законодательного органа США используются для согласования общей линии правящей олигархии в области идеологии, для сбалансирования различных направлений и оттенков идеологической политики. Члены Конгресса — сенаторы и представители — обычно могут позволить себе несколько большую свободу в идеологических вопросах, чем члены правительства, связанные политической линией президента, концентрирующей политику правящей олигархии в данный момент.

В составе Конгресса США, как известно, имеется определенное число депутатов, главным образом провинциальных, которые занимают значительно более правые позиции, чем правительство. Эти круги Конгресса обычно выступают инициаторами идеологических дискуссий, проповедниками стереотипного «американизма», яростными «обличителями» коммунизма и т. п. Нередко поэтому Конгресс становится форумом идеологической пропаганды самых реакционных идей. Сенаторы Голдуотер, Ноулэнд и им подобные пропагандируют идеи «холодной войны», политику с позиции силы, защищают расовую дискриминацию. Выступая с обоснованием своих позиций по таким законопроектам, как закон о гражданских правах, законы о военных ассигнованиях, реакционные конгрессмены пропагандировали идеи милитаризации общественной жизни США, насаждения полуфашистской политической и идеологической дисциплины. Именно реакционное крыло Конгресса протянуло руку неофашистам из «Общества Джона Берча».

Трибуна Конгресса используется и для пропаганды официальных взглядов правительства. Материалы дебатов в Конгрессе, как известно, публикуются в официальных изданиях. Эти издания также становятся средством пропаганды официальной идеологии. Участники дебатов в Конгрессе, как, впрочем, и другие официальные лица, широко практикуют публикование своих выступлений через частные издательства, что стирает грань между официальной идеологией и частной пропагандой. Видимо, это обстоятельство смущает некоторых политических деятелей. Во всяком случае проблема разграничения «официального» от «неофициального» в публикациях государственных деятелей и от-

ветственных служащих государства стала предметом рассмотрения Верховного суда. Существует стремление установить нечто вроде своеобразного авторского права государства на заявления, выступления и другие виды объективирования официальной идеологии, осуществляемые должностными лицами государства.

Главная идеологическая деятельность Конгресса сосредоточена в его комиссиях и комитетах. Несколько комиссий и комитетов Конгресса специально занимаются идеологическими вопросами либо в качестве основной задачи (например, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности), либо в качестве дополнительной задачи (Подкомитет по вопросам правительственной информации, Комиссия по гражданским правам). Однако и другие комиссии, как постоянные, так и временные, решают вопросы идеологии.

Прежде всего в комиссиях и комитетах Конгресса практикуются те же формы официальной или полуофициальной идеологической пропаганды, что и в деятельности Конгресса в целом. Так, с санкции председателя Комиссии по проведению реорганизации федеральной гражданской службы Герберта Гувера два высших служащих, руководивших аппаратом этой Комиссии, издали книгу, пропагандировавшую ее работу. Эта книга овеяна ореолом официальности как в силу высокого служебного положения авторов, подчеркнутого в предисловии к книге, так и в силу того, что она основана на официальных материалах, и, наконец, еще потому, что ей предпослано предисловие самого Гувера. Излагая содержание доклада второй комиссии Гувера, авторы одновременно пропагандируют роль самого Гувера, являющегося, как известно, одним из реакционнейших идеологов и политиков США. Но этого мало. Значительная часть книги посвящена прямолинейной пропаганде американских «ценностей» и критике «чуждой идеологии». Авторы книги пытаются беззастенчиво говорить от имени американского народа, приписывая ему самые консервативные идеи [29].

Но, конечно, распространением официальных и полуофициальных публикаций не ограничивается идеологическая деятельность комиссий и комитетов Конгресса.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, например, специализируется на разработке идеологических критериев американизма и выкорчевывания прогрессивных и либеральных идей. Комиссия с самого начала своей деятельности уделяет первостепенное внимание учебным заведениям и учреждениям культуры. Не ограничиваясь политической травлей работников науки, искусства и просвещения, Комиссия непосредственно занимается вопросами идеологии. Она решает, что идеологически выдержанно, а что нет с точки зрения выработанного

[29] N. McNeil, H. W. Metz. The Hoover Report 1953—1955. What it means to you as citizen and taxpayer. N. Y., 1956.

ею понятия «американизма». Характерный пример деятельности этой комиссии — рассмотрение ею вопроса об отнесении школы им. Джефферсона к числу подрывных организаций. Комиссия ориентировалась прежде всего на характер рекомендуемой в школе учебной литературы и обосновала свое решение о признании школы «коммунистической организацией» тем, что в школьной программе было предусмотрено ознакомление с трудами классиков марксизма.

Непосредственно идеологическими вопросами занимались упомянутые выше комиссии. Они проверяли идеологическое содержание социологических, политических и экономических исследований, проводимых благотворительными фондами [30].

Несколько иные функции у Подкомиссии конгресса по правительственной информации. Она контролирует соблюдение правил идеологической игры различными звеньями государственного механизма, следит за состоянием правовой регламентации информационной деятельности правительства, вносит предложения о соответствующем изменении законодательства, а также инструкций правительства по вопросам пропаганды.

Проблемами регламентации идеологической деятельности в частном секторе занимается Комиссия Конгресса по коммуникациям. Она следит за состоянием правовой регламентации коммуникаций, за деятельностью Федеральной комиссии коммуникаций, непосредственно контролирует содержание теле- и радиопрограмм.

Разумеется, в работе комиссий Конгресса отмечаются и попытки критики унификационной политики государства в области идеологии, а также реакционных идейных принципов, принятых на вооружение маккартистской частью Конгресса и служб правительства. Но в гораздо большей степени деятельность этих комиссий служит именно цели унификации идеологических взглядов американского народа, самой вульгарной националистической реакционной пропаганде, борьбе со свободомыслием.

Идеологическая деятельность вооруженных сил и органов охраны порядка.

Идеологическое воспитание военнослужащих и чинов полиции особенно важно для поддержания основ буржуазного государства. Не случайно проблемы военного воспитания, военной идеологии и психологии в различных аспектах пронизывают деятельность самых разных органов, занимающихся идеологией, а также различные идеологические программы. Наряду с этим существенную роль играет потенциальная военно-психологическая подготовка всего населения. Особая роль в проведении

[30] См.: F. Andrews. Op. cit., p. 201—203.

этих программ в жизнь принадлежит самим вооруженным силам США, идеологическая деятельность которых распространяется как на граждан, находящихся на действительной военной службе, так и на широкие категории резервистов, а также в определенных случаях на все население США и даже за рубежом.

В составе министерства обороны США, департаментов армии, авиации и флота существует несколько специальных управлений и отделов, занятых вопросами психологической войны, пропаганды и воспитания. В составе министерства обороны, например, есть отдел информации и воспитания, распространяющий официальные пропагандистские материалы военного ведомства США. В департаменте армии имеется отдел исследований и развития, руководящий подготовкой психологической войны. В составе этого отдела такие подразделения, как отдел изучения личного состава, отдел социальных исследований, лаборатории гуманитарной инженерии, главный психолог армии США и др.

Воспитательной работой в вооруженных силах непосредственно занимаются также командиры воинских частей и соединений или офицеры по их поручению.

Идеологическая работа внутри вооруженных сил складывается из разработки идеологической стратегии Соединенных Штатов (в частности, стратегии психологической войны), из идеологической подготовки начальствующих и командных кадров как в специальных военных учебных заведениях, так и в общей системе просвещения в порядке реализации программы «национальной безопасности»; она включает и непосредственное идеологическое воспитание военнослужащих в соединениях и частях.

Разработка идеологической стратегии охватывает широкий круг мероприятий по выработке военно-политической доктрины, тактики психологической войны, военной и военно-политической пропаганды, определению методов военно-идеологической обработки различных слоев населения США, а также пропаганды роли военных в политическом руководстве страной. К осуществлению названных мероприятий военные ведомства стремятся привлечь широкий круг научных работников. В них участвуют фонды и частные научно-исследовательские институты. Продуктом этой деятельности являются исследования, книги, официальные директивы по вопросам военной идеологии и идеологической стратегии.

Так, конференция по вопросам «человеческих факторов» армии США, состоявшаяся в середине 60-х годов, выработала ряд директив по ведению идеологической войны против «повстанцев» во Вьетнаме и потенциально в других странах. Исходя из безусловной поддержки существующих реакционных режимов в азиатских и латиноамериканских странах, конференция указала мероприятия, направленные на пропаганду таких режимов внутри соответствующих стран в случае «вмешательства»

США. Сюда относятся распространение листовок и газет, проведение специальных социальных мероприятий пропагандистского характера. Материалы конференции, рефераты и доклады, представленные ее участниками, главным образом офицерами вооруженных сил США, свидетельствуют о высокой степени идеологической унификации в высшей армейской среде. Все доклады исходят из безапелляционного оправдания агрессивной политики США и вмешательства США во внутренние конфликты на стороне консервативных режимов против любых «революционеров» и «повстанцев». Не приходится удивляться, что именно из армейской среды выходят в дальнейшем наиболее стойкие кадры американских «ультра», считающих образцовым политическое устройство режимов Франко, Салазара, Стресснера и т. п.

Другой иллюстрацией продукции «исследовательской» деятельности вооруженных сил США может служить книга адмирала Экклса «Военная философия». Она издана как результат исследовательской и преподавательской работы, осуществленной на совместные средства государства и одного из частных фондов. Книга содержит философское обоснование усиления роли военных в политике США [31]. Следующим примером подобного рода может служить упоминавшаяся уже книга, написанная Мортоном, Лайонсом и другими, пропагандирующая милитаризацию американской интеллигенции, позитивную роль военных в политической жизни США и милитаризацию всего населения по принципу нарастающего стирания граней между профессионально-военными и общеполитическими и социальными аспектами «национальной безопасности».

Еще одним результатом стратегической разработки военной идеологии является подготовка официальных пропагандистских материалов для воспитания кадров военнослужащих. Так, еще в 1953 г. на основании приказа президента Эйзенхауэра был разработан и опубликован специальный Кодекс поведения бойца Соединенных Штатов. Философские основы Кодекса одобрены директивой министерства обороны от 8 июля 1964 г. Издание впервые в истории страны официального идеологического документа такого рода — новый момент в политической и идеологической деятельности государства в США [32].

Кодекс обязывает военнослужащих США как в военное, так и в мирное время придерживаться определенных идеологических принципов, рассматриваемых в качестве «основы настоящего Кодекса». В их числе: вера в бога и страну, убеждение в истинности и преимуществах американских учреждений, гордость службой и уважение к национальной, военной и политической истории и традициям. Военнослужащий обязан противостоять «вражеской

[31] A. Eccles. Military Philosophy. N. Y., 1965, p. 34.

[32] «Code of the US fighting Man». Armed Forces information and education. Department of defense, 1964, p. 3.

индоктринации», а также врагам Соединенных Штатов «в любых обстоятельствах» [33].

Не ограничиваясь обязательным внедрением консервативной идеологии с помощью подобных документов, министерство обороны выпускает чисто пропагандистские материалы. Примером такого материала может служить уже упоминавшаяся книга «Конфликт идей», изданная в качестве официального пособия, одобренного военным министром Макнамарой. Она содержит основные философские идеи, составляющие, по мнению министерства, идеологический багаж американского патриота, а также критику коммунистических и других прогрессивных идей.

Опираясь на идеологические директивы правительства США, министерства обороны, департаментов армии, флота и военно-воздушных сил, командиры воинских частей и соединений проводят непосредственную идеологическую работу с офицерами и солдатами. Но если на высшем уровне представители Пентагона все же стараются соблюсти «минимум умеренности» и в открыто публикуемых материалах придерживаться относительно осторожных и «солидных» идеологических формул, то непосредственно в частях идеологическая работа становится откровенно реакционной. Примитивный военный патриотизм, грубый милитаризм и антидемократизм, характерный для значительной части кадровой военщины США, перерастает здесь в разновидность военного фашизма. Иногда пропагандистская деятельность фашиствующих милитаристов приобретает столь скандальный характер, что высшие власти вынуждены подправлять слишком ретивых генералов, выравнивать идеологическую линию в общих интересах государственной политики правящей олигархии.

Немаловажное значение имеет и идеологическая подготовка военных кадров в специальных военных учебных заведениях. Здесь тщательно осуществляется система координации, воздействие на будущих военнослужащих в государственных военных колледжах со стороны частных организаций, учреждающих специальные образовательные и воспитательные программы в рамках общего учебного плана. В ряде случаев программы создаются по предложению государственных органов, которые сами по финансовым или политическим соображениям не могут ввести программы и прибегают к посредничеству частных фондов. Такова, например, программа «русских исследований», организованная в Гарвардском университете корпорацией Карнеги. Эту программу посещают многие военнослужащие, студенты военных колледжей США.

Но работой с военнослужащими не ограничивается идеологическая деятельность военных ведомств. Они широко используют в своих целях систему подготовки резервистов. Об этом свиде-

[33] Ibid., p. 4.

тельствует, например, практика заочного обучения резервистов, включающая пропаганду военной идеологии в рамках специальных корреспондентских курсов заочного обучения.

Военные власти США оказывают пропагандистское воздействие и на все население страны. Для этого, в частности, используется ежегодно празднуемый День Армии США — повод для широкой рекламы вооруженных сил, военных профессий, военной техники, военной идеологии США. Вооруженные силы организуют за государственный счет выставки военной техники, парады, гулянья, экскурсии граждан в воинские части и даже катания детей на военных самолетах.

По сравнению с размахом пропагандистской работы вооруженных сил идеологическая деятельность полиции и органов безопасности кажется более скромной. Это частично связано с требованиями соблюдения тайны. Не касаясь здесь карательных функций полиции и органов безопасности в сфере идеологии, остановимся на некоторых чертах воспитательной работы с кадрами полиции. О росте внимания к этому вопросу свидетельствует все расширяющаяся система специальной подготовки полицейских кадров как из числа чинов, находящихся на действительной службе в полиции, так и из числа университетской молодежи. На актуальность развернутой системы подготовки кадров, способных в профессиональном и психологическом отношении эффективно проводить политику федерального правительства, указывает такой американский специалист по проблемам полиции, как судья С. Брюс[34]. В осуществлении этой задачи принимают участие специальная школа полиции, подготавливающая инструкторов и высшие полицейские кадры. Специальные школы действуют в крупных промышленных штатах. Вместе с тем в провинции организовано обучение служащих полиции в системе университетов. Как всегда, при этом значительную роль играют фонды. В программу обучения наряду с техническими дисциплинами входит преподавание основ социальных наук.

---

[34] S. Bruce. Police Systems in the United States. N. Y., 1960, p. 282—290.

Глава III

Система цензуры и лицензий

В США карательная деятельность государства и так называемая негативная идеологическая деятельность настолько тесно связаны и переплетаются, что в ряде случаев трудно провести между ними сколько-нибудь четкую грань. Так, после первой мировой войны и особенно в годы маккартизма широко применялись судебные преследования за политические убеждения. Государство ставило перед собой задачу подорвать прогрессивное движение в стране, изолировать его лидеров, запугать остальных его участников. Однако такие репрессии нуждались в правовом «обосновании». Поскольку же участники этого движения не совершали каких-либо преступных действий, а тем более действий, направленных на насильственное свержение существующего строя, их стали привлекать к ответственности за политические высказывания и убеждения. Для этого в нарушение первой поправки к Конституции применялись доктрины «явной и наличной опасности» и концепция «балансирования интересов», сформулированные Верховным судом в 20-х и 50-х годах. Что же касается комиссий по расследованию антиамериканской деятельности, то их можно с полным основанием рассматривать как карательные органы, наделенные следовательскими полномочиями. Этими полномочиями особенно широко пользовалась в годы маккартизма Комиссия палаты представителей Конгресса США, когда вызываемым в Комиссию учинялся настоящий инквизиторский допрос, а за отказ давать показания многие привлекались к судебной ответственности по обвинению в «неуважении к Конгрессу».

Несколько иной характер носит такой вид негативной идеологической деятельности, как цензура.

Во всех капиталистических странах существует «карательная цензура», заключающаяся в возможности последующего привлечения к уголовной ответственности за распространение клеветнических сведений и измышлений. Этот вид цензуры в англосаксонской доктрине права никогда не считался противоречащим принципу свободы слова и печати. Он широко применяется в США.

Связь между такой «карательной» цензурой и карательной деятельностью государства несомненна.

Иное назначение имеет «предварительная цензура». Ее цель — предотвратить, не допустить распространение неугодных идей. Здесь принимаются лишь превентивные меры по ограничению свободы информации. Однако, несмотря на то, что эта цензура не сопряжена с какими-либо уголовными санкциями, именно она наиболее опасна для свободы слова и печати.

Хотя первая поправка к Конституции США запрещает издание законов, ограничивающих свободу слова и печати, в США создана система государственных мер, позволяющих осуществлять жестокую цензуру в отношении того, что монополистическая буржуазия считает «левым», т. е. опасным для ее господства. Так, закон Комстока 1873 г. уполномочил министра почт по своему усмотрению не допускать отправки по почте любой литературы или произведений изобразительного искусства в случае их «непристойности». Кроме того, на основании закона Маккарэна может быть отказано в пересылке любого прогрессивного издания под тем предлогом, что оно распространяется или предназначено для распространения коммунистической организацией.

Министерство почт в 1951 г. развернуло особенно бурную деятельность в области распространения политической литературы, повсеместно запретив доставку по почте печатных изданий, присылаемых в США из Советского Союза. При этом министерство руководствовалось решением, вынесенным министром юстиции США в 1940 г. В решении говорилось, что согласно закону о регистрации иностранных агентов 1938 г. только сотрудники, находящиеся на дипломатической службе, или зарегистрированные агенты иностранных держав могут получать из-за границы издания, содержащие «политическую пропаганду». Хотя руководители почтового ведомства и сделали ряд исключений по своему усмотрению для отдельных ученых и некоторых учебных заведений, указанные цензорские меры лишили сотни американцев возможности получать советские издания. Это вызвало резкий протест даже некоторых идеологов антикоммунизма, которые перестали получать советские книги, газеты и журналы [35].

Еще до поступления на почту печатные издания из-за рубежа подвергаются цензуре на таможне. В федеральный закон о тарифах в 1930 г. было внесено специальное положение, дающее таможенным чиновникам право конфисковывать произведения и изображения, содержащие призывы к «измене», «мятежу» и «сопротивлению законам» или угрожающие чьей-либо безопасности. Несмотря на явную антиконституционность такой цензуры,

---

[35] См. К. Ламонт. Свобода должна быть свободной на деле. ИЛ, 1958, стр. 236.

она широко использовалась для обоснования произвола американских таможенников, которые в 50-х годах уничтожали большую часть литературы, поступавшей в США из СССР и стран народной демократии [36].

Особое значение имеет государственное регулирование радиовещания и телевидения. Здесь государственная цензура осуществляется преимущественно в процессе регламентации пользования каналами телевещания и радиоволнами, что дает государству возможность широкого идеологического контроля.

Согласно закону о радиовещании 1934 г. (ст. 301) федеральное правительство осуществляет контроль «над всеми каналами междуштатного и международного радиовещания», которые предоставляются во временное пользование частным лицам по специальным лицензиям (на ограниченный срок — от 6 месяцев до 3 лет), причем правительство может аннулировать лицензию и лишить любую радиостанцию права пользоваться каналом радиовещания в случае «умышленных или повторных нарушений любого правила или требований Комиссии связи» (ст. 312а). Кроме того, Федеральная комиссия связи всегда может сослаться на перегруженность каналов и отказать на этом основании в выдаче лицензии вновь созданной радиостанции или повторной лицензии для уже действующей радиостанции. Таким образом, с чисто технической точки зрения полномочия федерального правительства в регулировании радиовещания очень широки, и оно имеет возможность отказать в выдаче лицензии неугодным лицам или организациям.

В законе тем не менее содержатся положения, в определенной степени регламентирующие и само содержание радиопередач. Так, ст. 315 обязывает владельцев радиостанций обеспечивать всем кандидатам на государственные должности равные возможности выступать по радио [37]. В 1959 г. эта статья была дополнена положением, обязывающим владельцев радиостанций действовать в «публичных интересах» и уделять в «разумных пределах» время общественным проблемам, представляющим интерес для слушателей, обслуживаемых данной радиостанцией. При этом требуется объективное освещение противоположных точек зрения [38]. Особое место в таких передачах должно уделяться подбору и изложению политической информации [39], а

---

[36] См. Г. А. Арбатов. Роль современного империалистического государства в идеологическом подавлении народных масс («Вопросы современного государственного права буржуазных стран». Изд-во АН СССР, 1958, стр. 50—51).

[37] «Radio Laws of the United States». Washington, 1962, p. 72.

[38] Ibid., p. 207.

[39] «US Congress. Senate Commeettee on Commerce. Freedom of Communications. Final Reports prepared by the Subcommittee on Communications». Washington, 1962, p. 3.

также «образовательным программам» (как правило, требуется, чтобы на образовательные программы выделялось около 10% времени радиопередач) [40].

Федеральная комиссия связи, ведающая радиовещанием, наделена полномочиями по контролю за соблюдением радиостанциями этих требований закона, которые весьма неопределенны, а потому удобны для произвольного толкования правительственными чиновниками. Комиссия решает вопрос о соответствии деятельности той или иной радиостанции «публичным интересам», от чего зависит сохранение владельцем радиостанции права на лицензию.

Наличие у Комиссии таких полномочий служит важным резервом федерального правительства для осуществления в случае надобности эффективного контроля над радиовещанием.

Положения закона о радиовещании распространяются и на телевидение, ставшее в США важнейшим средством массовой коммуникации. Что касается цензуры телевидения, то здесь существует чрезвычайно жесткая частная «самоцензура», проводимая телевизионными компаниями, телестанциями, рекламными агентствами и организациями, финансирующими телепередачи. Как отмечает известный американский специалист по вопросам кино и телевидения Мюррей Шумах, государственное вмешательство в работу телевидения ничтожно по сравнению с той цензурой, которую осуществляют над ним частные организации, причем частные цензоры превратили телевидение в сугубо коммерческое дело [41]. В результате «самоцензуры» монополий телевидение сведено к рекламе и развлекательным телепередачам весьма низкого качества.

Телекомпании не соблюдают даже своего собственного «морально-этического кодекса», принятого ими в 1956 г., и насыщают свои передачи низкопробными боевиками, сценами убийств и самоубийств, насилий, эротики и т. д. Однако даже самые робкие шаги правительства, направленные на улучшение содержания телепередач, встречают решительный отпор со стороны монополий.

В США значительна цензура кино. Здесь роль государства несравненно выше, чем в области радиовещания и телевидения.

Как отмечает М. Шумах, режиссер неизбежно наталкивается на правительственную цензуру, если он хочет снять фильм, в котором затрагиваются вооруженные силы, государственный департамент, американская дипломатия, деятельность полиции, им-

---

[40] «Broadcasting and Government. Regulation in a Free Society». California, 1959, p. 22.

[41] M. Schumach. The Face on the Cutting Room Floor. The Story of Movie and television Censorship. N. Y., 1964, p. 244.

миграционных властей, проблема преступности и т. д.[42] В таких случаях государственные чиновники часто действуют как цензоры. Например, военные цензоры сильно переделали сценарий фильма «Молодые львы», в котором показывался антисемитизм в американской армии. Стэнли Крамеру пришлось обивать пороги военно-морского ведомства, чтобы добиться в конце концов разрешения на съемки в Пирл-Харборе фильма о судебном процессе над американским морским офицером, который осмелился во время боевых действий устранить от командования кораблем бездарного капитана. Государственный департамент чинил всевозможные препятствия съемке фильма «Безобразный американец», освещавшего теневые стороны американской дипломатии в Юго-Восточной Азии; он возражал против показа на международных фестивалях фильма Крамера «Скованные одной цепью».

Цензура решает вопросы показа кинофильмов. В 1915 г. Верховный суд США санкционировал такую цензуру, признав кино (в решении по делу «Mutual Film Corporation v. Industrial Commission of Ohio») лишь «средством времяпровождения», но не выражения общественного мнения и исключив тем самым показ кинофильмов из сферы действия первой поправки к Конституции США. Были признаны конституционными существовавшие во многих штатах законы о цензуре кинофильмов и деятельность созданных на их основе местных комиссий цензоров. Эти комиссии, ведающие выдачей лицензий на показ фильмов, как правило, запрещали фильмы, освещавшие острые политические и социальные проблемы (грубое обращение полиции с забастовщиками, нацизм в Германии, тяжелое положение фермеров и расовая проблема на Юге США).

Впоследствии Верховный суд вынужден был несколько изменить свое отношение к вопросу о цензуре кинофильмов. Так, в решении от 18 января 1954 г. и в ряде других решений Суд признал противоречащим конституции запрещение фильмов под предлогом их «аморальности» или «вредности». Однако эти решения не отменили цензуры как таковой и не ликвидировали произвола цензоров. Более того, в 1961 г. Верховный суд большинством голосов признал конституционной цензуру кино в США (решение по делу «Times Film Corporation v. City of Chicago»)[43]. Судья Уоррэн, голосовавший против решения большинства, заявил, что оно полностью противоречит первой поправке к Конституции США, ибо «дает формальную санкцию цензуре в ее наиболее откровенной и далеко идущей форме»[44].

---

[42] Ibid., p. 108.

[43] A. D. Weinberg. Freedom and Protection. The Bill of Rights. San-Francisco, 1962, p. 133.

[44] Ibid., p. 138.

В последнее время цензура кино на уровне штатов уступает место цензуре на других уровнях. Это весьма опасная тенденция, ведущая к ожесточению цензуры. Наряду с цензорскими комиссиями штатов (они имеются, например, в штатах Нью-Йорк, Мэриленд, Канзас, Виргиния) активно действуют многочисленные местные комиссии цензоров (например, в Чикаго, Детройте, Литтл-Роке, Мемфисе, Бирмингаме, в Атланте и во многих более мелких городах США). Особенность этой местной цензуры состоит в том, что она осуществляется не столько местными властями, сколько частными лицами — членами различных реакционных организаций. К цензорской деятельности привлекается также полиция. Такой состав цензоров, естественно, во многом объясняет причину особой реакционности местной цензуры кино в США.

Большую роль частные реакционные организации играют в цензуре школьных учебников. Во многих штатах эти организации выступили инициаторами создания правительственной цензуры.

В 1946 г. был создан «на общественных началах» специальный Совет по контролю над школьными учебниками, в который вошли некоторые видные конгрессмены, промышленники и лидеры частных реакционных организаций (например, сенатор Карл Мундт, бывший президент Национальной ассоциации предпринимателей Роберт Линд, Грэйс Броссе, возглавлявшая организацию «Дочери американской революции»). Глава Совета А. Золл одновременно являлся председателем организации «Американ едьюкейшн», по инициативе которой в американских учебных заведениях была введена практика принятия присяги о лояльности.

Совет Золла выступил с антикоммунистической программой в области образования и развернул в этом направлении бурную деятельность. Заручившись поддержкой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Совет получил от нее полномочие направлять на расследование в конгресс «подрывные» учебники. Тем самым был создан прецедент для расследований по линии законодательных органов, а с 1950 г. идеи, выдвинутые Золлом, стали находить отражение в законодательстве штатов.

В кампанию по цензуре активно включились другие реакционные организации, выступавшие в качестве групп давления в законодательных органах. Так, в штате Миссисипи по инициативе организаций «Дочери американской революции», «Американский легион», «Советы белых граждан» и Федерации фермеров был принят закон, наделивший губернатора штата расиста Росса Барнетта полномочием определять по собственному усмотрению пригодность тех или иных книг в качестве учебников для средних школ. Барнетт в свою очередь не остался в долгу перед этими организациями, и включил в цензорские комиссии многих их представителей.

Стремясь угодить реакционерам, законодатели Алабамы приняли в 1953 г. закон, установивший жесткий контроль над продажей учебников. Закон запретил издателям продавать учебники, если кто-либо из авторов, рекомендуемых в библиографии, когда-либо «пропагандировал коммунизм, марксистский социализм, состоял в коммунистической партии или был членом организации коммунистического фронта».

С еще большими притязаниями выступили реакционные организации во Флориде в 1959 г. Они добивались принятия закона, который запретил бы использование в этом штате учебников, «написанных коммунистами, лицами, ссылавшимися на пятую поправку к Конституции, или всяким другим лицом, который когда-либо был членом подрывной организации». Крайняя реакционность подобных требований была настолько очевидна, что законодатели не решились одобрить законопроект. Они, однако, санкционировали в 1961 г. грубое вмешательство цензоров в работу издательств, готовящих учебники. Дело дошло до того, что издатели по требованию цензоров стали вносить изменения в тексты учебников, что является беспрецедентным для США, где такого рода цензура считается совершенно незаконной и явно противоречащей первой поправке к Конституции и нормам авторского права. В этой связи следует отметить, что в Алабаме в отличие от Флориды многие издатели не пошли на поводу у цензоров, а заявили свой резкий протест против закона 1953 г., доказывая в суде его антиконституционность [45].

Особую роль в цензуре над школьными учебниками играет действующая в Техасе ультраправая организация «Будущее Америки», контролируемая группой предпринимателей и Советом «Общества Джона Берча». В 1958 г. организация «Будущее Америки» развернула широкую кампанию за цензуру и пересмотр школьных учебников. К концу 1962 г. организация разослала тысячи копий своих рецензий на более чем 200 учебников для средних школ. В качестве рецензентов были привлечены некоторые ведущие идеологи крайне консервативных убеждений.

Среди других реакционных организаций, занимающихся цензурой школьных учебников, необходимо отметить «Национальную антикоммунистическую лигу Америки» со штаб-квартирой в Сан-Габриэле (Калифорния), опубликовавшую «Элементарное руководство по оценке учебников», а также организации «Институт специальных исследований», «За Америку», «Лига родителей-христиан» и др. Для их деятельности характерен неприкрытый антикоммунизм, ненависть к социальному и политическому прогрессу, к ООН, к прогрессивным издателям, деятелям науки и просвещения и вообще ко всем либералам, которых они назы-

---

[45] См. J. Nelson, G. Roberts. The Censors and the Schools. Boston, 1963. p. 159—161.

вают не иначе, как «заговорщиками» и «сообщниками коммунистов». Члены этих организаций проникают в местные комиссии по учебным программам и учебникам, бойкотируют издательства, не идущие у них на поводу, клевещут на работников просвещения. В некоторых штатах цензоры творят настоящий произвол. Были случаи, когда цензорские комиссии находили большинство учебников непригодными «с академической и идеологической точек зрения», изымали из библиотек десятки названий книг, признанных «вполне американскими» цензорскими комиссиями в других штатах. Делаются попытки запретить не только учебники, но и научную литературу вообще. Действия цензоров и реакционных групп давления, как правило, пользуются полной поддержкой со стороны законодательных органов штатов, местных властей, полиции, судов.

Глава IV

Внешняя идеологическая деятельность

Вплоть до начала второй мировой войны проблема организации внешнеполитической пропаганды не представляла для государства США существенного значения. В силу особых условий Соединенные Штаты Америки долгое время стояли в стороне от международных событий, происходивших за пределами Американского континента. Изоляционизм и невмешательство в дела других, неамериканских государств считались традиционной особенностью внешней политики США.

С началом эпохи империализма этот изоляционизм, однако, стал уступать место активизации внешнеполитической деятельности американского государства, начавшего претендовать на новые сферы политического влияния. Вступление США в первую мировую войну на стороне Антанты — первый важный шаг в этом направлении. Оно обусловило организацию — впервые в истории США — внешнеполитической правительственной информации. В этих целях Вудро Вильсон создал специальный комитет, выпускавший официальный правительственный информационный бюллетень. После окончания войны необходимость в этом органе отпала и он был ликвидирован.

В 30-х годах были предприняты новые шаги по организации правительственного аппарата информации. По инициативе Ф. Рузвельта в 1936 г. создается Служба зарубежной информации, деятельность которой носила сугубо локальный характер и ограничивалась информацией и пропагандой в духе панамериканизма в странах Латинской Америки.

Коренной перелом в организацию и масштабы идеологической деятельности американского государства внесла вторая мировая война. Обстановка военного времени потребовала от правительства США мер по координации зарубежной пропаганды, которую вели пропагандистские органы армии, различных ведомств и частных организаций. Для такой координации в июне 1942 г. было создано правительственное Бюро военной информации, поставившее зарубежную пропаганду США на совершенно новую основу. Впервые в истории США создается мощная правительственная радиосистема — «Голос Америки»; отделения Бюро военной информации в союзных странах начали широко применять в целях

пропаганды кинофильмы, фотовыставки, библиотеки, распространять книги, брошюры и журналы. Хотя пропаганда в те годы велась в значительной степени назойливыми методами торговой рекламы, уже тогда к разработке методов идеологического воздействия на население вражеских государств и союзных стран привлекались видные специалисты — социологи, психологи, представители политической науки. Совершенствовались приемы психологического воздействия на народные массы, создавалась целая наука «психологической войны».

Этот опыт пропагандистской деятельности в последующем использовался американской пропагандой в условиях «холодной войны», когда американский империализм взял на себя роль лидера капиталистического мира, в борьбе против лагеря социализма.

Преодолев изоляционистские настроения ряда государственных деятелей, Конгресс США в январе 1948 г. принял закон Смита — Мундта, предоставивший Госдепартаменту широкие полномочия по ведению внешнеполитической пропаганды. Принятие этого закона было обусловлено наметившейся уже в то время антикоммунистической ориентацией внешней идеологической деятельности государства США. Она еще более усилилась с началом активной «холодной» войны.

Президент Трумэн ориентировал американскую пропаганду на длительную «психологическую войну» против Советского Союза. Контроль за проведением мероприятий в ходе этой «психологической войны» был возложен на созданное в августе 1950 г. междуведомственное Бюро национальной психологической стратегии, подчиненное президенту через Национальный совет безопасности, значительно увеличилось финансирование правительственных мероприятий по зарубежной пропаганде. Эти мероприятия охватывали все более широкий круг стран на всех континентах.

Дальнейшее укрепление внешнеполитической пропагандистской машины США произошло при президенте Эйзенхауэре. В 1953 г. учреждается специальная комиссия для разработки более совершенных методов «психологической войны». Комиссия пришла к выводу о необходимости использовать «психологический аспект» в любой области международной деятельности. Особое значение придавалось использованию всех средств «массовой коммуникации» — как правительственных, так и частных. В том же году проводится коренная реорганизация аппарата внешней политической пропаганды в направлении его централизации.

1 августа 1953 г. в результате слияния органов пропаганды ряда ведомств (Государственного департамента, Управления взаимного обеспечения безопасности, органов пропаганды оккупационных властей США в Западной Европе и Японии) возникло Информационное агентство США (ЮСИА — известно за грани-

цей под названием Информационная служба США), ставшее главным органом официального аппарата «психологической войны». Несмотря на широкие полномочия, предоставленные ЮСИА, за Госдепартаментом сохранялось право руководства его работой. Кроме того, деятельность Агентства координируется рядом правительственных консультативных комитетов и комиссий. Важнейшей комиссией является Консультативная комиссия по информации, созданная еще в январе 1948 г. на основе закона Смита — Мундта. Эта Комиссия (как и само Информационное агентство) ежегодно делает доклады Конгрессу США, в которых подводятся итоги деятельности американской информационной службы, даются рекомендации по ее совершенствованию и определяются как ближайшие, так и перспективные задачи.

В Консультативную комиссию по информации входят влиятельные представители деловых кругов, журналисты, работники радио и телевидения, научные работники и профессора университетов и колледжей и т. д. В Комиссии созданы комитеты по радиовещанию, по информации в области культуры, по обучению английскому языку, по музыкальным программам, специальная группа «научного консультирования передач «Голоса Америки» [46].

В самом Информационном агентстве имеется сложная и разветвленная система органов [47].

Специальное Управление планирования пропагандистской политики ЮСИА формулирует основные положения различных пропагандистских программ и выступлений, уделяя особое внимание пропагандистскому толкованию и обработке официальных правительственных документов и заявлений, политических акций, и т. д., освещаемых американской зарубежной пропагандой.

Деятельность Управления тесно увязывается с работой другого органа Агентства — Службы исследования и анализа. В задачи Службы входит изучение реакции граждан той или иной страны на пропагандистские мероприятия агентства, анализ содержания и методов пропаганды своих идеологических противников (содержания радиопередач, материалов, публикуемых в печати, и т. д.), состояния общественного мнения, источников антиамериканских настроений и т. п. В ЮСИА имеются также Управление по делам сотрудничества с частными организациями и лицами, занимающееся привлечением к внешнеполитической правительственной пропаганде частных организаций и отдельных граждан, Служба общественной информации, рекламирующая деятельность Агентства среди американских граждан. Оперативными делами пропаганды в зарубежных странах ведают пять отделов (отдел обеспечения пропагандистскими материалами зарубеж-

[46] «USIA: 21st Review of Operation». Washington, 1963, p. 44.

[47] Об организационной структуре Информационного агентства США подробно см.: Н. И. Живейнов. Операция PW. Психологическая война американских империалистов. Политиздат, 1966, стр. 55—62.

ных информационных центров ЮСИА, специальный отдел зарубежной прессы и публикаций, отделы по кино, радиовещанию и телевидению).

Пять региональных служб повседневно наблюдают за работой Агентства в Африке, Европе, на Дальнем Востоке, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

В 105 странах имеются пропагандистские центры ЮСИА. Кроме того, Агентство участвует в работе 154 информационных центров 35 стран на паритетных началах с правительствами этих стран (прежде всего в Латинской Америке).

Во главе Информационного агентства стоит директор, назначаемый президентом США и утверждаемый Комитетом сената по иностранным делам.

Штат ЮСИА насчитывает 11 тыс. человек. 2700 человек работали в центральном аппарате Агентства в Вашингтоне. Зарубежный персонал Агентства состоит из 1300 американцев и 7 тыс. служащих из числа граждан других стран. Годовой бюджет ЮСИА в 1969/70 финансовом году — 176 млн. долл. Однако этот бюджет называют «видимой частью айсберга», поскольку Агентство располагает многими скрытыми от глаз финансовыми источниками.

Со времен второй мировой войны правительство США уделяет большое внимание подбору пропагандистских кадров. Традиционная американская «неприязнь к пропаганде» уступила место серьезной подготовке специалистов «психологической войны». Если с 1919 по 1940 г. в США не было ни одного специалиста в этой области, то начиная с 1945 г. при американской армии работала уже большая группа военных экспертов и гражданских консультантов по «научной» пропаганде. Одновременно с созданием в 1951 г. Управления психологической войны при министерстве армии началась систематическая подготовка кадров для ведения «психологической войны». В общевойсковой школе армии США был основан первый в мире факультет для подготовки специалистов этого профиля [48].

Первостепенное внимание подготовке своих кадров уделяет ЮСИА. Поступающий туда на работу проходит чрезвычайно строгую политическую, психологическую и психиатрическую проверку, после чего он получает всестороннюю профессиональную подготовку. В нее включается хорошее знание деятельности и политики американского правительства, журналистики, владение техникой издательского и рекламного дела. Особое значение придается знанию языка, истории, политического строя, обычаев, традиций, расстановки социальных и политических сил в стране, куда предполагается направить на работу специалиста ЮСИА.

---

[48] П. Лайнбарджер. Психологическая война. Воениздат, 1962, стр. 334, 340.

Важным качеством работника Агентства за рубежом считается умение свободно общаться с людьми, налаживать с ними личные контакты, владение искусством манипуляции общепризнанными в стране идеологическими понятиями и символами, умение подделываться под местные общественные настроения (способность к «социальной мимикрии»).

При создании ЮСИА правящие круги США видели в нем важнейшее орудие «психологической войны» с антисоветской и антикоммунистической ориентацией. Однако во многих официальных документах о задачах ЮСИА говорится более осторожно, избегается даже употребление слова «пропаганда», делается особый упор на необходимость доводить до сведения мировой общественности «точные» данные о США и их политике. Например, в своем докладе Конгрессу 13 февраля 1961 г. Консультативная комиссия по информации так определила задачи, стоящие перед ЮСИА:

«1. Оказывать помощь правительству своей информацией о международном общественном мнении при определении и осуществлении внешней политики США.

2. Объяснять населению других стран значение и цель американской внешней политики.

3. Служить источником точной, несенсационной информации за границей, которая не дублировала бы неправительственные американские источники информации.

4. Представлять полную картину американской жизни и культуры народам мира с целью исправлять неправильное представление о США и бороться с ложным и искаженным освещением американской действительности»[49].

Назначенный президентом Кеннеди на пост директора ЮСИА известный американский радио- и телевизионный комментатор Эдвард Р. Мерроу заявил 14 марта 1961 г. Комитету сената по иностранным делам, что первейшей задачей Агентства он считает сообщение «объективной информации, а не распространение пропаганды» и что в конфликте идеологий Соединенные Штаты должны действовать «на основе правды». Мерроу обратил особое внимание на необходимость постоянно подчеркивать «приверженность США к идеалам свободы» и то, что США якобы полностью разделяют стремление народов колоний к независимости[50].

В этом заявлении директора ЮСИА отражается та несколько новая ориентация внешнеполитического курса США, которую предложил президент Кеннеди. Вместе с тем, как об этом свидетельствуют последующие заявления Консультативной комиссии по информации, ориентировка деятельности ЮСИА на сообщение

[49] «Editorial Research Reports», 26.IV 1961, p. 303—304.
[50] Ibid., p. 304.

«объективных факторов» направлена лишь на более умелое и эффективное осуществление американской пропаганды за границей. Уже в своем докладе Конгрессу в феврале 1962 г. Комиссия прямо заявила, что Агентство и впредь должно оставаться «постоянной составной частью... нашего вооружения в холодной войне, пока продолжается такая война». Комиссия рекомендовала Конгрессу признать ЮСИА «постоянной и жизненно важной частью национальной обороны» США и выделить ему ассигнования, «достаточные для того, чтобы встретить постоянно возрастающий коммунистический вызов в той информационной и идеологической войне, которую мы ведем» [51].

Таким образом, Комиссия прямо заявила, что ЮСИА прежде всего является орудием «холодной войны», важнейшим инструментом антикоммунистической пропаганды США.

По мере эскалации американской агрессии во Вьетнаме руководители ЮСИА, требуя дальнейшего расширения его деятельности, стали открыто говорить о необходимости использовать в идеологической войне любые средства. «При исполнении своих обязанностей, — говорится в докладе Консультативной комиссии 1966 г.,— Агентство одновременно занимается информацией, образованием, деятельностью в области культуры, а также операциями по предотвращению мятежей и даже настоящей психологической войной в зависимости от страны, в которой оно действует» [52].

В США большое внимание уделяется вопросу эффективности зарубежной пропаганды, разработке мер по ее совершенствованию. Ряд специалистов высказываются за ведение более тонкой идеологической деятельности за рубежом. Так, на состоявшемся в марте 1962 г. симпозиуме по вопросам пропаганды и «холодной войны» известный американский специалист в области военной информации Мюррей Дайер предложил вообще отказаться от навязывания народам других стран чуждых им идеологических концепций и от критики сложившихся там идеологических представлений. Он вынужден признать, что такая пропаганда не достигает цели и даже может вызвать обратную реакцию. Он предполагает сосредоточить усилия на такой информации, которая полностью учитывала бы общественное мнение в соответствующей стране, существующие там настроения, культуру, традиции, особенности политического строя, состояние экономики [53].

«Стратегия правды» — один из новейших рецептов для американской зарубежной пропаганды. Однако некоторые специалисты «научного подхода» к вопросам пропаганды категорически

---

[51] «The 17-th Report of the US. Advisory Commission on Information to the Congress of the US February». Washington, 1962, p. 3, 14.

[52] «The 21-th Report of the US Advisory Commission on Information. February 1966». Washington, 1966, p. 33.

[53] «Propaganda and the Cold War». Washington, 1963, p. 31.

отвергают сугубо «информационную» позицию сторонников «стратегии правды», делают акцент на необходимости совершенствовать технику пропаганды, правильно учитывать категории лиц, на которых она рассчитана, определять экспериментальным путем эффективность тех или иных пропагандистских средств и приемов. ЮСИА должно стать центром «экспертов по манипуляции символами», — категорически заявляет участник принстонского симпозиума профессор политической науки университета штата Миннесота Роберт Т. Холт. По мнению Холта, основным объектом идеологического воздействия должны быть не народные массы, а «группы, определяющие политику». Он считает, что в США сейчас явно недооценивается значение «психологического инструмента в государственной политике», который способен обеспечить ее гибкость [54].

В том же духе высказался на симпозиуме директор Американского института общественного мнения Джордж Гэллап. Хотя Гэллап и оговорился сначала, что эффективной может быть лишь пропаганда, «основывающаяся на правде», он, однако, главный путь к обеспечению такой эффективности видит в разработке новейших методов идеологического воздействия. Гэллап призывает поставить на еще большую высоту научную разработку техники пропаганды, шире применять эксперимент. Всякие новые пропагандистские приемы до применения на практике должны подвергаться тщательным предварительным испытаниям на эффективность, что даст экономию многих миллионов долларов [55].

Рекомендации специалистов по технике «массовой коммуникации» находят широкое практическое применение в деятельности ЮСИА, руководствующегося дифференцированным подходом в выборе средств, методов и формы пропаганды. Так, прежде всего учитывается категория лиц, к которым обращена пропаганда (представители правящего класса или народные массы, интеллигенция или рабочие, крестьяне), характер политических режимов в той или иной стране, уровень ее экономического и культурного развития, традиции, политические настроения граждан, состояние общественного мнения, степень политической активности населения и т. д. Затем определяются задачи пропаганды в отношении страны, содержание передаваемой информации, выбор конкретных приемов идеологического воздействия.

Центральное место в пропагандистской деятельности ЮСИА занимает радиовещание для заграницы. Правительственная радиосистема «Голос Америки», созданная еще в 1942 г. директором заграничного отделения Бюро военной информации Р. Шервудом, по-прежнему рассматривается американским правитель-

---

[54] «Propaganda and the Cold War», p. 46.
[55] Ibid., p. 56.

ством как «наиболее эффективное оружие США за железным занавесом» [56].

Эта радиосистема, 40% радиопередач которой направлены на Советский Союз и другие социалистические страны, располагает множеством мощных радиостанций (свыше 100; из них 60—за рубежом) и ведет передачи на 36 языках 840 часов в неделю. Кроме того, в странах Латинской Америки «Голос Америки» имеет 1500 небольших радиостанций, ведущих передачи для отдельных латиноамериканских стран и районов.

В американском секторе Западного Берлина в качестве филиала «Голоса Америки» действует радиостанция РИАС, которая ведет передачи для радиослушателей ГДР и других европейских социалистических стран. Все шире для зарубежной пропаганды применяется телевидение, в том числе транслируемое через коммуникационные спутники.

Большое значение ЮСИА придает своим периодическим печатным изданиям, распространяемым за границей. Агентство ныне выпускает для зарубежных стран 140 периодических изданий — журналов и газет, общим тиражом 30 млн. экземпляров на 30 иностранных языках.

Среди периодических изданий ЮСИА важную роль играет теоретический журнал «Проблемы коммунизма» (выходит 6 раз в год), распространяемый бесплатно среди интеллигенции за границей. В этом журнале сотрудничают многие крупные американские специалисты по социалистическим странам. Журнал освещает с позиций антикоммунизма самые разнообразные вопросы современной внутренней жизни и внешней политики стран социалистического лагеря.

Журнал «Проблемы коммунизма» — важнейшее правительственное идеологическое издание и внутри страны, где оно предназначается также для интеллигенции. Правительство рассматривает этот журнал «как самую эффективную периодическую документацию» по вопросам социалистических стран.

Среди периодических изданий, распространяемых агентством за границей, необходимо отметить ежемесячные иллюстрированные журналы «Америка» (для читателей в СССР и Польши). «Жизнь в Америке» (для арабских стран), многотиражный пропагандистский журнал «Свободный мир» (600 тыс. экземпляров), издаваемый на 12 языках. В Индии агентство распространяет 5 периодических изданий (ежемесячники «Американ лэйбор ревью» на английском языке и хинди, «Сайнс», «Спэн», «Квортерли американ ревью» и выходящая 2 раза в неделю на английском и 6 местных языках газета «Американ репортер»). Специальные журналы издаются для читателей в Турции и во Франции.

[56] «Editorial Research Reports», 26.IV 1961, p. 311.

ЮСИА придает все большее значение распространению за рубежом непериодической (книжной) литературы. При этом агентство устанавливает самые тесные контакты с американскими книжными издательствами, поставляющими такую литературу. Из года в год возрастает число названий и общий тираж книг, распространяемых ЮСИА за рубежом. Кроме того, ЮСИА субсидирует переиздания книг американских авторов издательствами других стран.

Чтобы облегчить продажу американских книг в странах, испытывающих недостаток в долларах, американским правительством была создана специальная Гарантийная программа по международному общению, находящаяся в управлении ЮСИА. По этой Программе осуществляется продажа американских книг на местную валюту в таких странах, как Филлипины, Пакистан, Южный Вьетнам, Израиль, Турция и др.

С 1963 г. действует издательская программа ЮСИА под названием «Новые горизонты», задача которой — обеспечить дешевой пропагандистской литературой 17 стран Африки, бывших ранее французскими колониями. К распространению изданий серии «Новые горизонты» привлекаются экспортные фирмы.

Распространением книг в странах Юго-Восточной Азии и Среднего Востока занимаются субсидируемые американскими монополиями (в частности, «Фондом Рокфеллера») так называемые издательства Франклина (созданные первоначально в 1957 г. для перевода различных «серьезных» книг на восточные языки). В Латинской Америке действует специальный Книжный комитет ЮСИА. Под эгидой ЮСИА действуют четыре частные корпорации по распространению книг и брошюр. Одна из них — корпорация «Книга США»—организует закупку американскими гражданами и организациями комплектов дешевых книг для пересылки за границу. При этом большое внимание уделяется распространению за рубежом «серьезных книг» по общественным наукам. На необходимость распространения в африканских странах юридической и политической литературы указывал, в частности, член Верховного суда США Уильям Дуглас, являющийся одновременно почетным председателем Национального консультативного совета «Корпуса мира». Важность распространения юридической и политической литературы совершенно недвусмысленно аргументируется необходимостью пропагандировать политико-правовую систему США в качестве образца для молодых развивающихся стран Африки.

ЮСИА также распространяет за границей миллионы экземпляров пропагандистских брошюр. Кроме того, во многих странах создана сеть стационарных и передвижных библиотек, читален, используется прокат кинофильмов. Эти массовые средства пропаганды особенно широко применяются в странах Африки, Азии и Латинской Америки.

В западноевропейских странах ЮСИА активно применяет новые формы идеологического воздействия. Так, с помощью правительств ФРГ и Италии во многих западногерманских и итальянских университетах агентством созданы специальные кафедры по изучению США, на некоторых преподают американские профессора.

ЮСИА координирует свою работу с другими правительственными ведомствами США. Так, самая непосредственная связь существует между агентством и Государственным департаментом. Штат ЮСИА, находящийся за границей, оказывает Государственному департаменту помощь при осуществлении программ культурного и научного обмена.

Госдепартамент продолжает сохранять большие полномочия и по непосредственной идеологической деятельности. Через свою «службу общественных дел» он занимается распространением за границей важных пропагандистских и информационных материалов, используя печать, радио, кино, фотохронику и выставки. Кроме того, Госдепартамент поддерживает контакты с частными пропагандистскими организациями, консультирует их по отдельным политическим вопросам, проводит пресс-конференции с представителями печати, руководит различными историческими исследованиями по внешней политике. В марте 1965 г. при Госдепартаменте было создано Национальное контрольное бюро, разрабатывающее рекомендации по внешней политике и пропаганде в отношении развивающихся стран, где идеологическая экспансия США становится все более активной.

Внешней идеологической деятельностью занимаются и другие правительственные ведомства. Так, большую пропагандистскую работу за рубежом ведет Пентагон. Его обширные программы в этой области, формально рассчитанные лишь на американских военнослужащих за границей, фактически играют важную роль в идеологическом воздействии на местное население. Например, 90% слушателей военных радиопрограмм — жители стран, где расположены американские воинские части. Среди местных жителей распространяются также печатные пропагандистские материалы, предназначенные для военнослужащих, широко используется кинопропаганда.

ЮСИА ведет свою пропагандистскую деятельность совместно с многочисленными частными организациями. Каналами внешнеполитической пропаганды США являются такие крупные частные информационные агентства, как «Ассошиэйтед пресс» и «Юнайтед пресс интернейшнл», а также заграничные издания некоторых крупнейших «коммерческих» газет и журналов («Нью-Йорк таймс», «Геральд трибюн», «Тайм», «Ньюсуик», «Ридерс дайджест» и др.). При ЮСИА имеется специальный отдел «кооперирования с частными организациями», который координирует и в значительной степени направляет их деятельность.

Некоторые частные организации практически являются филиалами агентства. Существование таких частных филиалов облегчает проведение так называемой «серой» или «черной» пропаганды, связанной с наибольшим риском для политического престижа ЮСИА и несовместимой с его официальным статусом. В нужный момент правительство всегда имеет возможность заявить о своей непричастности к тем или иным пропагандистским акциям частных агентств.

Ведущую роль среди таких организаций играет Комитет «Свободная Европа» — орган антикоммунистической организации «Крестовый поход за свободу». В создании этого Комитета непосредственно участвовал Госдепартамент. Принадлежащая Комитету радиосистема «Свободная Европа» занимается подрывной пропагандой в европейских социалистических странах. Она финансируется федеральным правительством, крупнейшими американскими монополиями и их организациями. Правительство США финансирует также деятельность радиостанции «Свобода», принадлежащей антисоветскому «Американскому комитету освобождения».

При помощи официальных правительственных органов действуют и другие частные пропагандистские организации (например, тесно связанная с «Голосом Америки» «Всемирная радиовещательная система», принадлежащая американским монополиям и пропагандирующая идеи «свободного предпринимательства», пропагандистская организация американских бизнесменов «Совет холодной войны», «Фонд Азии» и др.).

Федеральное правительство участвует в финансировании свыше 70% всех научных исследований колледжей, университетов и научно-исследовательских центров США, многие из которых «проводятся в плане разработки проблем «психологической войны» по непосредственным заданиям государственных органов»[57]. Другие программы научных исследований финансируются так называемыми фондами, создаваемыми в «благотворительных» или «просветительных» целях некоторыми монополиями. Так, «Фонд Карнеги» финансирует работу «Русского исследовательского центра» при Гарвардском университете, «Фонд Рокфеллера» — работу аналогичного центра при Колумбийском университете. Многие фонды участвуют в финансировании частных организаций, непосредственно занимающихся зарубежной пропагандой. Например, большие средства из «Фонда Рокфеллера» получают «Свободная Европа», радиостанции, используемые для передач в страны Европы программ «Голоса Америки», антисоветский «Восточноевропейский институт» в ФРГ и тесно связанный с Госдепартаментом частный «Совет внешней политики».

---

[57] G. M. Lyons, L. Morton. School for Strategy. «Education and Research in National Security Affairs», 1965, N 4, p. 233.

«Фонд Форда» участвует в финансировании реакционного религиозно-политического движения, известного под названием «Моральное перевооружение», и т. д.[58]

Особую роль в идеологической деятельности государства играет созданный в 1961 г. по инициативе президента Кеннеди «Корпус мира». Эта организация находится в ведении Государственного департамента и финансируется из фондов, предусмотренных законом о взаимном обеспечении безопасности. Центральный аппарат Корпуса имеет статус самостоятельного управления Госдепартамента, а его директор непосредственно подчинен государственному секретарю. Руководящий орган «Корпуса мира» — штаб-квартира поддерживает постоянные контакты с президентом США. При Корпусе имеется совещательный орган — Национальный консультативный совет, в состав которого входят видные государственные и общественные деятели.

Аппарат «Корпуса мира» имеет ряд функциональных секций: по делам сотрудничества с частными и международными организациями, по вопросам пропаганды, вербовки и подготовки добровольцев и др. Имеются также региональные отделы (Латинской Америки, Ближнего Востока и Южной Азии, Африки).

Официально «Корпус мира» создан в целях оказания помощи развивающимся странам квалифицированными кадрами из молодежи, привлекаемыми к работе за рубежом на добровольной основе. Руководители США неоднократно говорили, что эта организация — «не инструмент внешней политики американского правительства», что корпсмены — не дипломаты или пропагандисты и не вмешиваются в местную политику.

Однако подлинные задачи, стоящие перед «Корпусом мира», совершенно иные. Уже вскоре после образования этой организации известный американский критик и комментатор Бенджамин Де Мотт писал о существовании у «Корпуса мира» особой «секретной миссии», составляющей «политическую цель» службы добровольцев. Эта цель — «воспитание ответственных граждан» и «привитие демократических навыков» населению отсталых и развивающихся стран, т. е. идеологическое воздействие на него в выгодном для США направлении[59]. Отряды «Корпуса мира» комплектуются большей частью не из технических специалистов, а из молодых людей с гуманитарным образованием, которые проходят интенсивную идеологическую подготовку по программам и учебникам, составленным экспертами Государственного департамента. Акцент программ делается на преподавание знаний по международным отношениям, теории и практике коммунизма, проблемам свободы и демократии и т. д. Корпсмены обучаются новейшим приемам идеологического воздействия в личных кон-

[58] Подробно см.: Н. И. Живейнов. Указ. соч., стр. 118—123.

[59] См. B. De Mott. The Peace Corp's Secret Mission. «Harper's Magazine», Septembre 1961, p. 67—68.

тактах с местным населением. Установление такого рода контактов рассматривается американскими специалистами «психологической войны» как важнейшее преимущество «Корпуса мира» по сравнению со многими другими пропагандистскими организациями, действующими за рубежом. Особое внимание уделяется преподавательской деятельности; 56% всех добровольцев «Корпуса мира» занято на преподавательской работе в начальной и средней школе.

Основная масса добровольцев работает в странах Латинской Америки, что объясняется стремлением США сохранить там свое влияние.

В последнее время некоторые государственные деятели США стали более откровенно высказываться о задачах «Корпуса мира». Так, бывший директор Корпуса Сэрджент Шривер говорил о том, что корпсмены будут «прославлять Америку», что те из них, которые направляются на работу учителями начальных и средних школ, должны готовить «будущие поколения национальных лидеров» [60].

Вдохновители идеологической войны возлагают на «Корпус мира» большие надежды. Они открыто рассматривают его как «эффективное средство борьбы против коммунизма в развивающихся странах», как организацию, которая лучше других способна пропагандировать антикоммунизм и американский образ жизни в капиталистических государствах. Именно в этом и заключается «политическая миссия» «Корпуса мира».

Немалую помощь внешней идеологической деятельности государства оказывает пропагандистский аппарат правого профсоюзного руководства США. В 1962 г. правыми лидерами АФТ-КПП был организован «Американский институт свободных профсоюзов», в задачи которого входит подготовка профсоюзных функционеров из числа граждан латиноамериканских стран, проводимая в духе антикоммунизма и лояльности к неоколониалистской политике США. Институт финансируется профсоюзами, Госдепартаментом и организациями предпринимателей, имеет свои филиалы в странах Латинской Америки. Такой же институт создан для стран Африки. Действуют также организованные на средства АФТ-КПП Восточноафриканская профсоюзная школа и Афро-азиатская профсоюзная школа.

Непосредственную пропагандистскую деятельность за рубежом проводят так называемые трудовые атташе при посольствах США, официальная функция которых — информировать зарубежную общественность о трудовых отношениях в США. Эти должности, как правило, занимают представители профбюрократии, самую тесную связь с которыми поддерживают «сцециалисты по трудовым отношениям», состоящие в штате информацион-

[60] См. И. Валонин. Корпус диверсантов. Политиздат, 1965, стр. 44.

ных центров ЮСИА. Они совместно ведут антикоммунистическую и проамериканскую пропаганду среди местных профсоюзов и рабочих организаций, распространяют материалы ЮСИА в печати, по радио и телевидению, демонстрируют на рабочих собраниях пропагандистские кинофильмы и т. д. Координирует пропагандистскую деятельность профсоюзов в соответствии с задачами внешней и внутренней политики США Бюро международных дел при министерстве труда.

Таким образом, в области внешней идеологической деятельности в США действует огромный аппарат, объединяющий усилия федерального правительства и частных организаций. Взаимодействие всех элементов этого аппарата наглядно показывает, как происходит сращивание государственной машины с механизмом монополий и буржуазных общественных организаций в идеологической экспансии американского империализма, являющегося неотъемлемой составной частью внешней политики США на современном этапе.

Федеральное правительство стремится к еще большему расширению своих полномочий в области внешней идеологической деятельности, требует новых ассигнований на ведение «психологической войны». За усиление роли государства в этой области высказываются многие видные идеологи, государственные деятели, представители монополий. Предлагается еще больше централизовать внешнеполитическую пропаганду, сконцентрировать руководство ею в руках президента, ввести перспективное планирование идеологической деятельности.

Не случайно Р. Никсон, вступив на пост президента, сменил всех руководителей правительственных пропагандистских ведомств страны в целях «оживления» активности этих ведомств. На должность директора ЮСИА был назначен помощник Р. Никсона по президентским выборам Ф. Шекспир, бывший вице-президент телекомпании Си-Би-Эс. Весьма симптоматично назначение бывшего космонавта Н. Армстронга, пользующегося популярностью в стране, на пост председателя Национального консультативного совета «Корпуса мира». Продолжая процесс централизации руководства пропагандой, Р. Никсон создал новый пост директора по вопросам информации при Белом доме.

Раздел III

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Глава I

Общая характеристика

Идеологические процессы, происходящие в английском буржуазном обществе, во многом обусловливаются действием тех же факторов, которые характерны и для других развитых капиталистических стран. Однако в условиях Великобритании действуют и некоторые, специфические факторы, предопределяющие рост значения для английской буржуазии вопросов идеологии. Главный из них — изменение внешнеполитического положения страны, утеря Англией былого влияния в мире, ослабление ее международной роли и позиций. Это связано в первую очередь с распадом английской колониальной империи. Стремление вновь повысить роль Великобритании в международных делах, поднять ее престиж и авторитет в мире, поддержать в массах националистические настроения, а также сохранить реальное влияние в бывших колониальных владениях — все это привело к усилению роли идеологии как одного из средств достижения политических целей правящих кругов Великобритании.

Это не означает, конечно, что раньше английская буржуазия не придавала значения идеологическому обоснованию своей политики и методов политического господства. Традиционной чертой политики английской буржуазии во все времена было гибкое маневрирование и стремление к соглашению, сделкам и компромиссам. Идеология всегда служила важным фактором в реализации политических целей и задач, в методах подчинения и угнетения народа. Однако в настоящее время деятельность английской буржуазии в области идеологии значительно усилилась и расширилась.

В руках английской буржуазии — собственность на орудия и средства производства, необходимые для создания и распространения идей. Ей принадлежат крупные материальные средства и ценности — печатные станки, типографии и издательства, оборудование для киностудий, концертные залы, театры и др. Газетное дело, кино, издание книг и периодики — все это большие отрасли частного бизнеса. Ежедневно в стране выходит 133 газеты общим тиражом около 30 млн. экземпляров [1]. Таким образом, на каждые

[1] «Britain. An Official Handbook». London, 1970, p. 445.

100 человек приходится 50 экземпляров газет. Это вдвое больше, чем в США.

Концентрация капитала в отраслях идеологического бизнеса, наличие в каждой из этих отраслей лишь нескольких монополистических групп, контролирующих всю отрасль,— очень важная черта, накладывающая отпечаток на идеологическую деятельность буржуазии в Великобритании.

Английская буржуазия в своей идеологической деятельности опирается на сложный и разветвленный аппарат. Прежде всего в ее распоряжении находится партийный пропагандистский аппарат. В частности, консервативная партия располагает целым штатом лиц, для которых пропаганда, «паблисити», реклама и «паблик рилейшнз» (установление контактов с общественностью) служат профессией.

Идеологическим рупором английской монополистической буржуазии являются организации предпринимателей, играющие весьма значительную роль в общественно-политической жизни страны. Многие из них открыто ставят перед собой определенные идеологические задачи в качестве основных. Так, одна из крупнейших монополистических организаций —«Экономическая лига» объявляет своей основной целью пропаганду идей «свободного предпринимательства», т. е. рекламу капиталистического строя, системы частной собственности и капиталистической эксплуатации. Другая не менее крупная организация—«Цели промышленности» считает своей задачей бороться против национализации капиталистической экономики. Обе они систематически ведут пропагандистские кампании, затрачивая на это крупные денежные средства. «Экономическая лига», например, во время избирательной кампании 1964 г. израсходовала только на пропаганду идеи «свободного предпринимательства» 245 тыс. фунтов стерлингов.

Важным фактором в области идеологии на современном этапе стало и само государство. В его руках концентрируются материальные средства, необходимые для массового распространения идеологической продукции. Речь идет прежде всего о радио и телевидении. Почти с самого начала радиовещания в Великобритании государство установило свою монополию в этой области. Телевидение также с момента своего возникновения находилось в монопольном владении государства. Создав в 1954 г. коммерческое телевидение, государство оставило в своей собственности телевизионные станции. Они сдаются в аренду частным компаниям. С 1957 г. разрешены частные коммерческие радиостанции.

Солидные позиции занимает английское государство и в издательской области. Оно располагает Королевской типографией. Это — крупнейшая издательская организация Великобритании, основанная еще в XVIII в. и печатающая по поручению государ-

ственных учреждений бóльшую часть правительственных изданий и публикаций. Издаваемая этой типографией литература распространяется как в самой Англии, так и за ее пределами.

Процесс активизации идеологической деятельности английского государства проявился и в создании специализированного аппарата. Наиболее стройная система органов наблюдается в организации внешнеполитической пропаганды. Это связано с тем особым значением, которое английская буржуазия придает задачам удержания в подчинении народов колоний и зависимых стран и сохранению английского влияния и сфер приложения британского капитала в развивающихся странах.

В идеологической деятельности участвует не только специализированный аппарат, огромную роль играет также парламент. Хотя значение парламента в государственном управлении, действенном контроле над правительством снизилось, постоянно происходящие в нем публичные дебаты о правительственной политике, обсуждение законопроектов, тех или иных мероприятий правительства превращают его в одно из важнейших орудий идеологического воздействия. Характерно, что сам парламент всячески стремится расширить сферу своего идеологического влияния. Ныне он даже «ухаживает за паблисити», чем некогда пренебрегал. Соответственно модифицируется парламентская процедура: для произнесения наиболее важных речей отводится утреннее время, с тем чтобы они успели попасть в вечерние газеты. В последние годы по телевидению начали транслировать открытие парламентских сессий и, пока в порядке эксперимента, показывать парламентские дебаты. Новым служит также появление в палате общин довольно значительной прослойки депутатов, для которых «паблисити», «паблик рилейшнз» — профессия. Эти депутаты называются «теле-политиками».

Парламент выступает и в качестве важного объекта идеологической пропаганды правящих кругов Великобритании. Он пропагандируется как самая совершенная модель парламента и тем самым как доказательство совершенства существующей политической системы. Лицензия, на основе которой действует Би-Би-Си, вменяет ей в обязанность передавать ежедневный отчет репортеров о деятельности обеих палат парламента. Кроме этого, Би-Би-Си проводит серию бесед «Сегодня в парламенте» и еженедельные беседы «Неделя в Вестминстере». В ее передачах активно участвуют члены парламента.

В условиях Великобритании большое идеологическое значение имеет институт монархии. Если в решении политических вопросов роль монарха весьма ограничена, то в идеологической области происходит ее активизация. Фигура, поступки и образ жизни монарха используются для распространения представлений о «единстве нации», о совпадении интересов простого народа с интересами правителей, для пропаганды идей об «общности»

народов метрополии и колоний и т. д. В радиопередачах и телевизионных программах, в «информационных» фильмах Центрального ведомства информации подробно освещаются все события, связанные с жизнью королевской семьи, с ее участием в осуществлении внутренней и внешней политики Великобритании. Детально описываются визиты королевы и членов ее семьи в страны Содружества и отдельные города, смотр ею войск, посещение спортивных праздников, участие в различных церемониях и процессиях и т. д. Любое такое событие превращается в широкую пропагандистскую кампанию.

Поездки королевы и членов ее семьи в страны Содружества освещаются по радио и телевидению таким образом, чтобы создать впечатление о «близости» между английской королевой и народом посещаемых ею стран, о «любви и привязанности» к ней народа и о «заинтересованности» и «участии», которые проявляются к прогрессу и развитию этих стран.

Распространение идеи о короле как «символе единства нации» также подчинено цели вызвать уважение к существующим политическим институтам и к социальному строю в целом.

Идеологические аспекты занимают видное место в повседневной деятельности правительства. Каналом для проведения определенных взглядов правительства служат обычно выступления министров в прессе, по радио и телевидению, речи перед избирателями, пресс-конференции политических деятелей, выступления на партийных конференциях, публикация официальных материалов и т. д. Большое значение приобретают идеологические аспекты деятельности министерства иностранных дел. Министерство образования проявляет особую заботу об идеологической обработке подрастающего поколения. Возрастание роли науки приводит к активизации государственных органов в области руководства научно-исследовательской деятельностью, в частности в сфере общественных наук.

Важно значение суда в идеологической деятельности английского государства. Когда-то суд рассматривался даже как орган, «выявляющий идеалы общества». Сейчас он не играет столь большой роли в области создания и формулирования идей, однако при вынесении решений и толковании законов судьи высказывают по ходу дела общие идеи и взгляды, имеющие адресатом общественное мнение.

За послевоенное время в Англии было назначено множество разнообразных правительственных комиссий, занимающихся изучением различных аспектов идеологической деятельности. Их рекомендации служили основой для дальнейшего развития соответствующих областей деятельности. В связи с тем значением, которое после второй мировой войны Великобритания придает внешнеполитической пропаганде и идеологической экспансии в развивающихся странах, правительство неоднократно проводило

изучение и проверку организации и эффективности зарубежной пропаганды.

Важной вехой в области государственного руководства образованием и наукой явилось назначение в 1961 г. Комитета по расследованию вопросов высшего образования под председательством лорда Роббинса. Дважды после второй мировой войны назначались комитеты по проблемам радиовещания и телевидения (Комитет под председательством Бевериджа в 1949 г. и Комитет Пилкингтона в 1960 г.).

После войны английское правительство усилило свое внимание к подрастающему поколению и формированию его мировоззрения. В связи с этим была произведена централизация школьного образования. Кроме того, правительство активизировало работу Службы молодежи. Эта Служба была создана накануне второй мировой войны и ее задача состояла в организации досуга молодежи и в содействии «социальному обучению и физической подготовке молодежи»[2]. Эту задачу она должна была решать совместно с правительством, местными органами управления и добровольными организациями. Правительство выделяет крупные субсидии для работы среди молодежи и обучения ее «лидеров». В 1960 г. был назначен специальный комитет в целях изучения деятельности Службы молодежи. Комитет рекомендовал расширить акции, проводимые среди молодежи, увеличить субсидии правительства молодежным организациям. В соответствии с рекомендациями комитета правительство выделило в 1962 г. местным органам и молодежным организациям значительные средства, большая часть которых была предназначена для обучения молодежных «лидеров».

Активизируя свою деятельность в сфере идеологии, государство вместе с тем всячески маскирует ее. Прежде всего избегают употреблять слово «пропаганда», предпочитая термины «информация», «разъяснения» и т. д.

Идеологическая активность государства определенным образом затушевывается передачей ряда функций в этой области различным полугосударственным организациям, носящим названия «независимых», «автономных» и т. п. На самом же деле все они составляют неотъемлемую часть государственного пропагандистского аппарата. Правительство дает общее направление их деятельности, финансирует и контролирует их, назначает их руководящий состав.

Нельзя не сказать также о теснейших связях между государством и церковью. В Великобритании имеется государственная церковь — англиканская, которая в определенном смысле входит в состав государственного механизма. Она играет значительную идеологическую роль, оказывая существенную помощь государ-

[2] «Great Britain. An Official Handbook». London, 1964, p. 179.

ству в осуществлении его идеологической деятельности. Государство со своей стороны финансирует религиозные школы, работу священников в вооруженных силах, тюрьмах, больницах и т. д. Мощный пропагандистский аппарат, которым располагает государство, направлен на укрепление влияния и авторитета англиканской церкви. При органах радиовещания и телевидения, а также при министерстве образования имеются совещательные советы, в которые входят представители церковной иерархии. Эти религиозные советы влияют на деятельность радиовещания, телевидения, образовательных учреждений. В радио- и телепередачах значительное место отводится религиозным программам, трансляции церковных служб, чтению библии, выступлению проповедников и иных деятелей англиканской церкви. Органы радиовещания и телевидения руководствуются официальными догматами государственной религии. Большую роль играет также религиозное воспитание в школах.

На современном этапе государственный аппарат не только распространяет и пропагандирует определенные идеи, но и пытается сам непосредственно заниматься формированием идей. Однако формирование и развитие государственной идеологии — это значительно более сложный процесс, чем пропагандистская деятельность идеологического аппарата. В этом процессе участвует обширный идеологический механизм буржуазного общества.

В содержание партийной и государственной идеологии входят некоторые идеи, разработанные английской буржуазией еще в XIX в. Это — «совершенство английской политической системы», «верховенство парламента» и «господство права», «единство нации» (монарх как символ этого единства). Эти идеи либо воспроизводятся в традиционных формах, либо используются как отправные точки для модернизованных концепций. Однако наряду с этим в государственной идеологии громко звучат и такие новейшие, появившиеся в XX в. конструкции, как, например, превращение Англии в «государство всеобщего благоденствия», «диффузия власти», восхваление исторической миссии Великобритании в отношении бывших колоний (оправдание колониализма под видом патернализма).

Наконец, особенно важно подчеркнуть, что всю эту официальную идеологию пронизывает антикоммунизм. Сопровождая повседневную идеологическую деятельность, он выливается в разнузданные массовые антисоветские кампании, как это было, например, в Англии во время чехословацких событий 1968 г. или осенью 1971 г., когда правительство консерваторов во главе с Хитом организовало провокационный антисоветский бум, как две капли воды похожий на аналогичные провокации 20-х годов.

Формально государственная идеология в Англии является межпартийной, или внепартийной; фактически же доминирую-

щей, профилирующей служит идеология консервативной партии. Это объясняется рядом обстоятельств.

Прежде всего консервативная партия — единственная партия крупной буржуазии в Англии. Основные силы английской буржуазии не распылены, политически не разбиты на отдельные группировки и партии, как это наблюдается в некоторых других капиталистических странах, а объединены в рядах одной крупной политической партии — тори. Консолидация политических сил английской буржуазии в рамках одной партии играет важную роль в обеспечении единства основной идеологической линии, каковы бы ни были отдельные расхождения и противоречия внутри самой партии и между отдельными группами буржуазии.

Важное значение имеет и то, что верхушка бюрократического аппарата, формально беспартийная, социально, политически и идеологически связана с консервативной партией.

К тому же лейбористское руководство по существу разделяет многие принципы идеологической программы консерваторов. Те же идеи, которые составляют специфику лейбористской идеологии, не привились в качестве общегосударственной идеологии.

С другой стороны, надо иметь в виду, что современная консервативная идеология отличается от идеологии старого торизма. Партия тори длительное время вообще не придавала значения самостоятельной разработке какой-либо теоретической платформы или формулированию политических принципов. Она стояла на почве традиционного умеренно-консервативного буржуазного мировоззрения. Только в последние десятилетия партия тори стала уделять больше внимания идеологии, формированию общих принципов и идей. Это вызывалось необходимостью приспособиться к новым потребностям общественного и политического развития, к новым условиям классовой борьбы, к политической активизации масс, а также стремлением найти более гибкие подходы к разрешению проблем, поставленных развитием государственно-монополистического капитализма.

Старые идеи тори — антикатолицизм, династический лоялизм, даже джингоизм — явно устарели. Более подходящими оказались идеи «народного торизма» Дизраэли, которые сохраняют известное значение и теперь как партийная традиция. Остался национализм, идеализация прошлого, монархии, «империи» — старой и новой. Имеется и расизм, выражающийся в политике, направленной против иммигрантов из Вест-Индии, и в поддержке расистских режимов в Африке. Важный момент в современной идеологии тори — это сочетание лозунгов «господства права» и «государства благосостояния». Тори признали необходимость умеренных социальных реформ и расширения вмешательства государства в экономику. Однако эти поиски новых путей не изменили характера партии. Она официально объявляет себя партией сво-

бодного предпринимательства, партией, защищающей идею «демократии, основанной на частной собственности».

В то же время у лейбористов все более блекнут традиции даже фабианского социализма. В основе лейборизма лежит эклектическое смешение оппортунистических и буржуазных теорий и концепций. До 1918 г. партия вообще обходилась без определенной идеологии и программы. Только с 1918 г. она провозгласила себя социалистической партией, объявив о своей приверженности принципу общественной собственности. Английские социал-демократы заявляют, однако, о верности особому, «британскому» или «демократическому» социализму. Это означает прежде всего, что они отвергают революционный метод в качестве способа разрешения социальных противоречий и стоят на позициях эволюционизма. Государство рассматривается ими как надклассовый институт, который якобы служит «общему благу». Отсюда вытекает их основной вывод о возможности использования государства для постепенных реформистских преобразований. Для этого, по их мнению, необходимо расширение функций государства, усиление его вмешательства в экономическую жизнь и социальные процессы. Абсолютизация реформистского пути привела правых лейбористов к забвению подлинно социалистических целей движения, последовательному сближению их идеологических позиций с позициями консерваторов.

Следует отметить также, что постоянно ведущаяся в партии борьба между левым и правым крылом не налагает заметного отпечатка на официальную идеологию партии. Левые в лейбористском движении не представляют собой силы, которая заставила бы правое руководство идти на политические и идеологические уступки, так как сами они зачастую находятся в плену реформистской идеологии и не могут противопоставить платформе официального руководства сколько-нибудь последовательной социалистической программы.

Характерно наличие общих черт в политических принципах и программах консерваторов и лейбористов. В конечном итоге обе партии выступают защитниками капиталистического строя, расходясь лишь в вопросе о методах стабилизации и укрепления капиталистической системы (умеренно реформистском или консервативном). И та, и другая партия отмежевывается от классов, объявляя себя партией, выражающей интересы «всей нации». Ни та, ни другая не ставит под сомнение конституционных основ английского общества, выступая приверженцами парламентской демократии, двухпартийной системы, действующей избирательной системы. Обе партии исходят из основной посылки о нейтральности и беспристрастности английского государства, действующего якобы во имя «всеобщего благоденствия»; обе разделяют концепции «плюрастической демократии», «господства права», «верховенства парламента», объявляют себя сторонниками экономи-

ческого динамизма и поборниками деколонизации. И, конечно, обе партии стоят на позициях ярко выраженного антикоммунизма.

Сближение идеологии консервативной и лейбористской партий сказывается, разумеется, на содержании официальной государственной идеологии. Деятельность же государственного идеологического аппарата в свою очередь еще больше усиливает процесс сближения идеологий двух партий, сглаживания различий между ними.

Официальная пропаганда подчеркивает сходство в политической идеологии обеих партий. Это — подведение общего знаменателя, создание единой идеологической линии. Теоретической базой подобной позиции государственного идеологического аппарата служит доктрина «нейтральности» и «беспристрастности» этого аппарата: аппарат должен избегать постановки вопросов, составляющих предмет споров и разногласий между партиями. Ссылаясь на беспристрастность, государственный идеологический аппарат проводит линию на сглаживание различий между партийными идеологиями.

Глава II

Идеологический аппарат государства

Служба информации

Важной частью специализированного аппарата государства, функционирующего в области идеологической деятельности, является служба информации. В последнее время ее все более часто именуют службой по установлению связей с общественностью. Это новое название точнее передает ее смысл и назначение.

Эта часть аппарата занимается прежде всего выработкой, формулированием и распространением определенных идей. Но она дает также возможность осуществлять государственный контроль над каналами и источниками информации, что позволяет направлять информацию о политике и деятельности государства в определенное русло и подавать ее в наиболее благоприятном свете.

Основная задача службы информации сводится к идеологическому обоснованию внутренней и внешней политики правительства и подготовке его мероприятий и акций. Таким образом, центр тяжести в работе органов информации лежит в области пропаганды политики и практики английского империалистического государства. Деятельность органов информации целиком подчинена общей политике правительства, и самое важное место здесь занимают вопросы, связанные с обороной и внешнеполитическими мероприятиями английского государства. Это отражается и на расходах на службу информации. Бóльшая часть средств, отпускаемых правительством, идет на заграничную пропаганду. В 1970—1971 гг., например, на службу информации было израсходовано 40 млн. фунтов стерлингов, причем 9 млн. было потрачено на пропаганду и информацию внутри страны, а остальное — на пропаганду за границей [3].

В английской буржуазной литературе характер деятельности службы информации часто представляется как чисто информационный и разъяснительный. При этом используются туманные и неопределенные формулировки. Говорят, например, что служба информации должна подавать информацию таким образом,

[3] «Times», 19.I 1971.

чтобы «создавать и поддерживать взаимное понимание между правительством и народом страны»[4]. Но и эта стыдливая формула ясно показывает, что и здесь информация должна нести на себе определенную целевую нагрузку. Информация становится в этих условиях распространением определенных идей, т. е. пропагандой в чистом смысле этого слова. Службой информации разработаны определенные методы и техника подачи информации в соответствующем духе. Недаром даже буржуазные авторы признают, что правительство видит в этой службе удобное средство для «объяснения своих непопулярных действий» и активно использует ее для «подкрашивания бюрократического пирога»[5].

Служба информации — это система органов. Нетрудно проследить связь между ее развитием, с одной стороны, и социальными и внешнеполитическими кризисами, потрясавшими империалистическую Англию, с другой.

Первые органы информации были созданы в годы первой мировой войны. Они выполняли свои функции главным образом в области внешнеполитической пропаганды. В 1918 г. было образовано министерство информации под руководством лорда Бивербрука, на которое возлагалась задача ведения пропаганды в доминионах, союзных и нейтральных странах. Комитет под руководством лорда Нордклиффа руководил пропагандой во вражеских странах, а Национальный комитет военных целей вел патриотическую пропаганду внутри страны.

После окончания войны эти органы были распущены, но некоторые из их функций сохранились. Их осуществление было передано другим министерствам, главным образом министерству иностранных дел, в рамках которого был создан Отдел информации на правах самостоятельного органа.

После первой мировой войны получает развитие соответственно служба информации. В 30-х годах почти во всех крупных министерствах создаются отделы информации, или «отделы по связи с общественностью», на которые возлагается задача ведения пропагандистских кампаний, изучения и формирования общественного мнения. Эти отделы образуются не только в министерствах, связанных с внешней политикой (в первую очередь, в министерстве иностранных дел), но в министерствах, имеющих преимущественно внутренние задачи (министерства здравоохранения, труда и т. д.).

В 30-х годах в связи с ростом центробежных сил в британской колониальной империи особенно остро начала ощущаться угроза имперским и колониальным интересам. В прямой связи

---

[4] M. Ogilvy-Webb. The Government explains. A Study of the Information Services. London, 1965, p. 21.

[5] S. Francis-Williams. The Government Information Services. «Public Administration», Autumn 1965, p. 333.

С этим были созданы специальные органы, на которые возлагалась задача ведения внешнеполитической пропаганды в странах империи. В 1932 г. образуется Управление имперских рынков сбыта, что рассматривается как важный этап в развитии службы информации[6]. На Управление возлагается защита коммерческих интересов английской империалистической буржуазии. Управление должно было способствовать сбыту английской сельскохозяйственной продукции в странах Содружества. В своей деятельности оно самым широким образом использовало внешнеполитическую пропаганду. В 1932 г. в этих же целях была создана заграничная имперская служба радиовещания (при Би-Би-Си) и двумя годами позже — Британский совет.

Новый толчок развитию пропагандистской машины в Великобритании дала вторая мировая война. В 1939 г. вновь было создано министерство информации. На этот раз оно представляло собой уже более совершенную централизованную и разветвленную машину с широкими полномочиями. На министерство информации была возложена задача вести пропаганду внутри страны и за границей (за исключением пропаганды во вражеских странах и странах, оккупированных врагом). Это министерство осуществляло выпуск последних известий с фронтов, цензуру прессы, подготавливало бо́льшую часть пропагандистского материала, распространявшегося внутри страны и за границей. Отдельные министерства по-прежнему вели пропагандистскую работу в пределах своей компетенции, но министерство информации следило за направлением и содержанием всей работы в этой области. Оно располагало большими ресурсами и штатом для ведения такой работы: 2950 сотрудников находились в Англии и 3600 — за границей[7]. Органы министерства имелись и в иностранных государствах, где проводилась его работа (они были подчинены английским посольствам и дипломатическим миссиям). Кроме того, в своей работе за границей министерство информации опиралось на находившихся там сотрудников министерства иностранных дел.

После окончания войны министерство информации было преобразовано и получило статус Центрального ведомства информации (ЦВИ). Его руководитель не входит в состав правительства. Создание ЦВИ явилось новым шагом к централизации всего аппарата информации и к усилению координационных начал в его построении и деятельности. В компетенцию отдельных министерств по-прежнему входило определение общего направления информационной деятельности и ее главного содержания применительно к их функциям. На ЦВИ были возложены задачи, связанные с ведением таких идеологических кампаний, которые

---

[6] «Note et Etude Documentaires», 1962, N 2, p. 904.
[7] M. Ogilvy-Webb. Op. cit., p. 58.

выходят за пределы функций отдельных министерств, а также выполнение централизованных услуг в области пропаганды по заданию отдельных министерств. Последующее развитие идеологического аппарата шло в направлении дальнейшей его специализации.

В прошлом руководство идеологическим аппаратом возлагалось на кого-либо из членов кабинета, имевших в качестве основных другие функции. В 1957 г. в составе кабинета выделяется лицо, основной задачей которого стало общее руководство идеологическим аппаратом. Эти функции возлагаются на канцлера герцогства Ланкастерского, которому были даны необходимые полномочия по координации соответствующей деятельности различных ведомств. В 1962 г. функции по руководству этим аппаратом передаются министру без портфеля.

Соответствующие нововведения были непосредственно связаны с Суэцким кризисом 1956 г. Провал суэцкой авантюры усилил внимание к пропагандистской службе. Английское правительство утверждало, что служба информации не смогла «выгодно представить английскую политику всему миру» [8]. Были разработаны планы по улучшению зарубежной информационной службы и координации всей службы информации. Составной частью таких планов стало выделение в составе кабинета министра, который впервые за всю историю информационной службы мог бы посвятить себя целиком идеологической работе и разрабатывать стратегию пропагандистских кампаний задолго до наступления соответствующих событий.

С назначением министра по координации информационной службы по существу закончился период становления аппарата пропаганды. Начался период его быстрого роста и усовершенствования методов его работы.

В настоящее время чиновники аппарата информации, так называемые чиновники в области «паблик рилейшнз», представляют собой очень влиятельную прослойку в государственном аппарате. Их статус очень укрепился за последние 15 лет. До войны служащие, занимавшиеся различными аспектами информационной работы, носили различные наименования и не представляли собой какого-нибудь самостоятельного класса гражданской службы [9]. Теперь это особый класс — класс чиновников по информации, хорошо оплачиваемая профессия, представители которой обладают значительной степенью власти и влияния.

В настоящее время специализированная информационная служба составляет неотъемлемую часть механизма государственного управления. Соответствующая работа проводится, как мы видели, различными государственными органами при высо-

[8] M. Ogilvy-Webb. Op. cit., p. 88.

[9] В Англии все государственные служащие строго делятся на классы, определяющие их статус в чиновничьей иерархии.

кой степени централизации и координации. Основные звенья этой службы — отделы информации, или отделы по «связи с общественностью» при министерствах, Центральное ведомство информации, министр по координации, советник по «связи с общественностью» при премьер-министре.

Отделы информации (или отделы по связи с общественностью) имеются во всех крупных министерствах. Они определяют содержание пропагандистских кампаний и осуществляют их в сотрудничестве с центральным ведомством информации, местными органами управления и добровольными организациями. Большинство из этих кампаний проводится в связи с подготовкой или принятием законодательных мер либо в связи с необходимостью обеспечить поддержку или «содействие» какому-либо мероприятию правительства. С этой целью они передают соответствующие сообщения и информацию репортерам газет, радио, телевидения, выпускают фильмы, книги, периодические издания, брошюры, организуют рекламу и объявления в газетах, по радио и телевидению, исследуют общественное мнение и т. д.

Отделы возглавляются главным чиновником по информации (Chief Information Officer) или его заместителем. В некоторых министерствах глава отдела именуется директором по «связи с общественностью» (Director of Public Relations),— например, в министерстве обороны, либо чиновником по «связи с общественностью» (Public Relations Officer) — в министерствах внутренних дел и здравоохранения, либо главой отдела новостей — в министерстве иностранных дел.

Отделы подразделяются на три основных подотдела — новостей (в некоторых министерствах он именуется пресс-бюро), рекламы и переписки (или информации).

Подотдел новостей устанавливает отношения с прессой, радио и телевидением, снабжает репортеров и корреспондентов сообщениями о деятельности министерства, дает объяснения по поводу различных мероприятий ведомства, отвечает на вопросы корреспондентов о тех или иных акциях министерства. В Англии о подотделе новостей пишут следующее: «Это — глаза и уши тех, кто делает политику» [10] (к этому можно было бы добавить: и язык).

Подразделение рекламы занято изданием книг, брошюр и журналов, организацией выставок, реклам и объявлений министерства в прессе, по радио и телевидению.

Подотдел переписки или информации собирает информацию, которая используется в пропагандистской деятельности данного министерства или какого-либо иного министерства либо центрального ведомства информации. Обычно ведомство информации

[10] «Seminar on Freedom of Information». Rome, 1964, p. 6.

обращается к этой информации при подготовке своих заграничных публикаций о «британских достижениях» и о «британском образе жизни».

Отделы информации или «связи с общественностью» играют все возрастающую роль в деятельности министерств и ведомств. Они оказывают значительное влияние на их политику. Глава информационного отдела имеет право свободного доступа к министру. Он принимает участие в заседаниях на высоком уровне, на которых обсуждаются текущие дела министерства, и всегда находится в курсе этих дел. Информационные отделы участвуют в разработке «Белых книг» министерств, представляемых парламенту. Наиболее важные выступления министра, такие, как выступления в парламенте, связанные с внесением на обсуждение парламента «Белой книги» или какого-либо законопроекта, обычно являются предметом консультации между министром и главами информационных и других отделов министерства. Интересно отметить также, что ни один чиновник министерства, как правило, не выступает в прессе, по радио или телевидению, не проконсультировавшись предварительно с информационным отделом министерства.

Задача ЦВИ носит двоякий характер. С одной стороны, оно выступает в качестве исполнительного органа, осуществляющего рекламную и пропагандистскую деятельность по заданию отдельных министерств. С другой стороны, в областях, выходящих за рамки компетенции отдельных министерств, ведомство проводит собственную пропагандистскую и информационную работу.

В задачи ведомства входит ведение как внутренней, так и внешней пропаганды. Внутри страны оно подготавливает и распространяет брошюры, фильмы, телевизионные материалы, организует выставки, изготавливает фотографии и другие пропагандистские рекламные и информационные материалы, осуществляет правительственную рекламу в прессе, по радио и телевидению. В области внешней пропаганды оно снабжает английские пропагандистские центры за границей материалами для печати, радио и телевидения, брошюрами, журналами, фильмами, фотографиями, разрабатывает планы содействия продаже английских книг и периодических изданий за границей, организует поездки официальных лиц из-за границы в Великобританию и т. д.

Ведомство информации работает в теснейшем контакте с частным капиталом. Технически все упомянутые материалы подготавливаются не только самим ведомством, но и коммерческими фирмами по договору с ним. Так, темы и планы выставок составляются ведомством, а сами выставки организуются специализированными фирмами. Все объявления для печати составляются соответствующими сотрудниками ЦВИ, а все пропагандистские фильмы изготовляются частными организациями по договору с ним. Брошюры и книги подготавливаются ведомством информа-

ции, а печатает их Королевская типография, причем расходы по напечатанию книг относятся на счет Королевской типографии, все остальные расходы — на счет ведомства.

Во главе ЦВИ стоит Генеральный директор, назначаемый министерством финансов и руководящий деятельностью ведомства. Он не является членом правительства или парламента. Ответственным за штаты и бюджет ведомства информации перед парламентом считается финансовый секретарь казначейства. Фактически же политическое руководство Центральным ведомством информации осуществляется, во-первых, министром по делам координации информационных служб, а во-вторых, министерством иностранных дел (особенно в вопросах заграничной пропаганды).

Структура ЦВИ подчинена его двум основным задачам — пропаганде внутри и вне страны. Под руководством Генерального директора работают два контролера. Один из них ведает вопросами внутренней пропаганды, другой — внешней, курируя соответствующую группу отделов ведомства.

В составе Центрального ведомства информации 12 отделов: пропаганды, выставок, фильмов, заморской печати, фотографий, публикаций, радио, документации, социальных исследований, телевидения, организационный и финансовый.

Особый интерес представляет деятельность двух отделов: заморской печати и социальных исследований.

Отдел заморской печати снабжает английских должностных лиц за границей пропагандистским материалом для публикации в печати или передачи по радио и телевидению иностранных государств. Материалы содержат тематическую информацию и комментарии о политических и иных событиях в Великобритании и в мире. Выбор тематики и форма комментариев определяются тем, для какой именно страны они предназначены. Для специализированного оформления материала в отделе имеется центральная секция, концентрирующая наиболее важный материал и четыре региональные службы: Северной и Южной Америки; Азии, Австралии и Новой Зеландии; Европы и Среднего Востока; Африки. Сотрудники региональных отделов отбирают материал для соответствующих стран и районов мира.

Что касается отдела социальных исследований, то он занимает особое место в структуре ведомства и имеет самостоятельные задачи: изучать общественное мнение и проводить социальные и иные подобные исследования. Он снабжает другие отделы ведомства статистическими и фактическими данными для использования в пропагандистской деятельности. Работа отдела ведется тремя основными секторами — экономическим, социальным и сектором проблем государственного управления. О возрастающем значении отдела можно судить по тому, что отпускаемые ему финансовые средства и его штаты все время растут.

Центральное ведомство информации располагает сетью региональных органов, играющих большую роль в распределении пропагандистских и информационных материалов на местах, а также в получении соответствующих местных сообщений и материалов. Региональные органы обеспечивают контакты государственной информационной службы с местной прессой, местными органами управления и представителями промышленности на местах. Девять региональных контор расположены на территории Англии и Уэльса, одна — в Шотландии (Шотландское ведомство информации, являющееся частью министерства внутренних дел Шотландии) и одна — в Северной Ирландии.

Работа служб информации с 1962 г. координируется, как уже говорилось, министром без портфеля, являющимся, как правило, членом кабинета. Роль этого министра в пропагандистской машине Великобритании очень важна. Он осуществляет общее политическое руководство органами информации и координирует их работу, выступает в кабинете и парламенте по вопросам информационной политики, поддерживает тесные связи с прессой, следит за тем, чтобы деятельность идеологического аппарата шла в русле правительственной политики и отражала наиболее важные вопросы деятельности правительства. Начиная с 1957 г. министр по делам координации проводит еженедельные заседания с соответствующими чиновниками министерств, на которых обсуждаются вопросы планирования, организации и проведения пропагандистских кампаний. Эта практика, несомненно, связана с общими мерами правительства по усилению эффективности информационной службы, последовавшими после провала суэцкой авантюры.

В идеологическом аппарате английского государства большое значение имеет «советник по связи с общественностью» (или пресс-секретарь) при премьер-министре. Это должностное лицо впервые появилось в 1945 г. и с тех пор заняло прочное место в системе органов пропаганды и информации. Его задачи состоят в том, чтобы с помощью профессиональных и тщательно разработанных приемов рекламировать политику правительства, его успехи.

Советник по связи с общественностью назначается премьер-министром по собственному усмотрению. Обычно на эту должность выбираются журналисты, имеющие опыт работы в государственном аппарате, либо, наоборот, государственные служащие, имеющие опыт журналистской работы.

Советник по связи с общественностью ведает всеми отношениями премьер-министра с прессой, ежедневно встречается с журналистами по всем делам, касающимся премьер-министра или правительственной политики в целом. Он находится в тесном контакте с отдельными министерствами и играет роль советника при министре по делам координации.

Советник по связи с общественностью — близкий сотрудник премьер-министра, он дает премьер-министру советы по вопросам, связанным с проблемами «паблик рилейшнз», сопровождает его во всех заграничных поездках, помогает подготавливать выступления по радио, телевидению и т. д.

Пресс-секретарь имеется и при королевском дворе. В его задачу входит снабжать прессу информацией, касающейся жизни королевской семьи, участия королевы в политических событиях и др.

Органы внешнеполитической пропаганды

Внешнеполитическая пропаганда в Великобритании осуществляется в основном соответствующими отделами министерства иностранных дел и министерства по делам содружества, Центральным ведомством информации, Британским советом, службой внешнего вещания Би-Би-Си.

Политика британской пропаганды за границей, ее задачи и направление определяются министерством иностранных дел, которое выполняет контрольно-координационные функции по отношению ко всем органам, связанным с решением задач внешней пропаганды.

В министерстве иностранных дел имеется целая группа отделов, ведающих идеологической деятельностью. Главные из них — отделы новостей, информационной политики, информационно-исполнительный и культурных связей.

Отдел новостей непосредственно подчинен постоянному заместителю министра иностранных дел. Это — единственный случай в структуре министерства, что само по себе указывает на роль этого отдела. В функции отдела входит изучение общественного мнения за рубежом по поводу внешней политики Великобритании, поддержание контактов с прессой. Отдел широко использует прессу, радио и телевидение для проведения инспирированных кампаний, способствующих внешнеполитическим акциям, готовит официальные сообщения правительства для прессы.

Отдел информационной политики направляет и контролирует всю пропаганду за рубежом. Совместно с органами разведки он осуществляет пропагандистские кампании, следит за тем, чтобы информационный материал соответствовал общему направлению английской внешней политики.

Информационно-исполнительный отдел ведает вопросами культурных, научных и технических связей с заграницей, отдел культурных связей контролирует деятельность Британского совета.

Британский совет, созданный в 1934 г., занимает важное место в системе органов внешнеполитической пропаганды.

Формально он именуется автономным, независимым, не подчиненным официальному контролю органом, по существу же он представляет собой неотъемлемую часть государственной системы пропаганды: ему переданы важные государственные функции в области внешней политики. Направление деятельности Британского совета определяется государством, основной источник его финансирования — государственный бюджет, бóльшая часть руководящего состава назначается правительством. Что касается притязаний на «независимость», то, как замечает видный английский дипломат У. Хейтер, заявлениями о независимости Британского совета англичане «не обманывают никого, кроме себя». «Любой иностранец,— пишет У. Хейтер,— знает, что Британский совет целиком финансируется за счет правительства и полностью находится в его руках» [11].

Возглавляется Британский совет исполнительным комитетом. В состав Совета входят представители правительства и правительственных учреждений, университетов и других организаций. Председателем Британского совета в 1971 г. стал бывший директор крупнейшего военного концерна «Виккерс» Л. Роуэн, имеющий большой опыт в вопросах коммерческой пропаганды и содействия внешнеэкономической экспансии английских монополий (длительное время он был членом Британского национального совета по экспорту).

Британский совет имеет ряд отделов: иностранный отдел «А», занимающийся колониями и странами Содружества; иностранный отдел «Б», ведающий делами стран Среднего Востока, Латинской Америки и Дальнего Востока; иностранный отдел «В», занимающийся странами Восточной, Северной и Южной Европы; внутренний отдел, имеющий дело с иностранными студентами, приехавшими в Англию по приглашению Совета; отдел науки и искусства, отдел образования; хозяйственный и финансовый отделы. Совет располагает многочисленным штатом сотрудников, находящихся в метрополии и в различных частях света. В 1963—1964 гг., например, 1600 сотрудников Совета работали в Лондоне и других городах Англии и 2100 служили за границей. Представители Совета действуют приблизительно в 80 странах.

Созданный по инициативе министерства иностранных дел, Британский совет до сих пор находится под его тщательным контролем. Работа Совета регламентируется отделом культурных связей «Форин оффиса», а представители Совета за границей подчиняются непосредственно одному из сотрудников посольства.

В настоящее время Британский совет представляет собой наиболее крупную и разветвленную организацию, ведущую пропаганду за границей. Лондонская «Таймс» отмечала, что за 30 лет

---

[11] Цит. по: В. Петров. Дипломатия Даунинг-Стрита. Изд-во «Международные отношения», 1964, стр. 74—75.

своего существования этот орган из бедного родственника превратился в «дорогостоящую часть аппарата, представляющего Англию за границей» [12].

Официальные цели Британского совета, зафиксированные в его уставе, не нуждаются в комментариях: «содействовать распространению более широких знаний о Соединенном Королевстве за границей; содействовать распространению знаний английского языка за границей, а также установлению более тесных культурных отношений между Соединенным Королевством и другими странами на благо Британского содружества наций».

Совет активно преследует эти цели, придавая им политический характер, и является органом проведения идеологической экспансии. В официальных документах самого Британского совета хотя и отрицается политический характер этого органа, тем не менее признается, что его деятельность «дает политические результаты» [13], имеет «политический и коммерческий эффект в самом широком смысле слова» [14].

Существенным стимулятором деятельности Британского совета явился распад английской колониальной империи в середине 50-х годов. Совет, в частности, значительно расширил объем своей деятельности в развивающихся странах, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, в Юго-Восточной Азии и Африке. $^4/_5$ всех средств Совета расходуется на работу в этих районах мира, причем половина из них тратится на деятельность в странах Содружества, недавно завоевавших самостоятельность. Более 80% персонала Совета, находящегося за границей, работает в развивающихся странах.

До 1957 г. деятельность Совета строилась на основе «формулы Ллойда», исходящей из того, что политическое и всякое иное влияние Англии за границей основывается на «личном влиянии англичан», вернее, на личном примере. Это обстоятельство рассматривалось Советом как «жизненно важный политический и коммерческий фактор» [15]. Перед представителями Совета за границей ставилась постоянная цель — своим собственным примером внушать английский образ жизни, английский «образ мышления» и таким образом распространять «идеалы английской демократии».

В соответствии с рекомендациями правительства в 1957 г. органы внешней пропаганды должны были расширить свое влияние за границей, особенно в развивающихся странах, путем усиления работы среди тех слоев населения страны, которые определяют общественное мнение, являются его «лидерами», главным образом — среди интеллигенции. Тактика Британского совета

[12] «Times», 9.XII 1965.
[13] «British Council. Annual Report 1953—1954». London, 1954, p. 8.
[14] «Overseas Information Services». London, 1957, p. 7.
[15] «British Council. Annual Report 1955—1956». London, 1956, p. 8.

состояла не только в том, чтобы влиять своим собственным примером, но и в том, чтобы «усилить контакты с влиятельными лицами, особенно среди интеллигенции и студентов, которые, по всей видимости, являются лидерами общественного мнения в их собственных странах» [16]. Новые приемы нашли выражение в различных формах деятельности Совета.

Работа Британского совета за границей осуществляется через центры, административные конторы и институты Совета, расположенные в различных странах. В этих центрах представители Совета организуют преподавание языка, демонстрацию фильмов, распространяют книги и периодические издания, устраивают выставки, организуют библиотеки, лекции и выступления. Совет устраивает поездки и «консультативные туры» английских ученых и специалистов за границу, а также поездки иностранных специалистов в Англию. Он предоставляет стипендии иностранным студентам для обучения в английских высших учебных заведениях, организует обмен между странами преподавательским составом, помогает устанавливать личные контакты между английскими и иностранными специалистами и т. д.

Преподавание языка Совет считает своей важной задачей, условием для более эффективной пропаганды английского образа жизни и английских идей. Преподаванию языка в центрах и институтах Совета уделяется большое внимание.

Начиная с 1957 г., т. е. непосредственно в связи с новой стратегией «влияния на образованный класс», Британский совет значительно расширил поле своей деятельности. Он начал оказывать «помощь» государственным органам образования и образовательным учреждениям развивающихся стран в составлении программ и учебников по английскому языку и в разработке методов преподавания языка. В этом он видел способ укрепления контактов и, соответственно, усиления английского влияния в государственном аппарате этих стран.

Задачам идеологической экспансии служат и другие формы работы Совета. Так, крупные суммы выделяются правительством для обеспечения той части работы Совета, которая связана с предоставлением стипендий иностранным студентам, обучающимся в Великобритании. В 1968—1969 гг. в английских университетах и колледжах обучалось 70 тыс. иностранных студентов. Возрастает также число организуемых Советом визитов иностранных специалистов в Англию. Растут государственные ассигнования для предоставления стипендий английским студентам, обучающимся за границей, и для организации поездок английских специалистов за границу.

---

[16] «British Council. Annual Report 1958—1959». London, 1959, p. 27.

В связи с процессом милитаризации в деятельности буржуазного государства особое значение приобретает идеологическая работа в вооруженных силах. В идеологической обработке личного состава вооруженных сил первостепенная роль отводится «спасению» солдат от влияния идей коммунизма.

Обработкой личного состава занимается обширный, хорошо налаженный военный идеологический аппарат. Ответственность за идеологическую подготовку и политико-моральное состояние личного состава возложена прежде всего на офицерский состав — командиров соединений, частей, кораблей, подразделений. Вместе с тем в вооруженных силах существует специализированный идеологический аппарат. Он включает четыре службы, имеющиеся при каждом виде вооруженных сил: «просвещения», религиозных культов, организации досуга и быта и пропаганды и информации. Служба пропаганды и информации занимается в основном пропагандой среди вооруженных сил через печать, радио, телевидение.

Служба «просвещения» занимает в этой структуре особое место: ее деятельность контролируется и направляется Координационным комитетом служб просвещения министерства обороны. Служба «просвещения» имеет представителей во всех звеньях армии, авиации и флота, до батальона включительно. Она ведает изданием пропагандистской литературы, методических разработок, информационных материалов, организует занятия с солдатами на политические темы и руководит этими занятиями.

Основная форма идеологической обработки — занятия с военнослужащими на политические темы, так называемая общеобразовательная подготовка. Эти занятия проводят строевые офицеры и инструкторы по «просвещению». В основу занятий положено изучение «текущих событий» и «науки о гражданственности» по материалам, рассылаемым Управлением «просвещения» министерства обороны. В инструкции руководителям занятий указывается, что они обязаны «поощрять или ограничивать выступления в такой мере, чтобы не дать втянуть в споры на нежелательные темы» [17].

В лекциях о «текущих событиях» военные пропагандисты освещают в тенденциозном духе внешнюю и внутреннюю политику правительства Великобритании, оправдывают военную подготовку и политику гонки вооружений и т. д. Занятия по изучению «науки о гражданственности» сводятся к прославлению «английского образа жизни», буржуазной демократии, монархии, колониализма.

---

[17] См. Ю. Морсин. По рецептам идеологов антикоммунизма. «Коммунист Вооруженных Сил», 14 июля 1965, стр. 83.

Большую роль в идеологической обработке личного состава английских вооруженных сил играет служба религиозных культов. Религия рассматривается как одна из «основ морального духа войск». Во всех звеньях вооруженных сил имеются штатные и внештатные военные священники — капелланы. Во всех крупных гарнизонах, а также в отдельных воинских частях действуют свои церкви. Военные капелланы согласно § 206 Общеармейского устава «несут ответственность за духовное и моральное состояние войск». Помимо богослужений и чтения проповедей в их обязанности входит проведение бесед, организация религиозных кружков и другие виды идеологической и религиозной обработки военнослужащих.

В тесном контакте со службой «просвещения» работает служба организации досуга и быта, занимающаяся идеологической обработкой личного состава во внеслужебное время. Под ее руководством работают армейская радиосеть, армейская кинокорпорация, организация, содержащая сеть клубов, баров, танцплощадок и др. Помещения, где размещаются войска, как правило, оборудованы радиоприемниками. Военные радиостанции за границей бóльшую часть времени ретранслируют передачи Би-Би-Си, которая систематически передает специальные программы для войск. Важную роль в политическом воспитании личного состава играет военная печать.

Наряду с интенсивной идеологической обработкой личного состава вооруженных сил военный идеологический аппарат ведет широкую кампанию среди населения, рекламируя английские вооруженные силы, в частности, с целью привлечь в их ряды молодежь.

В основном кампании соответствующего содержания проводятся Центральным отделом «паблик рилейшнз» министерства обороны и Центральным ведомством информации. Они выпускают пропагандистские фильмы, издают книги, брошюры, организуют выставки, печатают статьи в журналах, дают рекламы и объявления в газетах, по радио и телевидению и т. д.

Военное министерство снабжает прессу сведениями о жизни английских солдат за границей. Заметки посылаются в местные газеты в родной город военнослужащего. Там они публикуются вместе с фотографиями этого военнослужащего, снятого обычно рядом с женой или матерью. В месяц «изготавливается» обычно не менее двухсот — трехсот таких заметок.

Каждый вид английских вооруженных сил имеет подшефную молодежную организацию, которую он частично финансирует, обеспечивает материальной базой, инструкторами. Эти организации, включающие в свой состав юношей от 14 до 18 лет и созданные при школах и предприятиях, объединяются по территориальному признаку. Формируются они по военному образцу и соответственно именуются: армейские кадетские силы, корпус

морских кадетов, корпус авиационной подготовки и объединенные кадетские силы. Занятия в этих организациях проводятся инструкторами — кадровыми офицерами. Но это только начало соответствующего воспитания молодежи. Всю свою жизнь молодой человек связан с той или иной военной организацией. Разработана целая система мероприятий, предназначенных, по выражению фельдмаршала Монтгомери, заставить народ «от колыбели до могилы» служить в армии.

Органы государственного руководства радиовещанием и телевидением

В руках у государства находятся важные материальные средства, необходимые для массового распространения идей. Одним из них является радиовещание, монополизированное государством и осуществляемое Британской радиовещательной корпорацией (Би-Би-Си).

Би-Би-Си — одно из наиболее важных звеньев идеологического аппарата английского государства. Внутри страны она может охватить широкую аудиторию радиослушателей. Около 97% населения в Великобритании имеет радиоточки, принимающие программы Би-Би-Си, и в 92% всех домов есть один или несколько радиоприемников [18]. Известно, что ежедневно радио слушают не менее 26—27 млн. англичан [19]. Благодаря возможности завладеть вниманием большой аудитории и внушать определенные идеи огромному количеству людей, Би-Би-Си выступает в качестве эффективного средства массового распространения идей.

Роль радиовещания в идеологической деятельности была оценена английской буржуазией и правительством с первых же лет существования радио в стране. Радиовещание в Англии возникло в 1922 г. Первоначально оно осуществлялось частной Британской радиовещательной компанией, созданной в том же году и находившейся под контролем крупных производителей радиооборудования. За выдачу лицензий на пользование радиоприемниками взимался налог, и из него образовывались доходы этой компании.

Однако уже через год после начала функционирования компании был поставлен вопрос о передаче контроля над радиовещанием в руки государства. В апреле 1923 г. правительством был назначен Комитет Сайкса, которому поручалось исследовать вопрос о будущем радиовещания в Англии и о статусе радиокомпании. Комитет пришел к заключению, что радиовещание имеет «огромные социальные и политические последствия» и что

[18] «BBC Handbook, 1964». London, 1964, p. 17.
[19] Ibid., p. 17.

ввиду этого «руководство таким потенциальным мощным орудием контроля над общественным мнением и жизнью нации» должно находиться в руках государства»[20]. Радиовещание расценивалось в докладе Комитета как «публичная служба», которая должна подчиняться государственному контролю.

В 1925 г. для окончательной выработки планов реорганизации радиовещания был создан второй правительственный комитет (так называемый Комитет Кроуфорда). Он рекомендовал создать публичную корпорацию, которой должно быть передано исключительное право ведения радиопередач. Такая корпорация была создана в 1927 г. и получила наименование Британской радиовещательной корпорации.

В настоящее время радиовещание официально рассматривается в Великобритании как институт, имеющий «глубокое социальное значение», влияющий на «ценности и моральные устои общества» и несущий за них ответственность[21]. Подчеркивается, что радиовещание воздействует на социальную структуру общества, образ мыслей и чувств людей и их отношения друг с другом[22]. Соответственно Би-Би-Си занимает особое место во всей системе идеологических органов английского государства.

Би-Би-Си — одна из самых крупных радиовещательных организаций. Она обладает мощными техническими и финансовыми ресурсами для ведения пропагандистских кампаний во всем мире. В ее штате свыше 20 тыс. человек. Она располагает обширными службами внутреннего и внешнего вещания. Общий объем службы внутреннего вещания составляет 22 тыс. час. в год, иностранного — свыше 700 час. в неделю. Иностранное вещание ведется на английском и 40 других языках.

Би-Би-Си располагает широкой сетью собственных корреспондентов и репортеров, разбросанных по всему миру; ее постоянные иностранные корреспонденты имеются почти во всех столицах мира. Кроме того, она пользуется сообщениями различных международных информационных агентств, которые дополняются сводками службы радиоперехватов Би-Би-Си, ведущей круглосуточное прослушивание иностранных радиопередач. Информацию о внутренней жизни Великобритании Би-Би-Си получает от штата внутренних корреспондентов (парламентского, промышленного, политического и др.).

В распоряжении Би-Би-Си имеются крупные денежные суммы. Основные ее доходы — это ежегодные ассигнования министерства финансов за счет сумм, получаемых путем взимания абонементной платы за пользование радиоприемниками и теле-

[20] B. Paulu. British Broadcasting, Radio and Television in the United Kingdom. Minneapolis, 1956, p. 11—12.

[21] «Great Britain. Committee on Broadcasting. Report of the Committee on Broadcasting». London, 1962, p. 8.

[22] A. Biiggs. The Birth of Broadcasting: London, 1961, p. 4, 43.

визорами. Помимо этого ежегодно Би-Би-Си получает от министерства финансов специальные и весьма щедрые субсидии для ведения заграничной пропаганды.

Би-Би-Си не ограничивается ведением радиопередач, а занимается также издательской деятельностью. Она издает: еженедельный журнал «Радио таймс» тиражом 6 млн. экземпляров, в котором дается информация обо всех ее программах; «Лисенер» — еженедельник, имеющий тираж около 96 тыс.; еженедельники «Лондон коллинг» и «Лондон коллинг юроп» и др.

Британская радиовещательная корпорация имеет статус публичной корпорации. Она подчинена общему контролю со стороны правительства и формально считается независимой при ведении повседневных дел. Мы уже говорили о значении «независимости» в организации государственного идеологического аппарата Великобритании. Здесь применен тот же принцип: на деле Би-Би-Си, будучи неотъемлемой частью идеологического аппарата английского государства, находится в распоряжении правительства, выполняет его указания и проводит его политическую линию. Правительство определяет политику и общее направление деятельности Би-Би-Си.

Во главе Би-Би-Си стоит Совет управляющих из 9 членов. Это — руководящий орган Корпорации. Управляющие назначаются на пятилетний срок и могут быть отстранены от должности и до истечения этого срока.

Совет управляющих назначает Генерального директора, который является главным исполнительным лицом Корпорации и возглавляет Совет директоров. В ведении Совета директоров находятся основные службы: внутреннего вещания, вещания на зарубежные страны, телевизионного вещания и три управления: техническое, административное и кадров.

Права и обязанности Корпорации, порядок ведения ее дел и взаимоотношения с правительством определяются двумя основными документами — Уставом и лицензией. Устав утверждается на определенный срок и подлежит периодическому возобновлению [23]. Согласно Уставу право на ведение радиопередач дается лицензией, издаваемой периодически министром почт и телекоммуникаций [24].

Лицензия определяет порядок выполнения Корпорацией ее обязанностей и взаимоотношения с министром. Она устанавливает широкие полномочия правительства по отношению к Корпорации. Министр почт и телекоммуникаций помимо предоставления права на ведение радиопередач имеет также ряд важных

---

[23] Ныне действующий Устав вступил в силу в феврале 1964 г. Срок его действия истекает через 12 лет.

[24] Действующая лицензия была одобрена парламентом в январе 1964 г., вступила в силу в июле 1964 г. и будет действительна до июля 1976 г.

полномочий, касающихся как содержания передач, так и технических и финансовых аспектов деятельности Би-Би-Си. Например, он вправе по своему усмотрению запретить Корпорации любые передачи на любой срок.

Лицензия устанавливает обязанность Корпорации передавать заявления любого министерства или ведомства по его требованию, а также ежедневные отчеты профессиональных репортеров о деятельности парламента.

В английской специальной литературе говорится обычно о двух принципах деятельности Би-Би-Си: принципе независимости и принципе ответственности. Первый из них означает, что практически якобы правительство вообще не вмешивается в деятельность Корпорации, обеспечивая ей «высокую степень независимости» [25].

Однако на деле «независимость» эта базируется на том, что Би-Би-Си проводит политическую линию правительства и полностью приспосабливает к ней свою деятельность. В докладе правительственного комитета по радиовещанию (Комитет Пилкингтона) говорится, что «независимость» Корпорации сопровождается «ответственностью». Если эти организации не будут «ответственными», то их «традиционная независимость будет поставлена под вопрос» [26].

Для деятельности Би-Би-Си, как, впрочем, и для деятельности других звеньев английского государственного идеологического аппарата, характерен прием «честной игры»: пропагандист предлагает слушателю узнать все точки зрения и после всестороннего рассмотрения всех доводов сделать самостоятельный вывод. В одном из официальных документов Би-Би-Си говорится, например, что она «информирует слушателей... особенно о вопросах, которые... действительно носят спорный характер, таким образом, чтобы слушатели, являющиеся членами демократического общества, были в состоянии сами оценить факты и попытались составить о них разумное суждение».

Принцип «честной игры» имеет глубокие исторические корни. Он отражает особенности политического развития страны и, в частности, хода буржуазной революции, характерной чертой которой был компромисс между буржуазией и феодальным дворянством. Достижение же компромисса предполагает, что выслушиваются обе стороны. Принцип «честной игры» широко распространен и в отношениях партий, входящих в двухпартийную систему, и в парламенте, где он стал одним из принципов отношений между правящей партией и оппозицией, отражая факт отсутствия существенных расхождений между ними. В целом,

---

[25] B. P a u l u. Op. cit., p. 4.

[26] «Great Britain. Committee on Broadcasting. Report of the Committee on Broadcasting», p. 118.

однако, этот принцип является не более чем пропагандистским приемом, что особенно наглядно демонстрирует деятельность пропагандистского аппарата.

В Великобритании широко рекламируется «беспристрастность» Би-Би-Си, но утверждения о ее «беспристрастности» столь же необоснованны, как и претензии на «независимость». Чтобы обеспечить «беспристрастность» Би-Би-Си, ей запрещают выражать свое собственное мнение по вопросам государственной политики. Но это — отнюдь не беспристрастность в подлинном смысле этого слова, а всего лишь запрет прямо указывать в передаче, что тот или иной момент выражает мнение Корпорации. Запрет передавать «свое собственное мнение» лицемерен. Хотя формально сотрудники Би-Би-Си, выступающие перед микрофоном, высказывают исключительно свою собственную точку зрения, все они являются специально подобранными комментаторами, специалистами или репортерами, проводящими в своих беседах определенную политическую линию, которая прослеживается без особого труда.

Гарантией «беспристрастности» Би-Би-Си должен служить запрет проведения политических передач по «спорным вопросам». Сюда относятся так называемые партийные политические передачи. Формально Корпорация должна воздерживаться от таких передач, за исключением тех, которые организуются по соглашению между ведущими политическими партиями. В 1947 г. между Би-Би-Си, правительством, представляющим победившую на выборах лейбористскую партию, и консервативной оппозицией было достигнуто соглашение, регламентировавшее порядок партийного политического вещания. По этому соглашению передачи организуются партийными лидерами по согласованию между собой. Би-Би-Си выделяет время для партийных передач, но вопрос о распределении этого времени, темах и докладчиках в передачах решается самими партиями. Под «партиями» понимаются правящая партия («правительство») и официальная оппозиция («оппозиция»). В 1968 г. соглашение было несколько уточнено. Би-Би-Си рассматривает себя как организацию, лишь предоставляющую технические средства двум главным партиям. Она отказывается от какой бы то ни было посреднической роли. Предусматривается возможность участия в передачах других партий, имеющих значительную поддержку избирателей. Но это может быть сделано только после обсуждения вопроса с представителями двух главных партий.

Таким образом, партийное политическое вещание отдано под контроль двух основных партий. Другие же партии фактически почти лишены возможности излагать свои взгляды. Это — не только одна из форм политической дискриминации, но и одна из форм идеологической борьбы, практически направленной в первую очередь против Коммунистической партии.

Начиная с 1945 г. компартия не получала времени для выступления по Би-Би-Си ни в период между выборами, ни в период какой-либо избирательной кампании. В 1964 г. Коммунистическая партия решила возбудить судебное преследование против Би-Би-Си. Однако генеральный атторней, санкция которого необходима для возбуждения судебного преследования в такого рода делах, отказался дать свое разрешение. Коммунистическая партия не сложила оружия и в 1966 г. добилась разрешения на пятиминутное выступление по радио во время избирательной кампании 1966 г. Правда, еще ни одной общенациональной партии не давалось так мало времени. Но и тут Би-Би-Си приняла свои меры: для выступления было отведено очень неудобное время, когда английские радиослушатели обычно занимаются хозяйственными делами и не слушают радио. Коммунистическая партия протестовала против этой меры, однако руководство Би-Би-Си отклонило протест под тем предлогом, что якобы не может вмешиваться в вопросы о распределении времени партийных политических передач, так как это решается самими партиями [27].

Как ни велико внимание, уделяемое Би-Би-Си внутреннему вещанию, иностранному вещанию она придает особенно большое значение. Иновещание Би-Би-Си — пропаганда в чистом смысле этого слова. Эта служба была образована в период, когда потребовалось усилить влияние Англии в колониях и доминионах ввиду опасности раскола империи вследствие развития национально-освободительной борьбы в колониях. Непосредственным инициатором создания службы иновещания были те империалистические круги, которые более всего связаны с колониальными интересами. Федерация британской промышленности организовала, например, кампанию нажима на правительство, с тем чтобы расширить вещание в доминионах и колониях.

Основные задачи служб иновещания Би-Би-Си определяются общими задачами внешней политики Великобритании.

Государство уделяет внешнеполитической пропаганде Би-Би-Си самое пристальное внимане. Круг стран, на которые должно вестись иновещание, определяется правительством. Оно предписывает языки и продолжительность часов вещания. По всем вопросам зарубежной пропаганды Корпорация работает в тесном сотрудничестве с соответствующими министерствами, особенно с министерством иностранных дел. Правительство всячески поощряет расширение вещания на зарубежные страны. Казначейство, как уже отмечалось, ежегодно выделяет на это крупные суммы.

---

[27] «Daily Worker», 23.III 1966.

Объем передач на зарубежные страны (700 час. в неделю) намного превышает объем передач внутри страны[28].

До 1969 г. работа служб иновещания строилась по географическому признаку. Европейская служба вела передачи на Европу, заокеанская — на неевропейские страны. В ходе реорганизации были созданы функциональные отделы: отдел служб и отдел программ. В состав первого входят: английская сеть, ведущая передачи на английском языке круглосуточно, и десять региональных — немецкая, ведущая передачи на ФРГ, ГДР и Австрию; центральноевропейская, ведущая передачи на Чехословакию, Венгрию, Польшу и Финляндию; южноевропейская — на Испанию, Италию, Грецию, Португалию, восточноевропейская, ведущая передачи на Советский Союз, Румынию, Болгарию, Югославию; французская, африканская, арабская, средневосточная, дальневосточная и латиноамериканская.

Особенно большой удельный вес занимают передачи, ведущиеся для социалистических стран Европы. В 1969 г. в очередной раз был увеличен объем передач на Восточную Европу. Это было сделано в прямой связи с событиями в Чехословакии. Время передач на болгарском, чешском и словацком, венгерском, польском, румынском, русском, сербо-хорватском и словенском языках почти утроилось.

Передачи на социалистические страны характеризуются тенденциозностью, антисоветской и антикоммунистической направленностью. Они искажают и извращают политику стран социализма, имеют своей целью разжечь противоречия внутри социалистического лагеря. Именно эта цель преследовалась иновещанием Би-Би-Си, особенно активизировавшимся во время событий в Чехословакии в 1968 г. Как отмечается в ежегодном отчете Би-Би-Си за 1968—1969 гг., все отделы иновещания были вовлечены в эту деятельность. Объем передач на чешском и словацком языках возрос с 17,5 до 168 час. в неделю.

Политические цели преследуют также многие развлекательные передачи Би-Би-Си. Руководство Би-Би-Си считает, что даже варьете могут служить орудием политического воздействия на тех лиц, которые не желают принимать более серьезной «пищи».

Начиная с 50-х годов в Англии постоянно ведется поощряемая бизнесом кампания в пользу введения частных радиостанций, которая сейчас поддерживается правительством тори. В опубликованной в мае 1971 г. «Белой книге» предусматривается создание сети коммерческих радиостанций. Общее руководство коммерческим радиовещанием возлагается на Независимое телевизионное управление, которое переименовывается в Независимое радиоуправление. 60 частных местных радиостанций

[28] «Sound and Television, Broadcasting, in Britain». London, 1969, p. 14.

должны существовать параллельно с радиостанциями Би-Би-Си. Независимое радиоуправление отвечает за передачу программ, выбор компаний, поставляющих программы, контролирует качество и количество программ и рекламы. Сеть частных радиостанций охватит 70% населения.

Английское государство уделяет все возрастающее внимание телевидению, этому относительно молодому средству пропаганды и идеологического воздействия.

Сила влияния телевидения состоит прежде всего в широком охвате населения и в частоте его передач. Около 88% населения имеют телевизоры. В течение дня телевизионные передачи смотрят не менее 24 млн. человек.

Телевизионное вещание ведут две организации — Би-Би-Си и Независимое телевизионное управление (НТУ). Началось телевизионное вещание в стране в 1936 г. и до 1954 г. осуществлялось исключительно Би-Би-Си, которой принадлежала монополия в этой области. НТУ было создано в 1954 г. в связи с организацией коммерческого телевидения.

Обе телевизионные организации представляют собой публичные корпорации. Общее руководство их деятельностью возлагается на министра почт и телекоммуникаций, который обладает в отношении телевизионного вещания такими же правами, как и в отношении радиовещания. Он выдает лицензию на право вещания, имеет право вето в отношении любых телевизионных передач Би-Би-Си и НТУ, может потребовать воздержаться от передач любых вопросов в течение любого установленного им срока или, наоборот, потребовать передачи определенных программ (например, объявлений правительства, отчетов парламентских репортеров). Он вправе забрать лицензию. Кроме того, министр предписывает объем выпуска телепередач Би-Би-Си и НТУ. Он контролирует передаваемые НТУ рекламные объявления.

Руководит телевизионным вещанием Би-Би-Си директор, возглавляющий телевизионную службу Корпорации. Ему подчинены отделы — разработки программ, планирования, бесед, внестудийных передач, школьного, женского, религиозного вещания, телевизионных фильмов и др.

НТУ согласно закону о телевидении 1954 г., на основании которого оно было учреждено, обязано обеспечивать «телевизионное вещание, дополнительное к вещанию Британской радиовещательной корпорации». Передачи НТУ ведутся в то же время, что и передачи Би-Би-Си.

Инициаторами создания НТУ были деловые круги, которые видели в телевидении средство рекламирования своих товаров, не говоря уже о непосредственных прибылях, получаемых от проведения телепередач. Би-Би-Си этим требованиям не отвечала, так как была лишена права передавать рекламу. В 50-х годах промышленники и бизнесмены развернули широкую кампанию

за создание в Англии коммерческого телевидения, существование которого зависело бы от демонстрации рекламных объявлений, оплачиваемых частными фирмами и предприятиями. Мощное «лобби» образовалось в парламенте. В основном оно состояло из тех депутатов-консерваторов, которые имели связи с рекламными агентствами или производителями оборудования для телевизионного вещания. Эта кампания увенчалась успехом.

Руководство НТУ состоит из председателя, его заместителя и 11 членов, назначаемых министром почт и телекоммуникаций. В руководящем составе НТУ много бывших директоров компаний и лиц, непосредственно связанных с монополиями. В настоящее время треть состава совета НТУ — бывшие директора компаний.

Основная задача НТУ в соответствии с законом 1954 г. состоит в организации телевизионных передач через имеющиеся в ее распоряжении технические средства. Они предоставляются НТУ министерством почт. НТУ сооружает и содержит станции, которые сдаются в аренду частным коммерческим компаниям, платящим за это определенное вознаграждение по договору с НТУ и поставляющим телевизионные программы. Таким образом, основная задача НТУ — снабжение коммерческих предприятий техническими средствами. Обеспечение же программ — дело компаний. Частные компании, арендующие станции НТУ, получают доходы от продажи рекламодателям времени, выделяемого для рекламных объявлений. Рекламы — основной источник доходов частных компаний, именно они делают коммерческое телевидение «станком для печатания денег», как его образно назвал английский газетный магнат и обладатель крупных акций в телевидении Р. Томсон.

Компании, выпускающие телевизионные программы, обслуживают различные районы страны. Наиболее крупными из них являются «Эй-Би-Си телевижн», «Ассошиэйтед редиффюжн», «Ассошиэйтед телевижн», «Гранада телевижн нетуорк», «Скоттиш телевижн», «Индепендент телевижн», «Индепендент телевижн ньюс» и др.

Фактически НТУ — собственность горстки миллионеров. Бóльшая часть капитала, вложенного в коммерческое телевидение, контролируется «королями» прессы, крупнейшими театральными и иными зрелищными компаниями, промышленными и финансовыми фирмами. Из 89 директоров, входящих в состав советов управляющих различных коммерческих компаний, 19 являются представителями акционеров крупнейших газет, 18 — представителями крупных кино- и театральных компаний, 19 — представителями крупных финансовых и промышленных компаний[29]. Они определяют содержание программ, заключают

[29] С. Беглов. Монополии слова. Изд-во «Мысль», 1969, стр. 80.

договоры, продают программы друг другу и извлекают из всего этого огромные прибыли.

Обе организации, ведающие телевидением, представляют собой неотъемлемую часть государственной пропагандистской машины, обе обслуживают внутри- и внешнеполитическую деятельность английского правительства и следуют в общем русле его политики, обеим свойственна одинаковая политическая направленность. «Теперь под эгидой НТУ коммерческое телевидение теснее связано с «истэблишментом», чем Би-Би-Си, оно более конформистское, более консервативное, менее смелое»,— отмечал орган компартии [30].

В политических передачах Би-Би-Си участвуют видные политические деятели, члены парламента и правительства, лидеры партий. Имеются специальные рубрики: «Мозговой трест» (премьер-министры и члены парламентов различных стран дают ответы на вопросы телезрителей по различным международным проблемам), «Лицом к лицу» (беседы комментаторов Би-Би-Си с известными политическими деятелями), «Из своего избирательного округа» (передача, в которой депутаты отвечают на вопросы избирателей).

Телевидение играет большую роль в политической пропаганде в период избирательных кампаний. В это время к телевизионной камере особенно часто приглашаются премьер-министр, члены правительства, лидеры партий. По телевизору передаются их выступления, беседы, интервью. Все это сопровождается демонстрацией документальных пропагандистских фильмов.

Определенная политическая направленность отличает и другие программы Би-Би-Си и НТУ, в частности религиозные и школьные.

К политическому вещанию телевизионных организаций предъявляются те же требования, что и к радиопрограммам Би-Би-Си: они не должны выражать «собственной точки зрения по политическим вопросам», должны передавать только те партийные политические передачи, которые согласованы между партийными лидерами. Однако в действительности эти передачи столь же пристрастны, что и радиопередачи; в них сквозит та же приверженность существующему порядку вещей, тот же конформизм, та же антикоммунистическая направленность.

Все время, отведенное для выступления по телевидению политических партий в период между парламентскими выборами и в период избирательной кампании, отдается трем господствующим партиям — консерваторам, лейбористам и либералам. Так, в 1963—1964 гг. консерваторы и лейбористы получили по четыре передачи по телевидению, либералы — одну; в избирательной кампании 1964 г. соответственно было предоставлено по пять

[30] «Morning Star», 2.XI 1967.

передач консерваторам и лейбористам, три — либералам. Коммунистической партии вообще не было выделено времени. Лишь в период избирательной кампании 1966 г. она получила право на выступление по телевидению в течение пяти минут. Это было очень мало, но и это принесло свои результаты. Генеральный секретарь партии Д. Голлан сказал, что после этого компартия получила много писем от некоммунистов из различных городов страны, в которых говорилось, что благодаря этому выступлению они впервые смогли услышать что-либо о ее политике [31].

К своеобразным методам идеологической борьбы прибегает и НТУ, которая отказала газете «Дейли Уоркер» в передаче серии заказанных ею реклам на том основании, что ей якобы запрещено законом о телевидении принимать рекламные объявления от организации, «цели которой полностью или частично носят религиозный или политический характер». Правительственный Комитет Пилкингтона 1962 г. подтвердил эту практику, заявив, что не усматривает здесь никакой дискриминации.

Органы, руководящие телевидением, столь же тщательно согласуют свою линию с политикой государства, как и органы, ведающие радиовещанием. Так, Би-Би-Си отказалась демонстрировать антивоенный телевизионный фильм «Военная игра», где были показаны последствия ядерной войны [32]. В декабре 1969 г. государственный секретарь обороны рекомендовал НТУ не демонстрировать телевизионный фильм о НАТО, снятый компанией «Тайн-Тис». Некоторые члены парламента утверждали, что запрет был сделан не из соображений безопасности, а по политическим причинам. Депутат Оллауэн сказал, что фильм показывал опасность возникновения войны по случайным причинам [33].

Идеологический аппарат английского государства поддерживает официальную политику во вьетнамском вопросе. Из всех телевизионных программ были исключены передачи о Вьетнаме. Руководство Би-Би-Си отказывается транслировать передачи, осуждающие американскую агрессию во Вьетнаме. В телевидении, как и в радиовещании, дискриминируются не только коммунисты, но и другие прогрессивные силы.

С помощью телевидения органы английского государства активно участвуют в осуществлении проводящейся буржуазным обществом политики «войны против разума», состоящей в отвлечении людей от насущных общественно-политических вопросов и от прогрессивных идей, в создании для них иллюзорного мира. «Пальма первенства» принадлежит здесь коммерческому телевидению.

---

[31] «Daily Worker», 16.V 1966.
[32] «Daily Worker», 9.V 1966.
[33] «Times», 16.XII 1969.

Глава III

Государственный аппарат в области образования, науки и искусства

Активизация государства в сфере идеологии отразилась на деятельности органов руководства образованием, наукой и искусством. Идеологический аспект приобретает все больший удельный вес в работе тех органов государства, которые связаны с этой сферой. Параллельно и здесь происходят определенные структурные изменения.

Изменились взаимоотношения между центральными органами государства и образовательными и научными учреждениями, окрепли начала централизации, появились специальные координационные органы, стали более многообразными и строгими формы контроля со стороны центральных органов государства.

Тенденция к усилению централизованного контроля над деятельностью научных и образовательных учреждений выразилась прежде всего в создании в 1964 г. единого министерства, руководящего школьным и высшим образованием и наукой. Это — министерство по делам образования и науки. Оно возглавляется государственным секретарем по делам образования и науки. Ему подчинены два государственных министра, которые руководят работой двух основных поздразделений министерства,— ведающего школьным образованием в Англии и Уэльсе[34] и имеющего дело с университетами и научными учреждениями на территории всей страны.

Основы структуры аппарата, ведающего школьным образованием в Великобритании, были заложены законом об образовании 1944 г., в котором впервые проявилась тенденция к централизации государственного руководства образованием и наукой: было создано министерство образования. На него возлагалась ответственность за общую постановку дела школьного образования в стране и контроль за проведением местными органами образования политики в области образования.

---

[34] В Шотландии и Северной Ирландии руководство школами осуществляется соответственно министерствами образования Шотландии и Северной Ирландии.

Закон 1944 г. предоставил министру образования широкие полномочия по руководству школьным делом и контролю за местными органами образования и создал соответствующий механизм контроля и координации.

Министр следит за общей постановкой школьного дела, осуществляет контроль над деятельностью и расходами местных органов образования (контролирует штаты, плату за обучение, оборудование школ и др.).

Контроль над финансами — это основной и наиболее действенный рычаг в государственном руководстве школами. Размер государственных субсидий устанавливается в зависимости от того, в какой мере деятельность школы признается министром образования эффективной. При оценке, разумеется, принимаются во внимание идеологические стороны ее деятельности.

Механизм контроля и координации при министре образования состоит из инспектуры и совещательных советов.

Институт инспектуры — это главная часть контрольного механизма. Инспекторы наблюдают за работой школ, инструктируют руководство школ и местные органы образования по вопросам учебно-воспитательной работы и по вопросам, касающимся политики государства в области образования. От их оценки главным образом и зависит определение «эффективности» той или иной школы.

В 1964 г. при министре был создан совещательный совет по вопросам учебной программы и проведения экзаменов. Его создание явилось значительным нововведением, ибо до сих пор считалось, что составление учебных программ — исключительная компетенция самих школ. Составление программ — это во многом вопрос идеологии. Поэтому и здесь развитие идет по пути активизации государственного контроля. Кроме совещательного совета в министерстве образования создан также специальный отдел по изучению школьных программ, на который возложена координация деятельности различных органов, действующих в сфере просвещения.

Наличие в Англии нескольких видов школ (государственные, частные, грамматические, «технические») способствует идеологической обработке детей, закладывая в них с детского возраста кастовые предрассудки и чувства.

Школьная система построена по социальному и классовому признакам в расчете на классовое деление общества. Она не дает равных образовательных возможностей всем детям, а, напротив, создает возможности для дифференцированного идеологического воздействия на подрастающее поколение.

Теоретическим основанием для зачисления детей в школы разных типов служит учение о различной умственной одаренности детей. Умственная одаренность определяется при помощи «интеллектуальных тестов», которым дети подвергаются в 11

лет при переходе из начальной школы в среднюю. Эта система не распространяется на независимые (частные) школы.

Существенно изменяются и традиционные отношения государства с системой высшего образования. В условиях непрерывно обостряющейся идеологической борьбы высшая школа приобретает особенно значительную роль.

В Великобритании существует три основных вида учреждений высшего образования: университеты (всего их 44; 28 — в Англии, 8 — в Шотландии, 5 — в Уэльсе и 3 — в Северной Ирландии), колледжи по подготовке учителей и технические колледжи повышенного типа. Последние два вида учреждений высшего образования находятся в непосредственном ведении государства, и их деятельность регулируется министерством образования.

Университеты формально считаются не государственными учреждениями, а самоуправляющимися корпорациями. По существу же государство имеет в своих руках эффективный механизм для руководства университетами. Широкое регулирование их деятельности осуществляется государством через Комитет по университетским субсидиям. Этот комитет был учрежден правительством в 1919 г. с целью распределения среди университетов финансовых средств, выделяемых из государственных фондов. Комитет состоит из представителей университетов, назначаемых министром финансов, и штата государственных служащих. Комитет распределяет деньги среди университетов, о чем делает министерству финансов соответствующие представления.

Распределяя отпущенные правительством суммы, Комитет по университетским субсидиям играет далеко не пассивную роль. Как указывается в докладе Комитета Роббинса, субсидии распределяются исходя из «общенациональных нужд» и только после проверки планов, предложенных университетами [35].

Комитет по университетским субсидиям основывает свою деятельность на соответствующих рекомендациях правительства и в соответствии с ними распределяет финансовые средства. Известны многочисленные случаи, когда рекомендации делались с учетом потребностей идеологической деятельности государства. Так, в основу мероприятий Комитета по расширению преподавания в университетах славянских и африканских языков после второй мировой войны легли указания министерства иностранных дел о необходимости усилить идеологическую работу против социалистических и развивающихся стран [36]. Точно так же основой деятельности Комитета по университетским субсидиям стали рекомендации правительственных комитетов 1946 и 1963 гг. о развитии социальных наук. Выделенные им субси-

[35] «Committee on Higher Education». London, 1963, p. 236.
[36] J. Vaizey. The Control of Education. London, 1963, p. 176.

дии позволили развернуть преподавание социальных наук и их изучение в университетах. В английских университетах были также расширены «советские исследования».

Таким образом, традиционная «независимость» и академическая «свобода» английских университетов сильно ограниченны; университеты ныне превратились из самоуправляющихся и автономных корпораций в государственные учреждения.

Английское государство после второй мировой войны уделяет большое внимание развитию социальных наук. Именно государство явилось инициатором расширения социальных исследований в университетах, правительственных учреждениях, научных организациях и институтах.

В 1946 г. правительством был создан Комитет Клэпхэма для рассмотрения вопроса о том, какими должны быть дополнительные меры для расширения научных исследований в области социальных и экономических наук. Это — важная веха на пути активизации государства в области идеологической деятельности. Комитет Клэпхэма предложил обеспечить бо́льшую поддержку со стороны государства университетам и другим научным учреждениям, рекомендовал увеличить правительственные субсидии и усилить непосредственную исследовательскую деятельность в сфере социальных наук в государственных учреждениях. Комитет указал на необходимость создать специальный механизм при министерстве по делам образования и науки, на котором лежала бы основная задача по распределению субсидий и координации научно-исследовательской деятельности в области социальных наук.

В 1963 г. был образован еще один правительственный комитет для изучения вопроса о состоянии научно-исследовательской работы по социальным наукам в университетах, министерствах и научных учреждениях. Комитет принял рекомендации, касающиеся мер, необходимых для расширения социальных исследований и мер по усилению координации деятельности научных учреждений, проводящих социальные исследования. Комитет предложил создать при министерстве по делам науки и образования специальный совет по социальным наукам, возложив на него координацию исследований. Правительство приняло предложения обоих комитетов. После доклада Комитета Клэпхэма на развитие социальных наук были выделены крупные суммы.

Государственное руководство научной деятельностью осуществляется министерством по делам науки и образования. Свои функции по руководству отдельными отраслями научной деятельности министерство выполняет через научно-исследовательские советы. Руководство социальными науками осуществляется через Совет по социальным наукам. Этот Совет был создан в 1965 г. В его состав входят председатель и 10—12 членов, наз-

начаемых министерством по делам образования и науки. Его создание, несомненно, явилось отражением возрастания деятельности английского государства в этой сфере идеологической борьбы и вместе с тем новым шагом по пути централизации соответствующей части государственного аппарата. Совет по социальным наукам наблюдает за состоянием и развитием социальных наук и координирует деятельность всех учреждений, занимающихся социальными науками. В задачи Совета помимо координации входит оказание поддержки научным исследованиям в этой сфере путем распределения государственных субсидий.

Усиление идеологической деятельности английского государства отразилось также на роли государства в вопросах искусства. Деятельность государства в этой области тесно связана с его идеологическими задачами и в значительной степени подчинена обслуживанию потребностей английского пропагандистского аппарата. Государственное руководство искусством также централизуется. Оно осуществляется членом правительства, занимающим должность генерального казначея и министра по делам искусства. Свои функции он выполняет при помощи состоящего в его подчинении Совета по делам искусства, который был образован в 1946 г. Совет состоит из 16 почетных членов, назначаемых министром по его собственному усмотрению. Официально главная его задача заключается в содействии развитию искусства, распределении правительственных субсидий между различными организациями и представлении рекомендаций министру по всем вопросам, связанным с искусством. Совет распределяет эти суммы для поддержания определенных направлений и видов искусства, влияя таким образом на его идейное содержание.

В 1968 г. Совет, например, решил не предоставлять субсидии «Тиэр уоркшоп», одному из самых современных по своему репертуару лондонских театров, по причине острой политической направленности таких пьес, как «Макбэрд» и «Дневник миссис Вильсон» (первая пьеса была блестящей сатирой на политику Джонсона и на политическую систему США, вторая — острой сатирой на английского премьер-министра). В своем выступлении в палате лордов в феврале 1971 г. министр по делам искусства заявил, что Совет обязан сделать предупреждение режиссеру, которому предоставлена государственная субсидия, если содержание его произведения «богохульно» (это очень широкая формулировка; сюда включают и произведения, остро критикующие общественный порядок). Возможность отобрания субсидии — своеобразная форма цензуры [37].

[37] «Times», 3.II 1971.

Значительную поддержку английское государство оказывает производству информационно-пропагандистских фильмов соответствующего содержания.

В 1948 г. была создана Национальная корпорация по финансированию кинопромышленности. Ее цель — обеспечить влияние государства на выпуск кинофильмов частными фирмами. Министерство иностранных дел вправе по своему усмотрению запретить выступление любой иностранной труппы, гастролирующей в соответствии с международными соглашениями. Такие попытки неоднократно предпринимались, когда дело касалось выступления в Великобритании советских артистов. В 1963 г. министерство иностранных дел воспрепятствовало выступлению ансамбля Советской Армии на собрании по случаю годовщины газеты «Дейли Уоркер». Двумя годами позже оно отказалось разрешить труппе Большого театра СССР дать спектакль в Уимблдоне в пользу Фонда мира имени Бертрана Рассела, ссылаясь на то, что такой концерт якобы представляет собой вмешательство во внутриполитическую жизнь страны. В связи с этим Бертран Рассел справедливо указывал на то, что такой запрет равносилен политической дискриминации в отношении Фонда мира имени Бертрана Рассела.

Глава IV

Цензура и иные формы государственного контроля над идеологической деятельностью

Цензура в Великобритании принимает разнообразные формы, начиная от полицейско-судебных мер по пресечению неугодных идей, административного усмотрения центральных и местных органов государства и кончая различными видами добровольной цензуры со стороны общественных организаций «истэблишмента». Общую позицию правительства в отношении контроля над различными видами идеологической деятельности выразил государственный секретарь внутренних дел в выступлении перед членами парламента и журналистами 28 апреля 1971 г. Он сказал, что правительство должно заниматься многими вопросами, в частности контролировать содержание телевизионных программ, определять уровень образования, а в некоторых областях осуществлять цензуру [38].

Государственный аппарат в этой области специализирован применительно к определенным видам искусства или средствам распространения идей.

Театральная цензура в Англии существовала вплоть до последнего времени. Главным государственным органом театральной цензуры был лорд-чэмберлен (управляющий королевского двора). Его полномочия как театрального цензора основывались на законе о театре 1843 г. Эта цензура носила как предварительный, так и последующий характер. На одобрение лорда-чэмберлена должны были представляться все новые пьесы. Исполнение пьесы без его разрешения либо ее исполнение в форме, отличающейся от той, которая содержалась в представленной на одобрение рукописи, рассматривались как уголовное преступление. Закон исходил из принципа дискреционности правомочий лорда-чэмберлена. Он мог отказать в лицензии по своему усмотрению и не был обязан сообщать мотивы и причины отказа. Его решение являлось окончательным. Закон не давал права приносить апелляцию в суд либо в какую-либо иную инстанцию.

[38] «Times», 29.IV 1971.

Принципы, которыми руководствовался лорд-чэмберлен в своей деятельности, складывались на протяжении многолетней предыдущей практики. Следует напомнить, что само возникновение королевской цензуры над пьесами было вызвано в первую очередь политическими причинами и стремлением защитить государственный строй от нападок и критики.

В своей практической деятельности лорд-чэмберлен уделял внимание главным образом политическому и социальному содержанию представляемых на его одобрение пьес. Так, Национальному театру было запрещено показывать пьесу Ч. Вуда «Динго» на том основании, что она «слишком обнажает реальность войны». По тем же причинам была запрещена постановка другой антивоенной пьесы — «Военная игра». Запреты лорда-чэмберлена распространяются и на пьесы, в которых затрагиваются религиозные темы и высказываются слишком смелые и радикальные взгляды. На этом основании лорд-чэмберлен воспрепятствовал постановке антирелигиозной пьесы Осборна «Лютер».

Английское правительство придавало большое значение идеологической деятельности лорда-чэмберлена, и предложения о ликвидации театральной цензуры неизменно проваливались.

Только в 1968 г. был принят закон о театре, ликвидировавший функции лорда-чэмберлена и подчинивший театральные постановки нормам английского права о пасквильных и непристойных публикациях, о нарушении общественного порядка, призыве к мятежу, о богохульстве, неуважении к суду и др.

Для постановки пьесы в помещениях, обычно не используемых в этих целях, должна быть получена лицензия от местных органов управления — советов графств и городских поселений.

Местные органы в Англии и до этого играли определенную роль в осуществлении театральной цензуры. Они имеют право издавать правила для обеспечения порядка в помещениях, используемых для театральных постановок. Закон имел в виду различные технические правила, касающиеся в основном противопожарных мер. Однако местные органы расширительно толкуют это постановление закона. Они присваивают себе цензорские функции. В октябре 1968 г. тори, члены местного совета города Ноттингема, возражали против постановки пьесы Б. Брехта «Матушка Кураж» Ноттингемским театром «Плэйхауз» на том основании, что пьеса используется для «подрывной пропаганды левых кругов», протестующих против войны во Вьетнаме. Член совета Дэвис потребовал даже, чтобы Ноттингемский совет прекратил субсидировать «Плэйхауз» (до этого он получал от местного совета финансовую помощь в размере 25 тыс. ф. ст.). Другой член совета пошел еще дальше. Он заявил, что постановка пьесы «вдохновлена коммунистами».

В новых областях культуры и искусства (например, кино или пресса) государство наряду со старыми выработало новые формы государственного контроля. Для этих отраслей характерна высокая степень концентрации капитала, при которой средства распространения идей находятся в руках нескольких монополистических групп. Тем самым создаются условия для слияния идеологического аппарата и монополий в единый механизм. Можно отметить две стороны деятельности этого единого механизма. Во-первых, в некоторых сферах цензорская деятельность английского государства носит характер не столько запрещений, сколько рекомендаций или пожеланий, адресуемых монополистическим объединениям. Во-вторых, в ряде областей происходит прямая передача соответствующих государственных функций монополистическим объединениям, которые сами проводят цензуру. Так возникли особые отношения между государством и киномонополиями, при которых осуществляется цензура в масштабах всей страны.

Главным органом цензуры в кино является Британское управление киноцензоров, учрежденное в 1919 г. по инициативе кинопромышленников. Управление состоит из президента, секретаря и 5 цензоров, назначаемых президентом. Сам президент назначается кинопромышленниками в следующем порядке. Секретарь Совета ассоциации кинопромышленников, который является бывшим президентом Управления, делает соответствующее представление объединенному Комитету, состоящему из представителей Ассоциации британских кинопродюсеров, Федерации британских кинопромышленников и других ассоциаций в области кино. До заседания Комитета проводятся консультации с министерством внутренних дел, Ассоциацией муниципальных корпораций и Ассоциацией советов графств.

Управлению представляются фильмы, предназначенные к общественному показу. Оно может выдать сертификат, разрешающий демонстрацию фильма, либо запретить его демонстрацию, либо потребовать исправлений до выдачи сертификата. Управление также предварительно просматривает киносценарии и может потребовать соответствующих изменений.

Управление киноцензоров — это идеологический аппарат монополий, которому вверена государственная функция цензуры в кино. Поскольку речь идет о цензуре Управления в отношении фильмов, создаваемых английскими фирмами, можно было бы говорить о самоцензуре, осуществляемой самими монополистическими объединениями над производимой ими кинопродукцией. Но цензуре Управления подвергаются не только английские, но и иностранные фильмы, предназначенные к показу в Великобритании. Это делает функции Управления значительно более широкими и позволяет говорить о выполнении ими государственных функций цензуры в области кино.

Управление киноцензоров, конечно, играет гораздо большую роль, чем роль простого «охранителя морали», как это нередко пытаются изобразить в Англии. Оно выполняет важные политические функции, действуя в общем русле государственной политики. Государство и кинопромышленность сотрудничают главным образом в порядке неформальных и неофициальных контактов, в ходе которых решается вопрос о демонстрации тех или иных кинофильмов. Управление зачастую обращается за советом к соответствующим государственным органам, если у него возникают сомнения по поводу демонстрации какого-либо фильма.

Наряду с охарактеризованной системой сохраняется и в определенном объеме действует и более старая система, при которой цензура в вопросах кино проводится местными органами и полицией. Это — децентрализованная форма киноцензуры. Местные органы могут передавать свои цензорские функции магистратам. В настоящее время существует около 700 таких местных цензорских служб, причем половина из них выполняется магистратами.

В некоторых местах цензура вверяется полиции. В полицейских формированиях имеются специальные отделы, в задачу которых входит просмотр фильмов либо ознакомление с объявлениями в киножурналах, для того чтобы решить вопрос о демонстрации данного фильма в городе или поселке. Отделы подготавливают отчет для начальника полиции, в котором указывается, какой фильм не может быть показан на экранах в данной местности. Доклад направляется в полицейский комитет местного совета для частного просмотра фильма. После этого местная власть решает, может ли демонстрироваться данный фильм на широких экранах этой местности.

Местные органы власти наделены правом выдавать лицензии для демонстрации фильмов в пригодных для этого помещениях. В типовых правилах, прилагаемых к лицензии, содержатся указания на то, что фильм не должен демонстрироваться и объявление о нем не может быть вывешено, если он «может нанести ущерб морали или поощрять преступление, или повести к беспорядку, или явиться оскорблением общественности или отдельного лица». Под эту формулировку может быть подведена любая более или менее острая критика капиталистического строя и его порядков.

Длительное время цензура печати в Великобритании осуществлялась непосредственно судом. Суд и поныне играет важную роль в государственном контроле над печатью, осуществляя по преимуществу так называемую «карательную цензуру».

Специальная цензура над прессой в стране вводится лишь в периоды чрезвычайного положения (в этом случае она возлагается на министра внутренних дел).

В мирное время существуют другие формы государственного контроля, которые обеспечивают возможности влияния государственного аппарата на политическую линию прессы.

При министерстве обороны действует Комитет по вопросам печати и радио, который осуществляет контроль над публикацией материалов, затрагивающих вопросы обороны. Комитет состоит из чиновников этого министерства, пользующихся широкими дискреционными правами при определении вопроса об объеме информации, которая может публиковаться по некоторым категориям дел. Материалы, не подлежащие публикации, получают гриф «Д» («Оборона»). Издателям газет посылают уведомления с этим грифом, в которых содержится рекомендация не публиковать определенную информацию. Эти рекомендации не имеют юридической силы, но издатели соблюдают содержащиеся в них предписания.

Отделы службы информации при министерствах и ведомствах являются каналами, по которым направляется в прессу информация о деятельности правительства и государственного аппарата. Для этого перекрываются все другие официальные каналы, по которым могут просачиваться в прессу сведения о политике правительства и деятельности государственного аппарата. В 1971 г. в Англии проходил судебный процесс над издателем «Санди телеграф» Б. Робертсоном и другими, обвинявшимися в незаконной публикации конфиденциального доклада правительства о гражданской войне в Нигерии. В ходе разбирательства выяснилось, что хотя по закону английские издатели не обязаны обращаться в государственные учреждения за разрешением на публикацию материалов, существует практика получения соответствующих инструкций[39]. Служба информации представляет сведения о деятельности государственного аппарата в основном органам капиталистической прессы, дающим соответствующее освещение событий.

Что касается прессы, не находящейся в руках монополий, и прежде всего прессы Коммунистической партии Великобритании, то аппарат государства ведет против нее постоянную идеологическую борьбу. Обычным приемом службы информации являются здесь разного рода ограничения в представлении информации о деятельности государственного аппарата. Эта практика — не что иное, как постоянная дискриминация. Так, отдел новостей министерства иностранных дел помимо проводящихся ежедневно открытых пресс-конференций для местных и иностранных журналистов регулярно организует закрытые «брифинги» (инструктажи для небольшого круга доверенных корреспондентов). Информация распределяется отделом в зависимости от

[39] «Times», 29.I 1971.

так называемой приемлемости газеты. Это требование направлено против органа компартии.

В действующем праве есть разнообразные ограничения и запрещения. Многие из них содержатся в нормах общего права и законах, принятых до установления принципа свободы печати, тем не менее некоторые ограничения были закреплены после провозглашения этого принципа. Наиболее важные ограничения содержатся в нормах общего права о призыве к мятежу, в законах о разглашении государственной тайны, в нормах о неуважении к суду, о пасквилях и др. Все эти нормы, как отмечается в буржуазной литературе, заполнили вакуум, создавшийся в результате ликвидации непосредственной цензуры церкви и государственных властей [40].

Помимо норм о призыве к мятежу, берущих под защиту от критики государственный строй и правопорядок в целом, в английском уголовном праве имеются специальные составы, преследующие цель защитить от критики отдельные звенья буржуазной государственной машины (вооруженные силы, полицию, государственную службу, суд). Так, закон о возбуждении к недовольству 1934 г. устанавливает уголовную ответственность за пропаганду в вооруженных силах.

Для судебного воздействия на идеологическую деятельность используются также законы о государственной тайне, составленные в очень туманных выражениях и допускающие весьма широкое толкование. Эти законы предусматривают ответственность не только за использование документов и информации или их передачу какому-либо лицу во вред государственной безопасности, но и за хранение этих документов или неосторожное обращение с ними. Не имеет значения, преследовалась ли при этом особая цель изменнического характера. По общему в Великобритании мнению, такие законы «намеренно составлены в столь широких выражениях, что выходят далеко за рамки защиты государственной безопасности и распространяются на все виды официальной информации, не имеющей никакого отношения к вопросам безопасности» [41]. Представители английской секции Международной комиссии юристов и Британского комитета Международного института печати пришли к заключению, что эти законы применяются неоправданно строго и часто не по своему прямому назначению, а лишь для того, чтобы защитить государственный аппарат от критики в его адрес [42].

---

[40] A. Craig. Suppressed Books. N. Y., 1963, p. 11.

[41] H. Street. Freedom, the Individual and the Law». London, 1964, p. 210. Законы о государственной тайне применяются ко всем официальным документам, независимо от того, стоит ли на них гриф «Д» или нет («Times», 15.I 1970).

[42] «The Law and the Press», London, 1965, p. 19.

Определенную роль в судебном контроле над идеологической деятельностью играет установленный общим правом состав — так называемое неуважение к суду. Неуважением к суду считается любое действие, мешающее отправлению правосудия, и даже любое неуважительное высказывание о судье, независимо от того, произносится оно при исполнении судьей его обязанностей или нет [43]. Как и в других случаях, перед нами снова очень широкая и неопределенная формулировка; она распространяется как на поведение в самом суде, так и на опубликование произведения, в котором содержится критика судей.

Серьезную роль в контроле над идеологической деятельностью играет состав, именуемый «libell». Согласно английскому общему праву под это понятие подпадают любые письменные высказывания — пасквили, являющиеся «мятежными», «богохульными», «непристойными» или «бесчестящими». Однако в уголовном порядке могут преследоваться также и устные высказывания, если они являются «мятежными», «богохульными», «непристойными» либо бросают тень «на правосудие».

Преступлением является «опубликование» пасквиля в любой форме. Под опубликованием понимается и любая форма распространения пасквиля. Не имеет значения, отпечатан ли пасквиль типографским способом или написан от руки. Опубликованием мятежного пасквиля, например, считается распространение рукописи, написанной от руки.

В практике суда не раз встречались случаи, когда на основании норм о «непристойных» пасквилях суд препятствовал распространению и продаже произведений, затрагивающих серьезные социальные вопросы и содержащих критику социальных пороков буржуазного общества.

Имеется еще один рычаг судебного воздействия на идеологическую деятельность, на этот раз гражданско-правового характера. В соответствии с принципом английского общего права суд вправе отказывать в принудительной защите авторского права на произведения литературы, искусства и науки, признанные «аморальными» или «непристойными», либо «пасквильными», либо «выражающими безбожные тенденции».

Идеологический аппарат — активно действующая часть механизма английского государства. Финансовая олигархия использует его во все более широких масштабах в целях сохранения условий своего классового господства.

---

[43] «Russell on Crime», v. 1. London, 1950, p. 323.

Раздел IV

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА ВО ФРАНЦИИ

Глава I

Общая характеристика

Как по содержанию, так и по методам и формам идеологической деятельности французское государство наряду с общими чертами, присущими каждому капиталистическому государству, обладает своими характерными особенностями.

В послевоенной Франции за сравнительно небольшой отрезок времени прошла значительная эволюция государственных институтов, отразившаяся и на официальной политической идеологии.

Франция вышла из второй мировой войны серьезно ослабленной как в политическом, так и в экономическом отношении, ее престиж как великой державы на мировой арене серьезно пошатнулся.

Период, последовавший за окончанием второй мировой войны, отличался широким размахом демократического движения, коалицией всех демократических сил, ростом влияния Коммунистической партии Франции. Подъем массового демократического движения в стране увенчался принятием Конституции 1946 года, закрепившей завоевания народа. Однако монополистическая буржуазия, используя противоречия в демократическом лагере, непоследовательность мелкой буржуазии и ее партий, прибегая одновременно к методам запугивания трудящихся, сделала все для подрыва единства демократических сил.

IV Республика прошла последовательный путь вправо, который в конце концов завершился ее самоликвидацией и сменой в стране формы правления. В ее государственной идеологии нашла свое выражение необычайная многопартийность, сочетавшаяся с достаточно пестрой идеологической окраской партий. Оставаясь целостной и неизменной в своей классовой направленности, в своих целях, эта идеология, отражая многопартийность, была мозаична и изменчива в выборе средств, в подходе к решению проблем. Она часто несла на себе черты компромиссов, соглашений, коалиций между партиями господствующих классов и реформистскими партиями.

Все буржуазные и реформистские партии объединяла общая идеологическая платформа антикоммунизма и «атлантизма».

Вместе с тем они существенно расходились по такому важному вопросу, как государственный строй. Если участники «третьей» силы (СФИО, МРП, радикалы и примыкающие к ним «умеренные») заявляли о своей верности принципам парламентаризма, то продеголлевское Объединение французского народа открыто выступало за ликвидацию парламентского режима, требуя замены его президентской республикой.

Для идеологической платформы правящих партий и стоявших за ними социальных сил был весьма типичен так называемый закон Беранже (1951 г.), предоставивший государственные субсидии церковным школам. Традиционный для характеристики правительств Франции школьный вопрос был решен в явно клерикальном духе. Этот период характеризуется антикоммунистическими провокациями, репрессиями и преследованиями идеологических противников режима. Правое большинство принудило Национальное собрание к ревизии Конституции 1946 года, реакционным модификациям избирательной системы.

В области внешней политики провозглашается и поддерживается «европейская идея», включавшая планы интеграции не только в экономической, но и в военной и политической областях на наднациональной основе, предусматривающие серьезное ограничение суверенитета Франции. Это приводит к упадку роли Франции как великой державы.

Хотя в официальной идеологии IV Республики можно встретить многие модные политические и правовые идеи («государство благоденствия», «плюралистическая демократия», «общность Запада» и др.), в целом, как признают даже буржуазные авторы, «IV Республика не внесла в интеллектуальную жизнь творческого воображения, кроме того круга идей или форм национальной деятельности, которые были в почете у Виши: либеральный консерватизм, технократия, патронат, церковь» [1].

Установление в 1958 г. режима V Республики означало существенную переориентацию также и в идеологической деятельности государства. Ее основой стал голлизм.

Зарождение идеологии голлизма уходит корнями в предшествующее политическое развитие Франции. Когда в 1942 г. де Голль высказался за восстановление парламентарной республики во Франции, это было вынужденной уступкой движению Сопротивления. Уже тогда голлизм выступал как отрицание парламентарной демократии. В период IV Республики де Голль открыто выступает за режим сильной власти. Идеологические установки голлизма сыграли немаловажную роль в подготовке условий ликвидации IV Республики и установления V Республики.

---

[1] J. Fauvet. La IV République. Paris, 1959, p. 358.

Из парламентарной республики Франция превратилась в президентскую республику с режимом сильной личной власти, и эта огромная власть сосредоточилась в руках президента страны [2].

Такого рода власть мало соответствовала историческим традициям французского народа. Поэтому она особенно нуждалась в идеологическом обосновании, и новый режим уделил большое внимание разработке официальной идеологической доктрины и методам ее пропаганды. Существенную роль и в разработке, и в пропаганде этой доктрины взял на себя сам де Голль.

Французский юрист Ж. Жикель, справедливо отмечая, что в основе голлизма как государственной доктрины лежала «идея государства», пишет: «Голлизм является прославлением и защитой государства, за которое генерал де Голль «отвечал» во время войны, сохранял, хотя и безуспешно, при IV Республике и восстановил, наконец, при V» [3].

Известный французский юрист М. Прело подчеркивает, что «голлизм... помещает в центре своей вселенной государство. Именно в нем он черпает свой смысл и им оправдывает свое существование» [4].

Еще в 30-х годах де Голль достаточно четко сформулировал ряд идей, впоследствии развитых и обновленных и проводившихся им в жизнь в качестве государственной идеологии. Окрашенные в значительной степени индивидуальными качествами, они стали государственной идеологией, так как по своей классовой сущности отвечали интересам наиболее влиятельных слоев господствующего класса, крупных монополий и финансовых олигархий.

Де Голль постоянно провозглашал своей главной миссией охрану и защиту государства. Отождествляя его с Францией, он подчеркивал, что выступает за ее национальное величие и суверенитет. Себя же он также всегда отождествлял с Францией и рассматривал как избранника и непосредственного представителя французского народа.

Де Голль выступил сторонником идеи сильного государства, активно вмешивающегося в политическую и социально-экономическую жизнь страны, отразив этим государственно-монополистические тенденции и интересы крупных монополий. «Только государство,— заявил де Голль на пресс-конференции 27 ноября 1967 г.,— должно руководить социально-экономическими преоб-

---

[2] Подробнее см.: «Конституционный механизм диктатуры монополий». Изд-во «Наука», 1964, стр. 232—303.

[3] J. Gicquel. Essai sur la pratique de la V République. Paris, 1968, p. 8.

[4] M. Prelot. Histoire des idées politiques. Paris, 1966, p. 689.

разованиями, поскольку на нем лежит ответственность за общие интересы и судьбы страны. Они требуют перемен, и только государство может их осуществить, поскольку оно располагает необходимыми законодательными, финансовыми, административными, налоговыми и иными средствами»[5].

Второй тезис голлистской доктрины состоял в том, что сильное государство нуждается в сильной власти и средоточием этой сильной власти является фигура президента. В этом — основная идея Конституции 1958 года. Один из ее непосредственных творцов, М. Дебре, писал: «Президент республики — краеугольный камень нашего парламентарного режима. Он — высший судья национальных интересов»[6]. Как отмечает К. Эмери, говоря об идеологических основах Конституции 1958 года, «именно де Голлю принадлежала идея, по которой глава государства является арбитром между властями и обладателем исключительных прерогатив в периоды кризиса»[7].

Сам генерал де Голль следующим образом определял роль и функции президента: «Основное заключается в том, что главе государства, избранному народом, даны средства и полномочия заставлять всех, вопреки всяким узким и преходящим тенденциям, считаться с этими высшими интересами. Обсуждать — дело многих людей, действовать — только одного»[8].

Де Голль отрицал зависимость президента не только от парламента или каких-либо иных звеньев конституционного механизма, но и от какой-либо партии. Он не желал связывать себя партийной принадлежностью подобно американскому президенту. Де Голль не был членом какой-либо партии, он рассматривался как «гид» Франции, «арбитр», стоящий над партиями. Однако, действуя различными методами, он использовал в своих интересах партию правящего большинства (ЮДР).

Правительственная партия ЮДР, основанная в 1958 г. ближайшими соратниками де Голля, служила опорой политического режима V Республики как при нем, так и после его ухода с поста президента. Она была призвана развивать и пропагандировать идеи, формулируемые и провозглашаемые де Голлем. Ее представители, имевшие большинство в парламенте, в правительстве, а также в важнейших административных и судебных органах, нормативно зекрепляли и проводили в жизнь деголлевскую государственную идеологию.

В идеологии голлизма настойчиво звучала идея персонализации власти, нередко даже в харизматической окраске.

---

[5] «Le Monde», 28.XI 1967.

[6] M. Debré. La nouvelle constitution. «Revue française de science politique», 1958, N 1, p. 22—23.

[7] C. Emeri. Les institutions de la République. «Revue française de sciencé politique», 1965, N 2, p. 299.

[8] «Le Monde», 15.I 1963.

Она нашла свое выражение и в первом послании нового президента Ж. Помпиду к парламенту, в котором говорилось: «Это собрание пожелает единодушно присоединиться к тем почестям, которые следует воздать генералу де Голлю — освободителю Родины, который восстановил, а затем и спас республику, дал ей институты, постоянно поддерживаемые нашим народом. Пусть это послание дойдет до него в его добровольном уединении как свидетельство национальной признательности тому, кто был и остается для истории самым великим французом»[9]. Помпиду оценил результаты выборов нового президента как «доказательство общенациональной преданности V Республике». И именно это, по его заявлению, было проявлением желания народа сохранить концепцию генерала де Голля о роли главы государства.

В силу исторических традиций идея осуществления власти «сильной личностью» не соответствует общественной психологии французского народа. Его не отличают суеверная вера в государственную власть и вышестоящий авторитет. Концепции де Голля смогли завоевать поддержку большей части населения в значительной мере потому, что он связал идею «сильной власти» с идеей «величия Франции». В ситуации, возникшей в канун 1958 г., когда Франция потеряла свой былой ранг великой державы, идея ее национального величия и неприкосновенности суверенитета упала на благодатную почву. Создавалось впечатление, что действительно только сильная президентская власть способна возродить былую роль страны.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что в эпоху империализма в качестве одного из постоянных лейтмотивов идеологической деятельности буржуазии звучит «апология своего государства». Идеологическая деятельность голлистской власти — наглядное подтверждение этого тезиса.

Вместе с тем нельзя не отметить, что к «величию Франции» де Голль подходил рационалистически и искал пути реализации этой идеи в рамках мирного сосуществования и уважения прав и суверенитета других государств. Для восстановления роли Франции как великой державы он предпринял прежде всего серьезные шаги по ее освобождению от политического, экономического и военного влияния США. Французские вооруженные силы были выведены из системы НАТО; аппарат и войска этой агрессивной организации были по требованию французского правительства выведены из пределов страны. В таких государственно-монополистических объединениях, как «Общий рынок», Франция выступала против тенденции превратить европейские

---

[9] «Le Monde», 27.VI 1969.

сообщества из экономических в политические, надгосударственные учреждения, серьезно ограничивающие национальный суверенитет государств-членов.

Де Голль покончил с колониальной войной в Алжире, что, разумеется, означало лишь отказ от грубых, устаревших методов открытого колониализма и переход французских правящих кругов на рельсы более гибких форм неоколониализма, в том числе идеологического неоколониализма.

В последнее десятилетие было сделано многое для развития традиционной дружбы французского и советского народов, которые в XX в. дважды выступали союзниками по оружию в кровавых мировых войнах, развязанных германским милитаризмом. Советско-французская декларация 1966 г., соглашения 1970 г., визит Л. И. Брежнева во Францию 1971 г. привели к установлению качественно новых отношений между двумя европейскими государствами, принадлежащими к различным социально-политическим системам. Это нашло свое выражение в сфере взаимных политических связей, в экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между Францией и Советским Союзом. Значение этих дружественных отношений выходит за двусторонние рамки. Они — важнейший фактор укрепления атмосферы взаимопонимания и мира в Европе.

Выражая интересы капиталистических кругов, голлистский режим не отказывался от антикоммунизма как важнейшего направления политики и идеологии. В период событий в мае — июне 1968 г. президент де Голль назвал коммунизм «зловещим демоном», а ФКП — «тоталитарной коммунистической организацией». Однако огромный престиж Коммунистической партии Франции, распространение коммунистической и социалистической идеологии среди широких слоев населения привели к тому, что идеологическая борьба голлизма с коммунизмом не вылилась в политические репрессии, как это продемонстрировала практика США и ФРГ. Основным способом воздействия на рабочий класс Франции голлизм избрал идею «участия», т. е. идею ассоциации труда и капитала, «социального партнерства». В политическом плане она подкреплялась идеей корпоративизма.

В одном из своих интервью де Голль заявил, что ни коммунизм «с его механистической цивилизацией», ни капитализм не дают удовлетворительного решения. Единственно приемлемым объявляется «третий путь», путь «участия». При нем якобы исчезает почва для классового антагонизма и каждый несет свою долю участия в управлении производством и в доходах [10]. Был принят ряд нормативных актов, претендовавших на проведение в жизнь идей «классового сотрудничества», «ассоциации труда и

---

[10] «Figaro-Littéraire», 7.VII 1968.

капитала» — ордонансы 1967 г. о заинтересованности работников в результатах расширения деятельности предприятий.

Давая характеристику этих нормативных актов, бывший в то время премьер-министром Помпиду подчеркивал, что их цель заключается отнюдь не в том, чтобы дать дополнительную зарплату, а в том, чтобы непосредственно заинтересовать работников в развитии предприятия и постепенно превратить их в «собственников». Он предлагал распространить идею «участия» с производственной на другие сферы. В частности, на ней должны быть построены отношения в области образования, где должно быть осуществлено сотрудничество преподавателей, учащихся и родителей. Идея «участия» выдвигалась де Голлем и как основа отношений с молодежью, она преследовала цель направить бурное и справедливое недовольство молодежи своим политическим и социально-экономическим положением в русло, отвечающее интересам правящих кругов и обеспечивающее их идеологическое влияние. Идея «участия» была положена и в основу проекта реформ, поставленных на обсуждение в порядке референдума 27 апреля 1969 г.

Выступая по радио и телевидению 12 марта 1969 г. в связи с предстоящим референдумом [11], де Голль уделил основное внимание «участию», которое рассматривалось им как главное средство, якобы обеспечивающее спасение и процветание Франции. Реформа имела в виду придать этой идее институционную форму, охватить ею все стороны жизни страны и общества и тем самым расширить социальную базу голлизма и одновременно ослабить идейно-политические позиции его противников.

Реорганизацией сената в орган корпоративного типа и разрушением существующей системы местных органов власти и заменой ее более зависимыми от центральной власти и более подчиненными ей органами власти на местах де Голль рассчитывал подкрепить государственную идеологию усовершенствованным государственным механизмом, органами ее непосредственной пропаганды на всех уровнях административно-территориального устройства, среди всех слоев населения. Это, очевидно, мыслилось и в перспективном плане как институционная база и наиболее прочная опора пост-голлизма. Речь шла о системе, охватывающей высшие и местные органы власти, об образовании элементов корпоративного государства, здание которого увенчивала бы, возвышаясь над всем, фигура президента — самого генерала, а потом и его преемников.

Ведущая роль, отведенная президенту в политической системе V Республики, и стремление де Голля к персонализации этого поста привели к тому, что среди методов идеологического воздействия особое место заняли идеологические акции президента,

[11] «Le Monde», 13.III 1969.

выступавшего также и в роли «верховного пропагандиста». Для этой цели он, в частности, весьма активно использовал телевидение. Выступления де Голля по телевидению его приверженцы часто характеризовали как непосредственный диалог президента с населением, хотя в действительности это был не диалог, а монолог. Нередко де Голль придавал этому монологу несколько патерналистское звучание. Однако события 1968 г. показали, что французы — неблагодарный объект пропаганды патерналистского плана.

Концепция непосредственного общения президента с народом, так называемая прямая демократия, имела своим следствием практику референдумов по ряду вопросов государственного устройства и политики. Несомненно, что практика референдумов еще более увеличивала и обостряла роль идеологической борьбы в V Республике. Референдумы-плебисциты много лет использовались и служили средством психологического и идеологического обмана избирателей, создавая иллюзию их участия в решении важнейших проблем и придавая юридическую фикцию всенародного одобрения многим реакционным актам (например, ревизии в 1962 г. Конституции 1958 года). Сама идея «прямой демократии», противопоставляемой якобы устаревшей и малоэффективной парламентской демократии, была важным направлением голлистской идеологии.

Несомненно, что одна из причин ситуации, вынудившей де Голля к уходу с поста президента и политической сцены, состояла в том, что де Голль переоценил возможности своего идеологического воздействия на широкие слои населения.

События 1968—1969 гг. обнаружили, кроме всего прочего, кризис основных идей голлизма, составлявших основу идеологической деятельности государственного аппарата V Республики. Поэтому общий лозунг наследников де Голля, и прежде всего нового президента страны,— лозунг «перемены в преемственности» охватывает и сферу идеологической деятельности. Большинство старых лозунгов и идей сохранено и формально, и по существу. Вместе с тем смягчены антипарламентарные и корпоративистские установки. Делаются попытки выработать и некоторые новые концепции. Такова, например, предложенная Ж. Помпиду «идея нового человека», который в большей мере будет движим духовными, чем экономическими потребностями. Эта концепция противопоставления материального и духовного отражает негативную политику государственной власти в отношении социально-экономических требований трудящихся, в частности требований приведения заработной платы в соответствие с ростом цен.

Став президентом, Помпиду прямо говорит об «участии» как идее, которая якобы должна лечь в основу производственной деятельности. Выдвинута также идея о превращении «общества блоков» в «общество постоянного согласия». Другими словами,

предпринимается попытка при помощи идеи классового сотрудничества, «идеи участия» замаскировать и приглушить классовые антагонизмы, столь ярко выявившиеся во время событий 1968 г.

В своем выступлении на XXIV съезде КПСС заместитель генерального секретаря КПФ Ж. Марше говорил: «Несмотря на беспрецедентные усилия крупной буржуазии насадить идеологию и практику «классового сотрудничества», современное положение во Франции характеризуется неуклонным нарастанием классовой борьбы. Мощное народное движение мая—июня 1968 года стало важным и качественно новым ее этапом» [12].

---

[12] «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стеногр. отчет, т. 1. Политиздат, 1971, стр. 224.

Глава II

Государственный идеологический аппарат в сфере информации и пропаганды

Государство использует в своей идеологической деятельности различные методы и формы, применяемые как непосредственно через государственный механизм, так и при посредстве негосударственных учреждений и частных лиц. Весь государственный механизм V Республики фактически служит пропаганде и осуществлению идей правящих кругов.

Среди государственных органов мы находим ведающие специально или преимущественно идеологической деятельностью, а также те, для которых она составляет лишь один из аспектов деятельности.

Для послевоенной Франции, особенно для V Республики, характерно создание новых и расширение полномочий и реорганизация уже существующих специализированных государственных органов, занимающихся пропагандой идеологии правящего класса. Это обусловливается расширением и углублением идеологической деятельности государства, проникающей во все сферы не только общественной, но и в какой-то степени и частной жизни граждан. Это объясняется чрезвычайным обострением классовой борьбы, попыткой противостоять демократической и в первую очередь марксистско-ленинской идеологии, пользующейся все большим влиянием в широких массах.

Выбор того или иного органа для идеологической деятельности, той или иной ее формы и методов предопределяется как сферой ее приложения, так и степенью непосредственного участия государства в ее реализации.

В послевоенные годы были созданы Секретариат по вопросам информации, а потом и министерство информации. Комитет по делам науки и Верховный комиссариат по делам молодежи и спорта при премьер-министре были преобразованы в министерства, что повлекло за собой значительное расширение их компетенции и увеличение численности персонала. Серьезная реорганизация произошла и в министерстве национального образования.

Характерно также создание так называемых автономных учреждений, которые, будучи формально независимыми от госу-

дарства, тесно связаны с ним, ориентируются и субсидируются им, фактически ему подчиняются и в любой момент готовы служить распространению идеологии правящих кругов.

Идеологическая деятельность ведется в различных формах и разными методами. Она носит позитивный характер в случаях, когда речь идет о пропаганде и насаждении идеологии правящих кругов в широких массах населения. В отношении нежелательной правящим кругам враждебной идеологии, и в первую очередь марксистско-ленинской идеологии, последовательно пропагандируемой ФКП, государство пытается применять различные меры негативного характера, направленные на ограничение распространения такой идеологии, хотя ФКП своей многолетней успешной деятельностью добилась возможности использовать легальные формы для пропаганды своей идеологии.

Государство принимает как прямое, так и косвенное участие в идеологической деятельности. Первая форма применяется, когда государство само, при помощи своих органов вырабатывает и распространяет определенные идеи. Для Франции V Республики характерно преобладание прямой формы государственной деятельности в области идеологии. Однако сохраняется и косвенное участие государства в идеологической деятельности в самых различных формах, например, финансирование (субсидии, субвенции, кредиты), предоставление льгот негосударственным организациям и частным лицам.

Государство проводит свою идеологию через самые различные органы просвещения, науки и культуры.

Оценивая идеологическую деятельность французского государства, В. Роше указывал, что правящие круги яростно борются за усиление своего идеологического влияния на массы; «они обладают для этого могущественными средствами, включая радио, телевидение, буржуазную печать и иные средства».

Ж. Марше говорил на XIX съезде ФКП: «Идеологическая борьба приобретает еще больший размах, когда технический прогресс делает возможным особое развитие средств распространения информации. В такой стране, как наша, эти средства естественно находятся в руках крупной буржуазии» [13].

Официальная пропаганда идей господствующего класса, нередко выступающая в форме «нейтральной» информации, стремится охватить все стороны жизни каждого индивида. «Пропаганда,— пишет французский социолог Эллюль,— должна быть тотальной» [14]. Это означает, что все средства и методы хороши и должны использоваться и применяться к каждому человеку и ко всему населению. Пропагандист выступает в качестве опытного дирижера оркестра, использующего все инструменты в нужный

[13] «Cahiers du communisme», 1966, N 5-6, p. 281; 1970, N 2-3, p. 77.
[14] J. Ellul. Propagande. Paris, 1962, p. 20.

момент. Буржуазные идеологи напоминают, что нельзя долго оставлять человека вне пропагандистского воздействия, поэтому «пропаганда должна быть постоянной и сильной» [15].

В современном империалистическом государстве пропаганда носит организованный, институционный характер: она проводится специальным государственным аппаратом или под его контролем или наблюдением. «Для того чтобы организовать пропаганду, нужно сконцентрировать ее средства, сократить число агентств по распространению новостей, создать концерны печати, тресты кино и радио» [16].

Информация, точнее дезинформация, в руках империалистического государства — могучее средство обработки умов. Она тесно связана с пропагандой — распространением идей. При этом воздействие оказывается не только на умы, но и на эмоции людей. Для этого государство использует технический прогресс в области средств информации, объективно предназначенной служить интересам всех.

Свободный доступ к средствам информации и пропаганды обеспечен главным образом именно тем, кто стоит на службе интересов правящих кругов. Он затруднен, а подчас и вовсе не доступен для оппозиции. Демократические силы, возглавляемые ФКП, включают в свою программу требование обеспечения права на информацию как одного из основных конституционных прав человека. Они выступают против одностороннего использования средств информации правящими кругами для пропаганды своей идеологии.

В последнем перед уходом де Голля с поста президента правительстве непосредственное политическое и оперативное руководство государственной информацией и пропагандой во Франции было сосредоточено в Секретариате по вопросам информации при премьер-министре.

Секретариат играл значительную роль в формировании и распространении информации, касающейся различных сторон деятельности государства. На основе полномочий, делегированных премьер-министром, и от его имени осуществлялись императивные функции в отношении службы радио и телевидения, печати, кино.

В самом начале пост-голлистского периода произошли изменения в структуре руководства службой информации. В списке состава первого же правительства, сформированного при Ж. Помпиду, отсутствовал глава ведомства информации. Это ведомство было ликвидировано. Функции специальной службы информации взял на себя сам премьер-министр. Официальному представителю правительства — государственному секретарю при премьер-

[15] Ibid., p. 24.
[16] Ibid., p. 118.

министре — было поручено сообщать журналистам и общественности необходимую информацию.

Демократическая общественность, отмечая узурпацию средств информации правящей верхушкой в интересах крупных монополий, решительно требовала конституционно закрепить и гарантировать право всех граждан на информацию. Упразднение службы информации расценивается ею как уступка одному из главных требований, выдвигавшихся оппозицией в ходе избирательной кампании.

При президенте республики создана специальная служба печати для поддержания постоянной связи с печатными органами, отражающими политику правящих кругов. В отдельных министерствах и ведомствах также существуют специальные службы печати. Они тоже снабжают соответствующей информацией печать. В некоторых крупных газетах имеются специальные информационные рубрики, освещающие деятельность различных министерств, ведомств и жизнь крупнейших монополий.

Известные под различными наименованиями службы пропаганды и информации существуют в Национальном собрании, в кабинете министров и в министерствах (например, в министерстве внутренних дел, вооружения, иностранных дел и др.). Так, в генеральном штабе министерства вооруженных сил существует Управление информации, которое должно следить за развитием наук, интересующих оборону. Но истинное содержание его деятельности — разведка. Оно собирает документацию относительно методов и средств «психологической агрессии» и мер противодействия ей. Управление призвано «гармонизировать» различные средства информации в области обороны, использовать различные средства информации населения с целью его подготовки к выполнению военных приказов в необходимые моменты. В армии имеется также центр по вопросам распространения кинофильмов и печати.

В министерстве иностранных дел существует служба печати и информации, которая собирает всю информацию, интересующую министерство. Эта служба представляет информацию органам печати, контролирует информационные центры Франции за границей и снабжает их информацией для ее распространения за рубежом.

Информационно-пропагандистскую деятельность, особенно за рубежом, ведет и государственный секретарь по делам туризма при министре оснащения и жилищного строительства. И в этой области государство взяло на себя функции, предоставлявшиеся до тех пор частной инициативе.

Значительна информационно-пропагандистская роль префектур и стоящих во главе их префектов, являющихся представителями министерств на местах. Они выступают как в качестве информаторов центра о делах на местах, так и в качестве проводников информации о деятельности и решениях центральных ор-

ганов власти. На службу этому поставлена местная печать и другие средства информации и пропаганды.

В ноябре 1963 г. была создана служба межминистерских связей. На нее было возложено обеспечение органической связи между соответствующими департаментами министерств с целью координации и наилучшего использования различных средств информации. Во главе службы стоят высшие чиновники, постоянно представляющие наиболее важные министерства. Таким образом, должно обеспечиваться кооперирование деятельности министерств в рассматриваемой области.

Особенно велика пропагандистская роль таких массовых средств информации, как печать, радио и телевидение.

По французским законам каждый «свободен» начать издание газеты; для этого достаточно лишь подать письменное заявление с соблюдением определенных формальностей (указать наименование издания, фамилию, адрес ответственного лица). Но современная печать — мощная индустрия, требующая миллионных капиталовложений. Буржуазная печать — один из видов монополий, поддерживаемых прямо и косвенно как самим государством, так и теми монополистическими кругами, которые стоят за спиной того или иного издания. Таким образом, если формально и существует юридическая свобода печати, то она подрывается экономическим неравенством [17].

Состав административных советов газет убедительно свидетельствует о том, чьи интересы они отражают. Так, в административный совет «Фигаро» входят владелец шерстопрядильных и ткацких фабрик Рубе, владелец многих промышленных предприятий Ф. Бегеэн и др.[18]

Особое место в системе информации занимает агентство Франс-Пресс (АФП). Во Франции более 65 информационных агентств, но Франс-Пресс входит в число 5 крупнейших агентств мира, давая $^3/_4$ официальных новостей для газет и радио.

АФП обладает своеобразным юридическим статусом. Находясь под контролем государства и отражая взгляды правящих кругов V Республики, оно составляет часть государственно-пропагандистского аппарата, сохраняя при этом формально статус автономного учреждения.

Правовой статус АФП определяется законом от 10 января 1957 г. с дополнениями 9 марта 1957 г. По этим актам АФП —

[17] «Свобода печати является лишь теоретической, она существует только на бумаге. При современной экономической структуре каждый француз имеет такую же свободу в издании газеты, как и в запуске межконтинентальной ракеты или сооружении комплекса черной металлургии»,— писал депутат Национального собрания Деллиген в своем докладе Собранию (цит. по: I. Amon. L'office de la RTF. «Recuel Dalloz», 17.III 1965, p. 69; см. также A. Santini. L'aide de l'Etat á la presse. Paris, 1965, p. 28).

[18] Подробно см.: Л. М. Видясова. Современная французская печать. Изд-во МГУ, 1965.

автономная организация, наделенная гражданской правоспособностью и призванная давать объективную информацию. Она должна быть в принципе независимой как от государственных, так и от частных интересов.

Ее руководящий орган—Административный совет; $^1/_3$ его членов фактически назначается правительством. И так как для принятия важнейших решений требуется 12 голосов из 15, то голоса этих лиц играют решающую роль в таких важнейших вопросах, как выборы и смещение генерального директора.

Государство формально не осуществляет финансового контроля над АФП, но вносимая им абонементная плата — основной источник финансирования деятельности Агентства; в руках государства также находится контрольный пакет акций.

Агентство обязано распространять правительственную информацию без комментариев. За объективностью информации надзирает Высший совет, председателем которого является представитель Государственного совета, обладающий правом решающего голоса.

Во Франции, как и в других капиталистических странах, формально независимая печать в действительности подвергается достаточно эффективному воздействию со стороны государства. Это воздействие не обязательно выливается лишь в «негативные» формы, т. е. запреты, цензуру и т. п., но может принимать и «позитивные» формы, как-то: финансовая помощь, иные поощрительные меры и т. д. В связи с увеличением государственно-капиталистического сектора в экономике увеличивается и роль государства (в лице его корпораций, фирм, управленческих органов) в качестве непосредственного поставщика коммерческой рекламы, столь важной для существования газеты. Естественно, что коммунистическая печать не может рассчитывать на эту «позитивную» поддержку государства, буржуазная же печать активно пользуется ею. Даже буржуазные авторы не раз признавали дискриминационный характер государственной помощи прессе, стремление превратить эту помощь в способ воздействия как на общую ориентацию газеты, так и на ее позицию по отдельным существенным проблемам внутренней и внешней политики [19].

В Генеральном кодексе налогов содержится целый ряд статей, непосредственно регулирующих порядок освобождения от обложения налогами различных сторон издательской деятельности. К этому следует добавить льготы по пересылке печатной корреспонденции, особенно в отношении распространения печатной продукции за границей. Однако в законодательных актах отсутствуют достаточно точные юридические критерии предоставления льгот, а судебная практика в этих вопросах лишена ясности и единообразия. Каждый контролер министерства финансов может

[19] J. Robert. Propos sur la liberté de la presse. «Recueil Dalloz», 1964, N 31, p. 190.

иметь собственное суждение в том или ином случае, что открывает путь дискриминации по политическим соображениям.

Во Франции формально не существует предварительной цензуры в отношении печатной продукции. Однако государство располагает широким выбором средств, достаточно эффективно обеспечивающих политическую цензуру печати. «Цензуры нет,— пишет французский социолог Л. Габриель-Робине,— но существуют многочисленные и суровые наказания, конфискации, штрафы, очень часто угрожающие свободе печати и рискующие, став правилом, ее скомпрометировать [20].

К их числу относится в первую очередь конфискация изданий, штрафы и уголовные преследования за широкий круг правонарушений, совершаемых посредством печати. Среди них и посягательство на авторитет президента республики, по обвинению в котором только за 1958—1968 гг. судебное преследование возбуждалось более трехсот раз. Закон предусматривает два вида конфискации: судебную и административную. Последняя, отличающаяся упрощенным характером и исключающая процессуальные гарантии, используется наиболее часто. Административные власти могут производить конфискацию печатной продукции на основе своей полицейской власти, в рамках общих полномочий по обеспечению публичного порядка или на основе специальных актов.

Министр внутренних дел уполномочен запретить продажу и распространение во Франции периодических изданий, опубликованных за границей. Декретом 6 мая 1939 г. этот режим распространяется и на непериодические издания, относится к произведениям, изданным во Франции на иностранном языке или на французском для заграницы. Составы преступлений и проступков охватывают действия, как правило, политического характера и позволяют пресечь в случае необходимости выступления печати против политики, идей и деятельности государства.

В особом положении находятся издания для молодежи. Закон от 11 июля 1949 г. предусматривает в отношении их два вида предварительного контроля, которые осуществляются специальной комиссией министерства просвещения. Ордонанс 23 декабря 1958 г. распространил этот контроль на все издания, которые могут быть доступны молодежи. Одна из предусмотренных ордонансом санкций — запрещение заниматься деятельностью, связанной с руководством любым издательским делом и распространением газет и периодической печати. Фактически вводится предварительная цензура на любое издание под предлогом посягательства на нравственность молодежи.

Строгая цензура в отношении кино была установлена во Франции с момента его возникновения. В 1916 г. было принято

---

[20] L. Cabriel-Robinet. La censure. Paris, 1965, p. 183.

решение о создании центрального органа контроля. Президенту контрольной комиссии представляются на предварительное заключение полнометражные фильмы. На основании его визы ведомство информации дает разрешение на демонстрацию фильма. Виза может носить различный характер: разрешать прокат для всех, запрещать его для лиц, не достигших 13 лет, или для лиц, не достигших 18 лет [21].

В отношении радио и телевидения официально цензуры не существует, но она осуществляется фактически благодаря самому порядку доступа к информации, подбору персонала и его ответственности. «Следует отметить,— писал Л. Габриель-Робине,— что вопрос предрешен самым простым образом, поскольку люди, стоящие во главе программ, уже доказали свою преданность и верность политике правительства» [22]. Однако такое положение правительство считает недостаточным. Подготовлен законопроект, усиливающий и умножающий его контроль, в частности в отношении телеспектаклей. Предлагаемый создателями законопроекта типовой договор лишает создателей этих спектаклей всякой свободы творчества и навязывает им цензуру как предварительную, так и последующую. Служба радио и телевидения Франции (ОРТФ) получает право распоряжаться ими, как и другими произведениями искусства, она может вносить изменения и делать купюры и вовсе не показывать подготовленную программу. Таким образом, умаление авторского права достигает невиданных ранее пределов. Автор лишается не только возможности опротестовывать действия ОРТФ, но и информировать кого-либо о них.

Реформа уголовной юстиции, проводившаяся в течение ряда лет начиная с 1958 г., создавала предпосылки усиления репрессий против политических противников режима: расширялась компетенция общих судов и вводились специальные суды и упрощенные формы расследования и судопроизводства, предусматривались новые составы преступлений. Чрезвычайно расширились полномочия префектов и органов полиции по расследованию политических дел, производству обысков, конфискаций тиражей газет и журналов. В период чрезвычайных полномочий права префектов и полиции расширяются еще больше. Они получают право запрещать демонстрации, собрания и т. д., а также запрещать или ограничивать передвижение лиц и транспорта в пределах определенных территорий, устанавливать предварительную цензуру и конфисковывать печатные издания, запрещать радио и телепередачи, демонстрацию спектаклей и кинофильмов.

Огромна пропагандистская и информационная роль французского радио и телевидения в распространении господствующей

---

[21] «Цензура во Франции над кино, как и в других областях, носит прежде всего и главным образом политический характер»,— писал президент общества по прокату фильмов Дониоль-Валькрозе (J. Doniol-Valcroze. La censure, fait politique. «Le Monde», 19.XI 1970).

[22] L. Gabriel-Robinet. Op. cit., p. 195.

идеологии. XVIII съезд ФКП в своей резолюции подчеркивал, что «правительство осуществило захват радио и телевидения — главных средств информации и пропаганды»[23]. Поэтому одним из требований демократических сил является установление демократического статуса радио и телевидения.

Буржуазные юристы вынуждены признать, что «телевидение почти целиком поставлено на службу официальной пропаганде»[24]. Его статус независимости является лишь юридической фикцией, скрывающей реальное положение вещей.

До второй мировой войны радиовещание осуществлялось одновременно государством и коммерческими обществами; после освобождения Франции ордонансом 23 марта 1955 г. радио и телевещание объявляются государственной монополией. Ими ведает премьер-министр.

Режим РТФ (радио-телевидение Франции) подвергался резкой критике со стороны широкой общественности за его антидемократичность, за полную зависимость органов радио и телевидения от государства, вплоть до составления программ и набора служащих и технического персонала. РТФ находилось в тройном подчинении — совету министров, министерству информации и министерству почт и связи. Внутри РТФ также отсутствовало четкое разграничение полномочий и обязанностей.

Правительство вынуждено было пойти на некоторые, крайне ограниченные уступки общественному мнению и заявить о своем намерении реорганизовать РТФ и разработать для него новый устав. Законопроект, ставший уставом, разрабатывался в течение двух лет государственным секретарем по вопросам информации и был лично отредактирован де Голлем[25]. Оппозиция в парламенте внесла свыше 50 поправок, но они почти все были отклонены правящим большинством.

22 июля 1964 г. закон о новом Уставе службы радио и телевидения Франции (ОРТФ) вступил в силу. Радио и телевидение рассматривается Уставом как государственная монополия, как публичная служба, цель которой — «информация, культура, просвещение и развлечение».

Устав декларирует, что ОРТФ обеспечивает условия для выражения точек зрения и позиций, соответствующих главным тенденциям политической мысли в стране. Однако Устав не содержит каких-либо критериев понятия «главные» и не обеспечивает необходимого доступа к микрофону и телекамере оппозиционных правительству партий и лиц.

---

[23] «XVIII Congres du Parti Communiste Française». «Cahiers du communisme», 1967, N 2-3, p. 150.

[24] P. Vasson. Vingt ans d'information politique (1946—1965). NEF, 1966, N 1, p. 51.

[25] Об истории разработки Устава и его положениях см. подробно: В. Карелина. Радиовещание и телевидение во Франции. М., 1965, стр. 94.

Устав определяет юридический статус Службы радио и телевидения как «государственного публичного учреждения промышленного и коммерческого характера». Включение в наименование слова «служба» подчеркивает ее новый автономный характер; источником ее финансирования являются теперь собственные средства [26]. РТФ находилось в подчинении министерства информации, а ОРТФ находится под «опекой» премьер-министра; но это различие формального характера. У государственного секретаря в отношении ОРТФ имеются теперь лишь полномочия, прямо предусмотренные Уставом (ранее, наоборот, определялось то, что не входило в круг их полномочий).

К компетенции государства в лице премьер-министра теперь отнесено наблюдение за исполнением общих обязательств по Уставу, одобрение бюджета совместно с министром финансов и экономики, контроль за использованием финансовых средств. Премьер-министр не несет ответственности за качество программ и информации, их нравственность, объективность и точность. Правительство может в любой момент опубликовать от своего имени любое коммюнике или декларацию, а также любую другую информацию, выражающую его позицию по тому или иному вопросу.

Высшим органом ОРТФ является Административный совет, который разрабатывает планы программ, утверждает и контролирует исполнение бюджета. Он состоит из 16 членов, половина которых назначается дискреционной властью правительства сроком на 3 года и может быть отозвана им в любое время; другие 8 членов Совета — представители радиослушателей и телезрителей, прессы, персонала ОРТФ. Избираемые членами Совета президент и вице-президент Совета не играют решающей роли. Непосредственное руководство ОРТФ осуществляется его генеральным директором, назначаемым советом министров. Генеральный директор в свою очередь назначает остальных ответственных должностных лиц, в том числе и своих заместителей.

При генеральном директоре имеются комитеты, находящиеся в полном его подчинении. В его же ведении находятся специальные дирекции и отделы (международных связей, технических служб, научных исследований, информации и др.).

Характерно, что правительство намеревалось принять Устав ОРТФ в форме акта исполнительной власти. В этом выразилась общая тенденция буржуазной государственности к усилению исполнительной власти за счет парламента, столь характерная и для V Республики. Однако оппозиция настаивала на принятии нового Устава в форме закона. Государственный совет дал следующее заключение: поскольку Устав затрагивает гарантии прав

[26] Доходы ОРТФ складываются от абонементной платы, которая постоянно увеличивается. В стране в 1963 г. насчитывалось около 13 млн. радиоприемников и 336 тыс. телевизоров. В 1967 г. число телевизоров достигло 8 млн.

граждан, он должен быть отнесен к сфере законодательства и соответственно компетенции парламента; поскольку речь идет об организации внутренней службы ОРТФ, возможна регламентация актами исполнительной власти. Хотя Устав был принят как законодательный акт, правительство впоследствии не раз изменяло его своими актами, весьма расширительно толкуя вторую часть заключения Государственного совета. Дискуссия по этому вопросу разгорелась вновь в связи с попыткой правительства допустить коммерческую рекламу на телевидение[27]. В ней приняли активное участие виднейшие французские юристы, высказавшись как против самого правительственного проекта, так и против устранения парламента от решения этого вопроса.

В ответ на запрос специальной комиссии Национального собрания семь известных французских юристов высказались отрицательно в отношении проекта правительства. Так, М. Дюверже отмечал, что «почти все запрошенные юристы сделали заключение о том, что для введения рекламы на ОРТФ необходимо принятие закона»[28]. Ж. Ведель подчеркнул, что введение рекламы изменяет самый характер службы радио и телевидения. Комментируя вопрос о форме нормативного акта, он отметил, что речь идет о подлинной битве между правительством и парламентом[29].

Некоторые авторы пытаются представить статут ОРТФ как институт прямой демократии. «Телевидение,— писал французский публицист Берль,—позволяет и даже в некоторой мере делает неизбежной прямую демократию»[30]. Говорят даже о «теледемократии». Однако на деле ОРТФ в его нынешнем виде представляет опасность даже для уже реально достигнутых завоеваний представительной демократии, поскольку лишает политические партии равных возможностей пропаганды.

Попытки правящих кругов изобразить дело таким образом, будто телевидение и радио представляют равные возможности всем партиям и политическим течениям, опровергаются практикой дискриминации оппозиционных сил[31]. Преимущества в использовании телевидения и радио правительством, в том числе в период избирательных кампаний, зашли так далеко, что под давлением левых сил правительство было вынуждено как-то урегулировать вопрос об использовании ОРТФ во время избирательной кампании (кроме муниципальных и кантональных выборов, когда ОРТФ вообще не предоставляется в распоряжение партий). Согласно закону 1966 г. в первом туре выборов депутатов

[27] Эта мера попутно преследовала цель лишения оппозиционных газет рекламных объявлений как источника доходов.

[28] M. Duverger. Les batailles de procédure. «Le Monde», 24.I.1968.

[29] «France-Soire», 2.II 1968.

[30] E. Berle. L'information télévisée. NEF, 1966, N 2, p. 128.

[31] Газета «Монд» (19.I 1968) не без основания называла ОРТФ «большой радио-телевизионной газетой правительства». Так, с января 1958 г. по 31 де-

продолжительность передач по ОРТФ (одновременно по радио и телевидению) составляет три часа для партий, имеющих парламентские группы в Национальном собрании. Передачи делятся на две равные серии, одна из которых принадлежит группам, формирующим правительство, другая — группам, не входящим в правительственное «большинство». Во втором туре выборов передачам по ОРТФ отводится полтора часа, распределяемых аналогичным образом. Из-за многопартийности и отсутствия единства неправительственные партии поставлены в неравноправное положение. Кроме того, министры беспрепятственно используют ОРТФ для своих предвыборных выступлений. Перед референдумом 1969 г. правящим и оппозиционным партиям было предоставлено по 75 минут. Сюда не входило время выступлений министров и генерала де Голля, который 10 апреля примерно в течение часа использовал ОРТФ, защищая предложенные реформы Вообще в V Республике стало правилом, что перед всеми парламентскими выборами и референдумами де Голль обязательно получал слово по ОРТФ, хотя это не было предусмотрено никаким законом. Важно и то, что после его выступления ни одна оппозиционная партия не получала времени для ответа по ОРТФ.

Во время последних президентских выборов правительство формально представило равное время для выступлений по телевидению для представителей всех кандидатов, но одновременно оно оставило в своем полном распоряжении телевизионный журнал, газеты и другие информационные передачи, которые использовало в угодном ему направлении.

Телепередачи проходят строгую цензуру. Чтобы передача попала на экран, она нуждается в визах многочисленных инстанций. Особенно строга цензура над информационными передачами, телевизионными и «говорящими» газетами.

Антидемократический характер нового статута радио и телевидения вынуждены признавать даже буржуазные юристы [32].

Прогрессивная общественность Франции расценила реорганизацию работы радио и телевидения как попытку правящих кругов под прикрытием нового Устава еще более усилить свое влияние на радио и телевидение. Эти меры означали усиление

кабря 1962 г., не считая пресс-конференций, генерал де Голль выступил по телевидению 502 раза, а с учетом повторений — 1506 раз. Его жена выступала 252 раза, Дебре — 318, Шабан Дельмас — 123, а руководитель КПФ— только 4 раза.

[32] «Ничего не было сделано, — писал, например, бывший министр информации Сулье, — чтобы придать РТФ статут, обеспечивающий его независимость и его свободу в области информации. Напротив, произошла деградация и положение стало ныне невыносимым» (M. Soulié. De role d'information dans une démocratie. «Revue politique et parlementaire, 1964, N 742, p. 361).

Профессор Ж. Ведель выдвигал предложение изменить состав Административного совета ОРТФ, с тем чтобы представители правительства составляли в нем не более $^1/_4$ всего состава.

влияния правительства на самые массовые средства идеологической пропаганды и формирования общественного мнения. Хотя теоретически ОРТФ не должна в такой мере, как раньше, подчиняться правительству, практически эта зависимость еще более усилилась. Новый Устав стал ширмой, за которой скрывается монополизация современных средств информации в интересах господствующих классов. Правящие круги, учитывая роль радио и телевидения в стране и за рубежом, их влияние на широкие слои населения, стремятся использовать эти средства как идеологическую «ударную силу».

Политическая ориентация информационных передач такова, что слушатели и зрители получают сведения определенной идеологической направленности. Изо дня в день телевидение и радио преподносят информацию, которая призвана пропагандировать и внедрять в сознание масс идеологию господствующего класса.

С 1962 г. действует специальная служба передач для зарубежной аудитории, в том числе и социалистических стран. Она финансируется министерством иностранных дел, которое и контролирует всю ее деятельность. ОРТФ стремится оказать влияние на радио и телевидение развивающихся государств.

Буржуазия использует телевидение не только для пропаганды своей идеологии, но и в чисто коммерческих целях. Не ограничиваясь предоставленной им легальной возможностью рекламы на ОРТФ, они прибегают к «замаскированной» и «пиратской» рекламе. Официально заявлено, что несколько десятков лиц оказались замешанными в коррупции этой службы. Нелегально, в обход существующим правилам на телеэкранах перед телезрителями выставили образцы товаров, чем был нанесен ущерб ОРТФ в 150—200 тыс. франков. Предполагают, что на организацию такой передачи затратили около 60 тыс. франков. Несмотря на то, что организаторы и участники оказались известны руководству ОРТФ, их имена остались скрытыми от общественности, а лицо из персонала, выпустившее передачу, не было уволено. В связи с этим делом снова обращается внимание на многочисленные скандальные истории на ОРТФ, оставшиеся без серьезных последствий.

Поставив ОРТФ под политический и административный контроль государства, правительство в то же время не обеспечивает его достаточными финансовыми средствами, что делает его зависимым от частного капитала, финансовое влияние которого все время возрастает. Если в 1971 г. заказы частных фирм составили 39,25 млн. франков, то к 1975 г. предполагается их увеличение до 98,93 млн. франков. Раздаются голоса о необходимости передачи ОРТФ в частный сектор.

Под различными предлогами из состава ОРТФ удаляются лица, выступающие с требованием демократизации радио и телевидения. Персонал ОРТФ принял широкое участие в забастовке

в мае—июне 1968 г. В числе выдвигаемых требований было освобождение от опеки Секретариата по вопросам информации и любых других правительственных учреждений, обеспечение реальной автономии, создание условий для беспристрастной и объективной информации, требование об отставке Административного совета. Большая группа сценаристов, журналистов, режиссеров, технического персонала вышла на демонстрацию с требованиями свободы информации, свободы ОРТФ. Профсоюз редакторов телевидения выразил протест против «абсолютного отсутствия объективности в передаче телевизионных новостей, посвященных демонстрациям студентов 5 и 6 мая» [33]. Ответом на это была массовая чистка персонала ОРТФ. Под предлогом реорганизации, санкционированной решением правительства от 31 июля 1968 г., директор ОРТФ уволил свыше 100 человек — именно тех, кто принимал участие в забастовке и был внесен в «черные списки». При этом не были соблюдены ни требования трудового законодательства, ни требования Устава ОРТФ.

Многочисленные комитеты и ассоциации, объединяющие самых различных представителей общественности и выступающие за демократизацию ОРТФ, за пересмотр его Устава [34], выдвигают в качестве главного требования прекращение одностороннего использования радио и телевидения правительственными кругами, обеспечение подлинной свободы слова, установление демократического контроля за деятельностью ОРТФ со стороны представителей всех клиентов и всех главных политических и идеологических течений.

Политическим партиям должно быть отведено время вещания в соответствии с числом голосов, полученных на выборах в парламент. Сам парламент должен иметь широкие возможности контроля над деятельностью средств массовой информации.

Коммунистическая партия Франции выдвигает требование о превращении ОРТФ из «привилегированного инструмента официальной пропаганды» [35] в публичную службу, организация и деятельность которой должны строиться на подлинно демократических началах. «Программа демократического правительства народного единства», разработанная ФКП, гласит: «Получив демократический статут, Национальное общество французского радиовещания и телевидения гарантирует свободу выражения мнений и право на информацию. Оно обеспечит сопоставление основных течений общественного мнения и будет участвовать в развитии культуры» [36].

---

[33] «L'Humanité», 10.V 1968.
[34] «L'Humanité», 21.XI 1967.
[35] «L'Humanité», 22.I 1972.
[36] «Коммунист», 1972, № 2, стр. 74.

Глава III

Руководство культурой, наукой и образованием

Отношение современного буржуазного государства к культуре и к сохранению культурного наследия не соответствует потребностям духовного развития общества. Государство, отражая интересы монополий, ставит массовую культуру на службу их интересам, игнорируя и попирая духовные запросы широких народных масс. Монополии, пользуясь покровительством государства, распространяют свою власть и влияние и на культуру. В решении XVIII съезда ФКП отмечалось, что «монополии простирают свой контроль на все духовные сферы культурной деятельности (живопись, литературу, грамзапись, театр, кино, телевидение и т. д.). Их господство ставит под угрозу свободу творчества интеллигенции и ограничивает освободительную и просветительную миссию науки и искусства»[37].

Управление в области культуры возложено на министерство культуры, которое было создано 22 июля 1959 г. К новому министерству перешла часть функций от министерства национального образования (общее руководство искусством, музеями, библиотеками) и от министерства промышленности (кинематография). Декрет о создании министерства возложил на него «обеспечение доступа к великим произведениям человечества, и в первую очередь французским, наибольшего числа французов. Оно должно обеспечить доступ к культурному достоянию страны самых широких кругов и благоприятствовать созданию произведений искусства и духовных ценностей, обогащающих культуру».

В непосредственном ведении министерства находятся национальные музеи, охраняемые государством памятники архитектуры, архивы. Через него осуществляется финансовая поддержка проводимой государством деятельности в области культуры, а также субсидирование организаций и лиц, чья деятельность служит его идеологическим целям. В составе министерства учреждены дирекции, ведающие соответствующими областями культуры.

Вопросами кинематографии министерство занимается совместно с Высшим советом кинематографии, созданным декретом

---

[37] «XVIII Congres du Parti Communiste Français». Paris, 1968, p. 565.

2 сентября 1953 г. Совет включает по 6 представителей от парламента, от специалистов, от персонала и администрации. Ему отводится роль советника правительства в определении общей политики в области кинематографии.

В ведение министерства передан Национальный центр кинематографии (созданный законом 25 октября 1946 г.) — автономная публичная организация со статусом юридического лица. В его составе директор, который осуществляет руководство; при нем Совет, в составе которого 16 человек — 8 представителей от служащих (назначаемых министром культуры по предложению профсоюзных организаций) и 8 — от патроната. Центр дает заключение по проектам нормативных актов по вопросам кино, выступает арбитром в спорах, связанных с производством и прокатом фильмов. В числе функций Совета—также пропаганда французского кино за границей и компенсация расходов по производству некоммерческих фильмов.

По мнению широкой общественности, французское кино находится в нелегком положении. Закрываются кинотеатры, резко сокращается производство фильмов, особенно так называемых некоммерческих. Помощь государства кино незначительна. В связи с участием в «Общем рынке» Франция обязалась прекратить субвенции национальному кинематографу под предлогом уравнения возможностей для государств — членов ЕЭС[38]. Во Франции налог на кино достигает 37% и является самым высоким в мире (в ФРГ он составляет 29%, в США — 7, в Италии — 9, в Великобритании — 0,4%). Это бьет особенно по некоммерческому кино.

Демократическая общественность, и в первую очередь ФКП, выдвигает позитивную программу в области кинематографии, «Программа ФКП в области кино»[39] содержит требования об отмене высоких налогов и ограничений, введенных после заключения Римского договора, об изменении системы финансирования и самофинансирования, с целью оказания действительной помощи кино. Было внесено предложение о создании специального финансового органа, руководимого самими деятелями кинематографии, под контролем государства.

Одним из основных требований ФКП является упразднение цензуры кино. Существование Комиссии по контролю над фильмами является посягательством на свободу творчества. Комиссия часто превышает свою роль «контролера». Фактическая цензура кинофильмов осуществляется и префектами, которые могут запретить демонстрацию кинофильма на территории, входящей в сферу их компетенции, ссылаясь на расплывчатую формулу угрозы нарушению «публичного порядка».

[38] В то же время в Италии и ФРГ такая помощь фактически была сохранена.

[39] См. «Cahiers du communisme», 1965, N 9, p. 132—149.

Высшей политической инстанцией в области руководства наукой являются Межминистерский комитет научных исследований, созданный 28 ноября 1958 г. В его состав входит премьер-министр (глава), министры национального образования, вооруженных сил, финансов и экономики, сельского хозяйства, здравоохранения и народонаселения, почт и связи. Состав комитета, таким образом, достаточно представителен. Его основная функция — координировать научные работы, а также подготавливать для правительства предложения по планированию и распределению финансовых ресурсов и других материальных средств. Подготовительные работы проводятся Комитетом консультантов, состоящим из 12 человек, наделенных правом совещательного голоса. Непосредственно руководит наукой министерство промышленного развития и научных исследований. В его составе отделы, ведающие исследованиями в соответствующих отраслях знания.

Генеральная делегация научных и технических исследований, учрежденная декретом № 58—1044 от 28 ноября 1958 г. с изменениями, внесенными 8 апреля 1961 г., входит в состав служб премьер-министра. Это бюрократический аппарат, насчитывающий около 80 человек, назначенных правительством. В состав этого аппарата входят генеральный директор, генеральный секретарь, технические и юридические советники, а также руководитель Фонда развития. При Делегации имеется отдел информации и внешних сношений, а также консультативный комитет [40].

В функции Делегации входит определение людских и материальных средств, необходимых для научных исследований. Финансовые ассигнования определяются ею совместно с Дирекцией бюджета министерства финансов, а также бюджетными отделами соответствующих министерств.

В составе Делегации имеется также Генеральный секретариат по вопросам Европейского экономического сообщества, который координирует научное сотрудничество Франции с другими членами ЕЭС, ЕОУС и Евратома. Эти европейские организации широко размещают заказы на научные исследования в частном секторе.

Полномочия Делегации ограниченны. Она фактически призвана поставить научные исследования на службу монополий, под полным контролем правительства.

Ордонансом 20 ноября 1944 г. был создан Национальный центр научных исследований. Он первоначально находился под эгидой министерства национального образования, а в 1945 г. был

---

[40] «Структура Генеральной делегации,— писал ее руководитель,— предназначена для того, чтобы установить диалог между промышленниками и научными работниками, с одной стороны, и правительством, с другой» (H. Maréchal. Présent et avenir de la recherche scientifique française. «Revue politique et économique», 1964, N 744, p. 26).

превращен в учреждение, наделенное финансовой автономией и правосубъектностью. Законом 2 июня 1948 г. на центр было возложено «развитие ориентации и координации научных исследований во всех областях». Декрет 9 декабря 1959 г. реорганизовал Центр, превратив его во вспомогательное учреждение бюрократического типа при правительстве. В составе центра: директор, Административный совет, Национальный комитет, Директорат. Штат научных сотрудников формируется на основе договоров. Финансирование работ центра все время сокращается, составляя немногим больше 1% всех ассигнований государства на науку.

Государство пытается широко использовать буржуазную науку и в первую очередь ее гуманитарные отрасли в своей идеологической деятельности.

Важное место в идеологической деятельности французского государства занимает формирование у подрастающего поколения мировоззрения, отвечающего интересам господствующего класса. Большая роль в этом отводится государственным органам и учреждениям, на которые специально возлагаются воспитание, образование и организация досуга молодежи.

Проблемы молодежи во Франции отличаются особой остротой. Франция — наиболее «молодая» по составу населения страна Западной Европы; более 16 млн. ее жителей моложе 20 лет. «Завоевание молодежи,— говорил В. Роше,— это большой политический вопрос» [41].

События, потрясшие страну в мае—июне 1968 г., со всей очевидностью продемонстрировали справедливое недовольство самых широких слоев молодежи своим положением. Режим кастовых привилегий, ограниченный доступ к образованию, его антидемократичность, архаичность и оторванность от жизни, безработица среди молодежи и дискриминация в оплате труда вызвали протест рабочей и студенческой молодежи, требовавшей коренного изменения и улучшения своего положения.

Правящие круги используют самые различные средства для привлечения молодежи на свою сторону, для отрыва ее от классовой и идеологической борьбы. Они спекулируют на чувстве ответственности у молодежи, на ее законном желании занять свое место в социальной жизни. Они проповедуют идеи аполитизма, противопоставления молодежи всей нации, подчеркивают исключительность ее интересов, их независимость от общедемократических требований. Классовые противоречия пытаются подменить «неразрешимыми противоречиями» поколений.

Системы образования и организации досуга молодежи — важнейшие каналы, по которым государство проводит идеологическую обработку подрастающего поколения.

---

[41] «XVIII Congres du Parti Communiste Français», p. 78.

Общее руководство образованием в стране осуществляется непосредственно министерством национального образования. Декрет 1 июля 1960 г. реорганизовал министерство и определил его функции, к числу которых отнесены просвещение, образование, научные исследования в системе высшей школы [42].

На министерство возложено общее руководство системой государственного школьного образования и высшими учебными заведениями. Этой деятельностью заняты Главные дирекции министерства; одна из них ведает организационными вопросами и школьными программами, учебниками, другая — университетами и координацией научной деятельности в их системе.

Особое положение занимает генеральный директор, на которого возложено изучение проблем, связанных с реформой системы школьного образования. Он наделен широкими полномочиями по скорейшему проведению в жизнь антидемократической реформы образования, известной под названием «реформа Фуше».

Состояние системы просвещения и образования во Франции отстает от требований современности. Для нее характерны нехватка школьных помещений, преподавательского состава, иногда недостаточная его подготовленность, неполный охват молодежи школьным обучением. Вся система образования, особенно технического, носит утилитарный характер; общекультурный уровень молодежи понижается, чему способствует и государственная политика в области культуры, а также в организации досуга молодежи.

Государством принята и в течение ряда лет вводится в действие так называемая реформа Фуше. Эта реформа была принята без предварительных опросов и консультаций и без утверждения парламента. Она проводится в жизнь по согласованию с президентом республики и с премьер-министром. Эта реформа призвана углубить антидемократичность системы школьного образования, лишить доступа к широкому образованию детей трудящихся, обеспечить ускоренную подготовку дешевых рабочих рук для монополий. Системой образования, предусмотренной «реформой Фуше», будущий учебно-профессиональный, а зачастую и жизненный путь ученика предопределяется уже тогда, когда ему едва исполняется 11 лет [43].

Такая система отвечает непосредственно заинтересованности монополий в получении дешевой рабочей силы подростков, труд которых оплачивается ниже труда взрослых и не дает им воз-

---

[42] Воспитание, внешкольная и внеучебная работа были изъяты из ведения министерства и переданы Верховному комиссариату по делам молодежи и спорта (с 1969 г.— Государственный секретарь по вопросам молодежи, спорта и досуга).

[43] Детей рабочих в высших учебных заведениях обучается в среднем 10—12% (в то время как рабочий класс составляет более половины всего населения страны).

растных льгот. Даже по признанию буржуазных юристов, выбор рода образования, как правило, определяется не интересами ребенка, а материальным положением, традициями, семейными предрассудками.

Антидемократический характер системы образования вызывает постоянный активный протест самых широких слоев французской общественности — демонстрации и забастовки преподавательского состава, учащихся и родителей.

Коммунистическая партия, раскрывая антидемократический характер «реформы Фуше», вносит конкретные предложения, направленные на коренную демократическую перестройку всей системы образования в стране на основе проекта Ланжевена-Валлона, внесенного еще в период, когда коммунисты входили в состав правительства.

«Никогда не было школьной структуры более иерархической в этом наиболее замкнутом из обществ. Социальная стабильность — главная забота официальных кругов. Тот факт, что школа стала средством производства, лишил ее автономии и ее специальной цели, состоявшей в том, чтобы дать молодежи современное и демократическое образование»,— писал, характеризуя «реформу Фуше», член ЦК ФКП Ж. Коньо [44]. В резолюции мартовского (1966 г.) пленума ЦК ФКП указывалось, что реформа образования, навязанная правительством, увеличивает пропасть между народом и культурой. Она способствует отбору детей и молодежи в зависимости от их социального происхождения, противопоставляет специализацию общей культуре, усиливает посягательства на светский характер школы.

ФКП предлагает демократическую реформу национального просвещения, которая предоставит молодежи с помощью стипендий и пособий возможность получить полноценное, широкое, разностороннее образование на уровне современных требований науки и жизни, достижений педагогики [45].

Школьное образование во Франции находится не только в руках государства. Существует широкая сеть частных школ, в том числе и церковных, католических (их число составляет 90% общего числа частных школ). Эти учебные заведения, предназначенные, как правило, для выходцев из привилегированных кругов, являются очагами насаждения клерикальной идеологии.

События в мае—июне 1968 г. со всей очевидностью продемонстрировали глубокий кризис, архаизм и недемократический характер системы высшего образования в стране. Со всей остротой встал вопрос и о коренной реформе высшего образования. Его си-

[44] G. Cogniot. La reforme téchnocratique l'énseignement. «La pensée», 1966, N 128, p. 65.

[45] «Программа демократического правительства народного единства». «Коммунист», 1972, № 2, стр. 71.

стемой были недовольны не только преподаватели и студенты, но и другие слои общества.

Де Голль видел, что «необходимо полностью перестроить университет». Он вынужден был признать кастовый характер университета, где «элита распоряжается, как она этого хочет»[46]. Он отмечал кризис университета, его неспособность отвечать требованиям научного и технического прогресса, необеспеченность оканчивающих университет соответствующей работой. Перестройка мыслилась де Голлем в общем русле «участия», выдвигаемого в качестве перспективы развития социально-экономических отношений в сфере образования. Де Голль уделил специальное внимание идеологическому воспитанию студенчества; он не мог скрыть стремления правящих кругов изолировать движение студенчества от общедемократического движения и ограничить его рамками узкоуниверситетских интересов. «Я лично думаю,— говорил он,— что студенты могут и должны обрести идеал, порыв и надежду в своем участии в управлении университетом»[47].

Замыслам правящих кругов французское студенчество противопоставило свою решимость бороться за демократизацию всей системы образования. Выступления студентов — и это не случайно — положили начало событиям мая — июня 1968 г.

Правящие круги, напуганные размахом студенческого движения, оказались вынужденными обсудить вопрос о реформе высшего образования. 12 ноября 1968 г. был принят закон об ориентации высшего образования[48]. Закон предусматривал реорганизацию университета. Само понятие университета приобретало новое значение в структурном и организационном плане.

В основу управления университета положен принцип участия преподавателей, исследователей и студентов, а также технического персонала и лиц, не относящихся к университету, но избранных в органы управления в силу компетентности. Создаются региональные советы высшего образования и исследования и Национальный совет высшего образования и исследований при министерстве национального образования. В их состав входят избранные представители университетов (преподаватели и студенты), а также лица, представляющие либо местные коллективы, либо национальные интересы. Расширены университетские свободы и права студентов.

Хотя реформа оценивается как определенный шаг к демократической системе образования, она имеет ограниченный характер. Ее недостатком является прежде всего отсутствие положений о предоставлении стипендий всем нуждающимся. Это серьезно

---

[46] «Le Monde», 8.VI 1968.

[47] Ibidem.

[48] «Journal officiel de la Republique française», 13.XI 1968, p. 10 579; характеристику закона подробно см.: A. de Laubadère. La loi d'orientation de l'nseignement superieur. «L'actualité juridique», 1968, N 12, p. 611—616.

ограничивает возможность обучения в университете лиц, не обладающих достаточными материальными средствами.

Государственным органом, уполномоченным заниматься вопросами организации досуга молодежи, является министерство по делам молодежи и спорта. Одна из причин создания этого министерства в 1967 г.— рост числа молодых избирателей и активизация молодежных движений. Отсюда — усиление пропаганды среди молодежи, в частности во время предвыборных кампаний.

Состоявшийся в 1970 г. XIX съезд Коммунистической партии Франции вновь подчеркнул ту огромную роль, которую монополистический капитал и правящие партии возлагают ныне на идеологические методы воздействия на широкие слои населения с помощью новейших массовых средств информации.

Раздел V

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В ФРГ

Глава I

Общая характеристика

После второй мировой войны западногерманские правящие круги оказались перед полным крушением официальной идеологии, которое сопутствовало экономическому, политическому и военному крушению гитлеровского рейха.

Хотя господствовавшая ранее политическая и идеологическая система потерпела крах, идеи, которые многие десятилетия официально насаждались в стране, не исчезли, как не исчез порождающий их социально-экономический строй. Империалистическая идеология в Западной Германии не была ликвидирована, но правящим кругам пришлось изыскивать новые (хотя бы по видимости) идеи, теории, концепции, чтобы одновременно с восстановлением экономического и политического господства финансового капитала воссоздать официальную политическую идеологию, устраивающую господствующий класс и достаточно привлекательную для массы населения.

В процессе этой «реконструкции» весьма наглядно проявились специфические черты идейно-политического прошлого и настоящего страны. Тщедушие германского буржуазного либерализма, оппортунизм весьма влиятельной правой социал-демократии, не выкорчеванные остатки нацизма, усиление позиций клерикализма, надежды западногерманского капитала на пересмотр итогов второй мировой войны, влияние американских политических и идеологических моделей, наконец, создание принципиально нового, социалистического государства на востоке Германии — все это отразилось на содержании и особенностях идеологической деятельности западногерманского государства.

Для конструирования официальной и полуофициальной идеологии в ФРГ использовался широкий арсенал идей. В ее генезисе нашли отражение новые теории «неолиберализма», «трансформации капитализма», «плюрализма», «государства благоденствия», «конвергенции». Но вместе с этими новыми концепциями буржуазной политической мысли в дело пошли идеи германского национализма, мессианства, клерикализма и т. п.

Обилие используемых официальной идеологией концепций сочетается в ФРГ с распространяемым буржуазными теоретиками представлением о «деидеологизации» общественной жизни. Это

сочетание парадоксально лишь на первый взгляд. Один из видных западногерманских буржуазных социологов Р. Дарендорф, рассуждая о сущности политической власти в ФРГ, об «идеальной», с его точки зрения, демократии, приоткрывает истинную суть западногерманских концепций «деидеологизации», когда отмечает: «Ликвидация крупных идеологических фронтов — вот что является целью конституции свободы» [1]. Не ликвидация идеологии вообще, а требование примирения классовых противоречий в области идеологии, создания единого «надклассового» общественного сознания — вот что в сущности скрывается за лозунгом «деидеологизации».

Западногерманская практика как нельзя лучше подтверждает сказанное. Западногерманский публицист Р. Альтман, один из ведущих идеологов ХДС, выработавших концепцию «сформировавшегося общества» (о ней речь далее), заявил в одном из своих публичных выступлений в 1965 г.: «Выработка единого общественного сознания является необходимой предпосылкой устойчивого, творческого национального сознания» [2].

Теоретический орган ХДС, настаивая на необходимости единой политической идеологии, писал: «Чтобы иметь возможность действовать, общество нуждается в общеобязательных целях, т. е. таких, которые обязательны для всех членов этого общества. Пока общество здорово, его члены ожидают или требуют более или менее определенно, чтобы ведущие политики или руководящие политические группы указали им единые общественные цели» [3].

При всем многообразии отдельных теорий, образующих более или менее цельную концепцию общества или отражающих лишь отдельные стороны экономической и политической жизни, сущность «идеологической интеграции», которой добивается западногерманское государство, сводится к двум основным задачам: апологии существующего капиталистического строя и опровержению идей и представлений научного коммунизма.

Апология капитализма в ФРГ — необходимая составная часть официальной идеологии — ставит своей целью полную дезориентацию населения относительно исторических судеб капитализма и внедрение в массы представления о неизбежности и целесообразности экономического строя и форм политического господства, утвердившихся в Западной Германии в условиях государственно-монополистического капитализма. Сама эта апологетика не является полностью неподвижной. Консервативная в своем историческом существе, она приспособляется к конкретным усло-

---

[1] R. Dahrendorf. Gesellschaft und Demokratie in Deutschland. München, 1966, S. 305.

[2] «Dokumentation der Zeit», 1965, N 344, S. 29 (далее—DdZ).

[3] «Gesellschaftspolitische Kommentare», 1965, N 13/14, These 12.

виям, оперирует различными лозунгами и тезисами, за которыми проглядывает единая реакционная линия. Таковы, например, переход от пропаганды «свободного» к восхвалению «социального рыночного хозяйства» или изменение в трактовке «правового государства».

Что касается второй составной части официальной идеологии ФРГ — антикоммунизма,— то следует отметить существование в Западной Германии идеологов, учреждений и даже государственных органов, основным или преимущественным занятием которых является борьба с коммунизмом. Но еще более существенно то обстоятельство, что антикоммунизм с первых дней существования ФРГ стал важнейшей частью всей официальной политической доктрины (и практической деятельности) этого государства. Важнейшая черта этого западногерманского официального антикоммунизма (особенно ярко выразившаяся в годы пребывания у власти правительств во главе с лидерами ХДС) состоит в его активном, наступательном, агрессивном характере. Эта агрессивность объясняется рядом причин.

Одна из них состоит в том, что возрождение (с помощью США) экономической мощи западногерманских монополий произошло в условиях, когда рынок сбыта для них был существенно ограничен. Послевоенный рост экономики ФРГ привел к глубокому противоречию между мощным экономическим потенциалом и ограниченным внешнеполитическим и экономическим влиянием.

После второй мировой войны на трети территории страны утвердилось и успешно развивается социалистическое германское государство — ГДР. Германию разделила граница между капитализмом и социализмом, здесь непосредственно соприкасаются два борющихся мировых лагеря. Это своеобразное положение придало особую агрессивность западногерманскому антикоммунизму и превратило идеологические конструкции, направленные против социалистической системы, и в особенности против ГДР, в одну из самых существенных составных частей официальной идеологии ФРГ.

Агрессивный, воинствующий антикоммунизм наложил отпечаток на всю идеологическую деятельность западногерманского государства. Дух политической нетерпимости надолго стал характерной чертой его идеологической деятельности. Западногерманская пресса так писала о мероприятиях по «идеологической обороне» в период активного внедрения этого курса находившейся у власти партией ХДС: «Федеральный министр обороны Штраус вновь потребовал создать центральное руководящее ведомство по психологической обороне. Оно должно служить делу систематической обороны от мирового большевизма в ФРГ и создавать у населения иммунитет против коммунистического влияния»[4]. Но

[4] «Der Tag», 19.X 1958.

вскоре официальные идеологи Западной Германии прекратили речи об обороне и заговорили об идеологической деятельности свойственным империализму языком агрессии. Вместо «психологической обороны» в порядок дня была поставлена «психологическая война» Официоз боннского военного министерства «Веркунде» писал: «Современная война ведется не только в трех привычных сферах — на земле, на воде и в воздухе. Она охватывает и четвертую сферу — духовный мир человека. В этой сфере третья мировая война уже началась» [5].

Еще одна характерная черта идеологической деятельности ФРГ состоит в том, что реакционная пропаганда не ограничивается территорией страны, она стремится распространить свои идеологические концепции в других государствах, прежде всего — в ГДР. Для этого используются газеты, журналы, брошюры, кино, гелевидение, выставки, деловые и туристские поездки, выступления за рубежом официальных деятелей Бонна. О размахе этой деятельности свидетельствует хотя бы тот факт, что на пропаганду за рубежом ежегодно расходуется около 500 млн. марок. В Федеральном ведомстве печати и информации две трети сотрудников занимаются зарубежной пропагандой. Опасность этих идеологических выступлений вовне усугубляется широким использованием при этом таких современных средств массовой коммуникации, как радио и телевидение, которым практически не препятствуют границы европейских государств.

Одна из важнейших особенностей идеологической деятельности боннского государства обусловлена утвердившейся в ФРГ системой государственно-монополистического капитализма. Западногерманские монополии не только оказывают решающее влияние на работу государственного аппарата, руководящего идеологической деятельностью, но и сами создают собственные пропагандистские организации. Тесно связанные с правительственными пропагандистскими учреждениями, эти организации влияют на работу крупнейших газет, издательств, учебных заведений, политических партий, милитаристских союзов. Не подчиненные формально идеологическому механизму государства издательские концерны, просветительские организации, кинокомпании в действительности проводят единую идейно-политическую линию, поддерживаемую государственными учреждениями, работающими в тесном контакте с организациями монополий. Весьма характерно, например, что одна из крупнейших монополистических организаций ФРГ — Федеральное объединение германских союзов предпринимателей — провела в августе 1968 г. в Бад-Наухейме специальную конференцию для выработки «общественно-политической концепции».

---

[5] «Wehrkunde», 1964, N 9, S. 484.

Совместная выработка идеологической линии и тесное сотрудничество государственных органов и монополистических организаций в осуществлении идеологической обработки населения привели к созданию в ФРГ системы манипулирования массами весьма мощной, сложной и вместе с тем более тонкой, чем та, которой пользовалось нацистское государство. Немецкие ученые-марксисты, проанализировавшие в специальной монографии идеологический механизм боннского государства, пришли к следующему выводу: «В условиях господства агрессивных западногерманских монополий и милитаристов в Западной Германии с помощью «частнокапиталистических» предприятий была создана эффективная и компактная система обработки масс, которая далеко превзошла пропагандистский аппарат германского фашизма, используя методы более тонкие, более замаскированные, но именно поэтому позволившие охватить все слои населения»[6].

В условиях обостренной идеологической борьбы, свойственной нашему времени, любое сколько-нибудь значительное экономическое или политическое мероприятие имеет идеологический «подтекст»; оно, как правило, кроме своей прямой задачи имеет цель воздействовать на общественно-политическое сознание. Однако специальная идеологическая деятельность стала в современном буржуазном государстве его особой функцией. Среди распространяемых и поддерживаемых западногерманским государством концепций, идей, теорий есть такие, которые представляют собой целые мировоззренческие системы. Существуют также доктрины, выражающие взгляды господствующих сил на важные стороны или крупные явления общественной жизни, например на государство. Наконец, разрабатываются и внедряются в массы концепции, касающиеся отдельных направлений государственной политики.

Важнейшими «генераторами» крупных общественно-политических концепций мировоззренческого характера, образующих фундамент (часто скрытый, как и положено фундаменту) идеологической деятельности боннского государства, являются господствующие политические партии.

В течение почти двух десятилетий господствующей партией Западной Германии была партия монополистического капитала — Христианско-демократический союз. Она и сегодня остается одной из двух наиболее влиятельных партий. Идеология политического клерикализма, являющаяся общественно-политическим кредо этой партии, приобрела в ФРГ за период почти безраздельного господства ХДС в сущности характер официального мировоззрения. Вполне оправдавшийся расчет господствующих сил, нашедших в политическом клерикализме замену массовой идеологии, насаждавшейся нацизмом, был построен на широком рас-

---

[6] Г. Хаак, Х. Кесслер. Политика против культуры. ИЛ, 1968, стр. 390.

пространении среди населения религиозных взглядов или просто позитивного отношения к религии.

То обстоятельство, что ХДС в октябре 1969 г. впервые была вынуждена отказаться от формирования правительства и перейти в оппозицию, не могло сразу же повести к серьезным изменениям в идеологической сфере. Следует также учитывать, что за ХДС по-прежнему идет много избирателей, она образует крупнейшую фракцию бундестага, формирует правительства многих земель, возглавляет ряд важнейших комитетов бундестага, имеет глубокие корни в бундесвере и государственном аппарате, тесно связана с предпринимательскими союзами и мощными средствами информации. Эта партия ведет решительную борьбу за возвращение к власти. Не менее существенно и то, что клерикальная идеология, насаждавшаяся с помощью государства почти два десятка лет, пустила глубокие корни в ФРГ. Все это заставляет рассматривать политический клерикализм как один из важнейших идеологических факторов, действующих в ФРГ.

Вполне обоснованную тревогу у идеологов политического клерикализма вызывает распространение идей научного социализма, сплочение масс под антиимпериалистическими лозунгами, использование демократическими силами институтов буржуазной демократии, возможность использования парламента для социалистических преобразований. Задержать развитие общественно-политической жизни, предотвратить крах империалистического государства, законсервировать существующие политические формы и институты, а еще лучше, сделать шаг назад от этих форм, ограничив даже урезанную буржуазную демократию,— такова политическая программа клерикалов.

Западногерманский политический клерикализм насквозь проникнут духом ангикоммунизма. Излюбленным приемом клерикалов в борьбе с коммунистической идеологией является декларативное провозглашение несовместимости коммунизма с христианством, выдвижение перед верующими альтернативы «Христос или Маркс», стремление изобразить борьбу двух противоположных общественных систем в современную эпоху как столкновение между христианством и язычеством.

Идеология политического клерикализма много лет служила важнейшей опорой всей практической политики западногерманского империалистического государства. Ее принципы, конструкции, мотивировки широко использовались как для обоснования главных направлений правительственной политики, так и для оправдания отдельных реакционных мероприятий. С приходом к власти правительства, возглавляемого СДПГ, возникает тенденция к ослаблению ее влияния, но это достаточно сложный процесс.

Другой крупной общественно-политической концепцией, играющей важную роль в идеологической деятельности западногер-

манского государства, является система социал-реформистских взглядов, выражаемых руководством СДПГ. Влияние этих взглядов определяется ролью социал-демократической партии в западногерманском государстве. В течение всего периода существования ФРГ эта партия имела значительное парламентское представительство, в последние годы вела за собой более трети избирателей, входила в правительства земель и даже возглавляла некоторые из них. В конце 1966 г. социал-демократы вошли в боннское правительство «большой коалиции», а в октябре 1969 г. возглавили правительство, получив новые возможности для воздействия на официальную идеологию.

Официальная идеология СДПГ в настоящее время полностью определяется ее правыми лидерами, подчиняющими деятельность партии интересам сохранения господствующей капиталистической системы. Ее общественная функция объективно направлена на то, чтобы сеять социал-реформистские иллюзии в рабочем классе и использовать его энергию для поддержки сложившегося в ФРГ государственного и общественного строя.

После 1945 г. западногерманская социал-демократия, вместо того чтобы учесть уроки истории, развивала и углубляла оппортунистические традиции. В своих программных документах СДПГ открыто отказалась от марксизма, классовой борьбы, традиционных социалистических лозунгов, эклектически соединяя реформистские идеи с буржуазными теориями. Резюмируя суть идейной эволюции СДПГ, один из западногерманских политологов писал: «Что касается социал-демократии, то о научном социализме после 1945 г. не может быть и речи; исключение составляют немногие второстепенные области экономической и социальной политики»[7].

Полный и окончательный разрыв социал-демократии с марксизмом отражен в «Принципиальной программе СДПГ», принятой на чрезвычайном съезде партии в Бад-Годесберге в ноябре 1959 г.[8]

Принцип «демократического социализма», составляющий стержень социально-экономической части Программы, предполагает сохранение свободной конкуренции, капиталистического и частного предпринимательства. В этой Программе отвергнута идея национализации земли, недр, источников энергии. Характер распределения национального дохода, в действительности целиком зависящий от способа производства, Годесбергская программа предлагает изменить путем «справедливой политики заработной платы». Лидеры СДПГ полностью восприняли теорию буржуазных идеологов об «индустриальном обществе»,

[7] W. D. Narr. CDU-SPD, Programm u. Praxis seit 1945. Stuttgart — Berlin—Köln-Mainz, 1966, S. 144.

[8] Текст программы см.: «SPD. Parteitag Bad-Godesberg 1959, Grundsatzprogramm».

в котором место классов занимают «социальные группы». На этой почве родился социал-демократический лозунг «Мы все одна семья!». Место требования общественного контроля за производством занял тезис о необходимости соглашения с ведущими «представителями хозяйственной жизни» на основе «партнерства» [9].

Принципиальные публикации СДПГ последних лет, в особенности документ, принятый в марте 1968 г. на съезде в Нюрнберге под заголовком «Социал-демократические перспективы при переходе к семидесятым годам», свидетельствуют о том, что лидеры партии прочно стоят на позициях теории «современного промышленного общества» и призывают к «солидарности» населения [10]. Именно с этих позиций правое руководство СДПГ поддерживает западногерманское государство, практически оправдывая и поддерживая деятельность государственного механизма монополий [11].

Черты антикоммунизма явственно обнаружились в политике лидеров СДПГ после окончания войны, что выразилось в категорическом отказе от объединения с КПГ и в пропагандистских выступлениях против мнимой угрозы «советизации» страны. Далекий от симпатий к КПГ В. Д. Нарр следующим образом формулировал эту черту социал-демократической политики: «Антикоммунистическая ориентация, обоснованная идеями демократического социализма и оправдываемая национальными интересами защиты от коммунизма и политической экспансии» [12]. Здесь крылась важнейшая причина того, что долгие годы внешнеполитические концепции СДПГ по важнейшим пунктам соответствовали концепциям ХДС и ее империалистического руководства. Понадобилась почти четверть века усилий Советского Союза, направленных на обеспечение мира в Европе, успешное развитие социалистических стран, в том числе ГДР, выступления антимилитаристских сил в самой ФРГ, в частности внутри СДПГ, чтобы лидеры социал-демократии встали на путь признания реальности и установления добрососедских отношений с социалистическими странами. Весьма важным шагом в этом отношении явился Договор между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г., который серьезнейшим образом подрывает политические позиции врагов мирного урегулирования и разрядки напряженности в Европе. В том же направлении дей-

---

[9] Западногерманский политолог В. Д. Нарр, предпринявший специальное исследование эволюции партийных программ и политической практики ХДС и СДПГ, показал стирание граней между идеологиями этих партий и предсказал возникновение большой коалиции (W. D. Narr. Op. cit.).

[10] См. «Проблемы мира и социализма», 1968, № 6, стр. 86 и сл.

[11] «Parteitag der SPD in Dortmund, Protokoll der Verhandlungen». Bonn, 1966, S. 291.

[12] W. D. Narr. Op. cit., S. 121.

ствовал руководитель западногерманских социал-демократов и глава правительства ФРГ В. Брандт на встрече с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Крыму в сентябре 1971 г.

Однако курс правительства ФРГ, руководимого социал-демократами, для того чтобы быть эффективным, требует преодоления традиций, сложившихся в ФРГ почти за 20 лет господства ХДС.

Краткий экскурс в социал-демократическую идеологию обнаруживает близость многих ее положений со взглядами буржуазных идеологов на классовые отношения, характер и цели государства и др. Создание в ФРГ правительства во главе с социал-демократами облегчает пропаганду социал-реформистских концепций.

Характерная особенность идеологической деятельности государства в ФРГ состоит в стремлении руководящих политических кругов выработать «универсальную» идейно-политическую концепцию для идеологической интеграции всех общественных сил. Примером такой концепции может служить теория «сформировавшегося общества», разработанная идеологическим штабом ХДС и предложенная в 1965 г. бывшим в то время канцлером Л. Эрхардом [13]. Эта теория вобрала в себя основные идеи социальной доктрины клерикалов и такие ее основополагающие понятия, как «общее благо», «солидарность» и «субсидиарность». Однако она ассимилировала и другие буржуазные идеи, в особенности позитивистского толка, и отошла от прямого теологического толкования общественных явлений, преследуя цель завербовать самые широкие круги, в том числе не подверженные влиянию клерикальной доктрины. Вместе с тем она приобрела и более прагматистский характер как программа действий, которую правящие круги намеревались навязать всему обществу. «Универсальность» теории «сформировавшегося общества» непосредственно связана с попытками господствующих сил выработать «единое общественное сознание».

Неспособная разрешить нереальную задачу полной унификации идеологии в условиях сохранения экономических и политических противоречий, доктрина «сформировавшегося общества» открыла возможность консолидации антидемократических сил. После ее провозглашения лидеры правой социал-демократии поспешили выступить со своей теорией «открытого» или «зрелого» общества. Эта доктрина, призванная якобы дать социал-демократический ответ на теорию «сформировавшегося общества», отличалась от последней не столько принципиально, сколько

---

[13] 12 основополагающих тезисов теории «сформировавшегося общества» изложены в теоретическом органе ХДС. (См. «Geselschaftspolitische Kommentare», 1965, N 13/14).

в тактическом отношении. Тем же целям затушевывания социальных противоречий служит, по сути дела, и доктрина «согласованного действия», главным адептом которой выступает социал-демократический министр экономики и финансов К. Шиллер. Она призывает к «согласованию» интересов и действий государства, предпринимателей и трудящихся.

Идеологическая деятельность западногерманского государства может быть понята лишь с учетом активизации в последние годы неонацистских сил, ставящих в числе других своих задач задачу идеологической обработки населения. Опасность нацификации официальной политической доктрины в период существования правительства ХДС была вполне реальной и близость основных положений неонацистской пропаганды главным лозунгам правых сил, имеющих доступ к рычагам государственной власти, очевидна и теперь.

Неонацизм не чужд западногерманской политической системе. Более того, он является прямым порождением антидемократических тенденций, долгие годы безраздельно господствовавших во внутренней и внешней политике ФРГ. В стране не только никогда не были выкорчеваны до конца экономические, политические, идеологические корни нацизма, но в ее государственном аппарате до сих пор работают люди, в прошлом тесно связанные с фашизмом. Еще в 1968 г. они занимали почти 200 ведущих должностей в бундесвере, более 200 — в министерстве иностранных дел, более 1 тыс. в области юстиции [14]. Государственный аппарат еще далеко не очищен от носителей нацистской идеологии.

Опасным рассадником и пропагандистом неонацистских идей стала образованная в ноябре 1964 г. Национал-демократическая партия. В сущности идеологи НДП пропагандируют идеи, отчасти родственные политической доктрине бывшей правящей партии — ХДС. В последние годы возникла прямая опасность проникновения неонацистских сил в государственный механизм, а значит, и использования его этими силами, в частности в идеологических целях. К концу 1968 г. НДП имела своих депутатов в 7 из 10 земельных парламентов и в 140 районных представительствах [15]. Идеологический багаж, который НДП собиралась принести с собой в западногерманский парламент и правительство, состоял в проповеди крайнего национализма, антикоммунизма, милитаризма и антидемократических социально-политических концепций.

Избегая пока выступать с развернутыми требованиями о реорганизации государственного механизма, теоретики НДП все

---

[14] См. «Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der BRD und WB». 3. Anflage. Berlin, 1968, S. 9.

[15] «Stadt und Gemeinde», 1968, N 9, S. 23.

же с полной определенностью говорят о необходимости усиления власти, в частности о превращении президента в не зависимый от парламента орган и, конечно, решительно поддерживают чрезвычайное законодательство [16].

Весьма определенна их внешнеполитическая программа. Во имя восстановления интересов «немецкого народа» они требуют отмены Потсдамских решений, ликвидации ГДР, «восстановления» германского рейха сначала в границах 1937 г., а затем и в более широких границах. В тесной связи с этими требованиями находятся призывы к усилению западногерманской армии, оснащению ее ядерным оружием и освобождению от контроля со стороны союзников по НАТО. Достижение на этом пути «единства Германии» должно послужить основой «единства Европы» под западногерманской гегемонией.

Шаги правительства Брандта — Шееля, соответствующие нуждам разрядки напряженности и развития общеевропейского сотрудничества, вызвали тревогу в лагере правых сил и повели к созданию идейно-политического блока, в котором решающую роль играют правые клерикалы, НДП и западногерманская военщина.

Наряду с различными концепциями, претендующими на отражение общественной жизни во всех ее главных аспектах (концепциями, отличающимися своими философскими корнями, политическими оттенками и проработкой деталей), серьезное место в идеологической деятельности западногерманского государства занимают теории, имеющие целью апологию самого буржуазного государства. Главенствующая роль среди них принадлежит теории «правового государства».

В различных модификациях она служит идеологическим оружием всех политических сил, поддерживающих господствующий в ФРГ режим. Непосредственно отраженная в ст. 3, 19, 20 и 28 Основного закона, эта доктрина приобрела характер официального политического кредо.

Западногерманские правящие круги увидели в теории «правового государства» средство внушить представление о том, что государственный строй, установившийся на западе Германии после 1945 г., не имеет якобы ничего общего с нацистским рейхом. «Правовое государство» прикрывало возрождение механизма политической власти германского империализма, растущую власть государственной машины над обществом.

В политической практике ФРГ теория «правового государства» служила оправданием всех основных посягательств на демократию, которым стараются по возможности придать вид «легальных» мероприятий. Во имя «защиты правового государства» была запрещена в ФРГ компартия; интересами сохра-

[16] См. DdZ, 1968, N 399, S. 1.

нения правовой государственности оправдывается введение чрезвычайных законов, целям антикоммунизма служит противопоставление «свободного правового государства» в ФРГ и «тоталитарного» строя социалистических государств.

В течение двух десятилетий одним из самых важных направлений идеологической деятельности западногерманского государства была пропаганда необходимости политического переустройства Европы на началах, выгодных империалистическим силам ФРГ. Требование пересмотра политического положения, сложившегося в послевоенной Европе, было обычным мотивом программных выступлений ведущих политических деятелей ХДС/ХСС. Один из самых влиятельных представителей правых сил Ф.-Й. Штраус изложил программу реорганизации европейской политической жизни в своей книге «Проект для Европы», а затем развил ее основные тезисы в вышедшей в 1968 г. книге «Вызов и ответ. Программа для Европы». Пересмотр европейского status quo — одна из ведущих мыслей этих сочинений. Штраус недвусмысленно формулирует ее в следующих словах: «Только решительная инициатива может помочь нам освободиться от оков status quo».

Поворотом в политике западногерманского правительства к реальности в отношениях с социалистическими странами стал Договор от 12 августа 1970 г., по которому правительство ФРГ обязалось воздерживаться от угрозы силой или ее применения, соблюдать территориальную целостность европейских государств, уважать сложившиеся в Европе границы, в том числе границу по Одеру — Нейсе и границу между ФРГ и ГДР.

Важнейший шаг в этом же направлении был сделан в итоге подписания Крымского коммюнике в сентябре 1971 г. Однако после этого реваншистская политика и идеология не стали уделом истории, ибо они пустили глубокие корни в стране. Носители этой идеологии остаются в ФРГ реальной политической силой, которая, находясь в оппозиции, не утратила своего политического влияния и позиций в государственном механизме. Они намерены и впредь отстаивать свой реакционный курс.

Глава II

Конституционный механизм на службе официальной идеологии

Для идеологической обработки массы населения в ФРГ создана разветвленная система специализированных министерств, ведомств и организаций, главной или даже единственной задачей которых является внедрение в общественное сознание концепций, теорий и представлений, выгодных правящим силам. Однако идеологическую функцию осуществляют не только эти специальные учреждения, но и основные звенья государственного конституционного механизма: парламент, правительство, судебная система.

По исторически сложившейся традиции деятельность парламента в ФРГ не пользуется таким вниманием общественности, как в Англии или Франции — классических странах буржуазного парламентаризма. Ведущие парламентарии ФРГ отдают себе в этом отчет. Так, вице-президент бундестага К. Шмид в статье «Германский бундестаг в конституционной деятельности» писал, что еще в период Веймара государство в глазах народа идентифицировалось не с парламентом, а с рейхсвером и бюрократией. Хотя роль боннского бундестага формально возросла, «дебаты на пленарных заседаниях парламента и сегодня лишь изредка ведут к самостоятельным решениям или могут преподнести сюрприз» [18].

И все же парламентская трибуна — удобное место для пропаганды официальных концепций и взглядов по вопросам внутренней и внешней политики. В качестве примера можно упомянуть хотя бы многолетние парламентские дебаты о «социальной реформе», которые не только порождали у населения ФРГ представления о «социальном» характере государства, но одновременно внушали ему мысль о том, что государственная власть не может в интересах «сохранения свободы» граждан «навязывать» им свою помощь в виде пенсий, субсидий, бесплатной медицинской помощи и т. п. Важным аргументом при этом стал так называемый принцип субсидиарности, играющий большую роль

[18] «Adenauer und die Folgen». München, 1965, S. 53.

в политической доктрине клерикализма и сводящийся к тому, что государственное вмешательство в экономические, социальные и иные отношения должно быть ограниченным, «субсидиарным».

Бундестаг долгие годы был рупором агрессивных внешнеполитических концепций боннских властей. После подписания Договора от 12 августа 1970 г. парламент стал местом арьергардных боев правых сил, отстаивающих опасные для дела мира реваншистские концепции.

Еще более серьезное влияние, чем парламентские дебаты, оказывают на общественное сознание принимаемые парламентом законы, которые подкрепляют авторитетом народного представительства идеологические построения господствующих сил.

Наиболее универсален в этом смысле Основной закон ФРГ (утвержденный, правда, не бундестагом, а парламентами земель). Он служит важнейшим источником иллюзорных представлений о всей политической системе Западной Германии и широко используется в этом плане в парламентской практике, в печати, публицистике, в обращениях к самым разным по составу и масштабам аудиториям. Распространение конституционных иллюзий — одно из важнейших средств оказания идеологического влияния на массы.

Если верить тексту Конституции, народ ФРГ — важнейший фактор политической жизни. Ст. 20 Конституции провозглашает Западную Германию демократическим и социальным государством, в котором вся власть исходит от народа и осуществляется народом. Формированию его воли служат, согласно Конституции, и политические партии (ст. 21).

В разной связи Конституция неоднократно провозглашает «правовой» характер государства (ст. 3, 20, 28), выдвигает «общее благо» в качестве мотивировки конституционных норм (ст. 14), декларирует разнообразные права и свободы граждан, осуждает агрессивные действия, обосновывает систему «разделения властей». Выдавая конституционные нормы за действительность, господствующие в ФРГ круги отвлекают внимание масс от насущных проблем развития подлинного парламентаризма, борьбы за демократическое обновление и мир.

Вместе с тем Конституция фиксирует и такие реальные явления, как частную собственность, исторически изживший себя федерализм, сильную правительственную власть. Эти нормы также имеют немалое идеологическое значение, утверждая незыблемость существующих порядков и предостерегая от всякого посягательства на них, которое может преследоваться как антиконституционное.

Серьезный идеологический заряд несут в себе и многие обычные законы ФРГ. Укажем в качестве примера на принятый бундестагом в мае 1967 г. «Закон о поддержании стабильности и

развитии экономики». Этот закон, типичный для системы государственно-монополистического капитализма, серьезно расширяет возможности вмешательства центральной правительственной власти в хозяйственные процессы, ограничивает права парламента и местных органов власти. Однако он призван в то же время создать иллюзию заботы государства о стабильности экономики в интересах обеспечения благосостояния населения ФРГ.

Заслуживает упоминания и «Закон об организации предприятий», принятый в 1952 г. В руках предпринимателей и государственных органов ФРГ он послужил серьезным орудием в борьбе с профсоюзным движением, но принятие его сопровождалось разговорами об участии рабочих в управлении предприятиями как проявлении «социального партнерства». В ряде параграфов этот закон предписывал рабочим и предпринимателям сотрудничество во имя «общего блага» в типичных выражениях социальной доктрины клерикалов. Новый закон, принятый в конце 1971 г., не внес решающих изменений в этот раздел законодательства.

Не могут не обратить на себя внимания идеологические задачи, которые решались в связи с принятием целой серии законов об изменении уголовного права. Принятые в период с 1951 по 1968 г., эти законы имели своей важнейшей целью легализацию преследований за демократические политические убеждения.

Несомненно, вся система чрезвычайных законов, принятых западногерманским бундестагом, предусматривала идеологическую обработку населения ФРГ. Важнейшим доводом откровенно антикоммунистического свойства, мотивирующим реакционнейшие внешнеполитические акции и внутриполитические мероприятия, явился тезис об «особой угрозе» Западной Германии, исходящей от Советского Союза и других социалистических стран, а также от коммунистических «подрывных» сил, действующих изнутри. Вот эта, ничем не обоснованная по существу, но весьма выгодная для реваншистов и врагов демократии идея служит основой всей концепции чрезвычайного законодательства. Важнейшая цель чрезвычайных законов состоит в том, чтобы внушить населению ФРГ мысль о перманентной внешней и внутренней угрозе, внедрить эту идею в конституционное право страны, с тем чтобы оправдать военный психоз и наступление на демократию. Не случайно западногерманский юрист Х. Риддер отмечал, что «важнейшая функция всех чрезвычайных мероприятий — запугивание, а не провозглашаемая защита населения» [19].

Мысль об угрозе, которая в любой момент может возникнуть для ФРГ, пронизывает в сущности весь закон от 24 июня 1968 г.

---

[19] «Notstandsordnung und Gesellschaft in der Bundesrepublik». Reinbeck, 1967, S. 30.

об изменении Конституции, ставший стержнем чрезвычайного законодательства: «в целях обороны», «для обеспечения повышенной обороноспособности» или для «защиты населения» предусматриваются меры по ст. 12. «Для предотвращения опасности, угрожающей существованию или основам свободного демократического строя» вводит новые нормы ст. 91. Целая новая глава Конституции (Ха) посвящена «обстановке внешней угрозы» в случае «вооруженного нападения» на ФРГ или «угрозы такого нападения» [20].

В ФРГ сложилась система законов, базирующихся на доктрине единоличного представительства. Например, «Закон об организации таможенного дела» от 14 июня 1961 г. (в редакции от 1 января 1962 г.), «Закон о налоге с оборота» от 29 мая 1967 г. и ряд других рассматривают в качестве территории ФРГ территорию германского рейха в границах 1937 г., т. е. посягают на суверенитет социалистических государств [21].

Прямым вмешательством во внутренние дела не только этих стран, но также Франции, Бельгии, Австрии и других государств является «Закон о дополнении закона, изменяющего правовое положение фирм» от 3 августа 1967 г. Этот закон предоставляет западногерманским ведомствам право распоряжения имуществом фирм, которые были образованы на основе германского права до 8 мая 1945 г. вне территории нынешней Западной Германии [22].

Законодательство ФРГ, сложившееся в годы господства ХДС/ХСС, пытается распространить властные полномочия западногерманского государства не только на территории и имущество, но и на граждан других государств. Так, «Закон о регулировании вопросов гражданства» от 22 февраля 1955 г. рассматривает в качестве граждан ФРГ всех, кто был провозглашен германскими гражданами в нацистских законах и распоряжениях, возникших в связи с Мюнхенским соглашением и ему подобными неравноправными договорами, а также в связи с оккупацией территорий европейских стран во время гитлеровской агрессии [23].

Откровенно попирает общепризнанные нормы международного права, посягая на суверенитет других государств, «Закон о временном освобождении от немецкой подсудности» от 23 июня 1966 г. Этим актом власти ФРГ присваивали себе право освобождать от юрисдикции ФРГ тех немцев, которые проживают вне сферы действия западногерманской Конституции. Презюмировалось, что в принципе немцы, являющиеся гражданами ГДР

---

[20] «Bundesgesetzblatt», 1968, I, S. 709 (далее — BGBl).
[21] BGBl, 1961, I, S. 737; BGBl, 1967, I, S. 545.
[22] BGBl, 1967, I, S. 839.
[23] BGBl, 1955, I, S. 65.

и других государств, подпадают под действие законов Западной Германии и должны подчиняться ее судебным решениям[24].

Будучи основным звеном конституционного механизма ФРГ, правительство выступает как авторитетнейший выразитель идеологии господствующих сил. В Западной Германии эта его функция оправдывается даже конституционной нормой: ст. 65 Основного закона указывает, что именно федеральный канцлер «устанавливает основные положения политики». Очевидно, что формулирование принципов правительственной политики — задача, в решающей мере идеологическая.

С полной определенностью на осуществление такой функции правительством указывают и западногерманские авторы. Например, известный западногерманский профессор В. Ляйснер пишет: «Конечно, правительство проводит информационную работу, чтобы укрепить и усилить свои позиции, чтобы остаться у власти или расширить ее. В этом плане информация о деятельности самого правительства служит первой цели, а «информация о Германии» — цели второй. Вот почему вполне оправдана интенсивность этой деятельности вплоть до прямой «пропаганды», не нарушающей крайних пределов, положенных системой основных прав. Эта деятельность как таковая является типичным проявлением правительственной власти. Информационная деятельность выступает, таким образом, как «обеспечение политической власти, хотя и без использования силы государства», а значит, как очевидное осуществление властных полномочий»[25].

Косвенным выражением идеологической деятельности западногерманского правительства служит появление в ФРГ целой серии книг, написанных ведущими политическими деятелями и обращенных к самой широкой аудитории. Только в последние годы вышли книги нынешнего федерального канцлера В. Брандта, министра обороны Х. Шмидта, министра по особым поручениям Х. Эмке, бывших министров Ф.-Й. Штрауса, Л. Эрхарда, Г. Штольтенберга и др.[26] Разумеется, эти книги не следует отождествлять с официальными правительственными декларациями, но отвлечься от того факта, что написаны они видными правительственными деятелями, невозможно.

Обработке общественного мнения служат правительственные решения, мотивировки проектов законов, программные заявле-

---

[24] BGBl, 1966, I, S. 453.

[25] W. Leisner. Öffentlichkeitsarbeit der Regierung im Rechtsstaat. Berlin, 1966, S. 72.

[26] См. W. Brandt. Friedenspolitik in Europa. Frankfurt (Main), 1968; H. Schmidt. Strategie des Gleichgewichtes. Stuttgart, 1969; H. Emke. Politik der praktischen Vernunft. Frankfurt (Main), 1969; F. J. Strauß. Op. cit.; L. Erhard. Deutsche Wirtschaftspolitik. Der Weg zur Sozialen Marktwirtschaft. Frankfurt (Main), 1962; G. Stoltenberg. Hochschule, Wissenschaft, Politik. Frankfurt (Main), 1969.

ния, особенно в связи с формированием нового правительства. Идеологической основой правительственных акций является идеология политических партий, выдвигающих бундесканцлера и министров. Разумеется, вопросы текущей политики преобладают во многих решениях и заявлениях правительства, но сами они базируются на более общих идейных концепциях, а зачастую прямо выражают их.

Сложившаяся в ФРГ политическая традиция, подкрепленная конституционными положениями, привела к созданию «демократии канцлера», в условиях которой важнейшим выразителем официальной идеологии является глава правительства — бундесканцлер. Не случайно период многолетнего бессменного господства Аденауэра получил в публицистике даже название «эры Аденауэра». С именем этого человека неразрывно связана выработка основных начал официальной идеологии, которые были в принципе восприняты его преемниками по партии ХДС.

Первейшей заботой Аденауэра было утверждение антикоммунистического курса ФРГ. В книге, написанной 17 видными западногерманскими социологами, политиками, юристами и подводящей итоги «эры Аденауэра», со всей определенностью подчеркивается это обстоятельство: «Антикоммунизм, сопровождаемый непрерывными заявлениями об исключительной серьезности внешнеполитического положения, давно стал прочной составной частью пропагандистских походов бундесканцлера» [27].

С первых шагов боннского правительства, возглавляемого Аденауэром, основой его идеологической деятельности стал антисоветизм, оправдываемый «нуждами спасения Европы и цивилизации вообще». В характерных для лидера христианской партии выражениях Аденауэр убеждал своих сограждан бороться с советским влиянием. «Каждый из нас, христиан-католиков,—говорил он,— обязан сотрудничать в этом деле, потому что вопрос со всей остротой поставлен так: останется ли Европа христианской или подчинится варварам...» [28].

Аденауэр многократно выступал с категорическими заявлениями, оправдывающими притязания ФРГ на право «единоличного представительства» всей Германии, и отрицал существование ГДР как суверенного государства. Именно одному из его ближайших сотрудников, В. Хальштейну, принадлежит авторство в создании известной доктрины, угрожающей внешнеполитическими осложнениями странам, готовым сотрудничать с ГДР.

Именно правительству ФРГ принадлежит инициатива судебного запрета Компартии Германии как носительницы «враждебной» идеологии. Добившись запрета КПГ, правительство Аденау-

---

[27] «Adenauer und die Folgen», S. 89.

[28] «Bulletin des Presse-und Informationsamtes der Bundesregierung», 22.VII 1952.

эра попыталось исключить из политической жизни передовое мировоззрение современности. Это ли не очевидное доказательство идеологической деятельности правительства?

Характерно, что в борьбе с демократическими силами внутри страны оно пользовалось доводами из арсенала католического социального учения. Например, постановление правительства от 19 сентября 1950 г., изгонявшее из государственного аппарата членов многих демократических организаций, мотивировалось «природой» государства.

Существенное место в пропагандистской деятельности правительства занимает апология капиталистических порядков в ФРГ.

Первой же кампанией, которую Аденауэр возглавил в только что созданном боннском парламенте, была кампания в защиту рурских промышленных магнатов от национализации. «Для будущего Германии,— пишет буржуазный публицист Э. Дзелепи,— эта борьба имела кардинальное значение: речь шла о судьбах германской тяжелой промышленности, то есть, другими словами, об экономическом строе будущего западногерманского государства» [29]. Выражая интересы крупного западногерманского капитала, Аденауэр не скупился на социальную демагогию, провозгласив необходимость «социальной реформы», которая на практике не вышла за рамки парламентских словопрений.

В пропаганде официальных экономических концепций особую роль сыграл второй бундесканцлер ФРГ Л. Эрхард. Дипломированный экономист и социолог, он выступил с развернутым обоснованием «социального рыночного хозяйства», обеспечивающего «благосостояние всем и каждому». В заявлении Эрхарда от 10 ноября 1965 г. в бундестаге говорилось, в частности: «Федеральное правительство полно решимости проводить политику социального рыночного хозяйства и таким образом обеспечить экономические основы общества, все прочнее утверждающегося на позициях свободы и мира» [30]. В Западной Германии он выступил главным проповедником «народного капитализма», основанного на «народных акциях». Эта теория и соответствующая ей практика преследовали цель приглушить недовольство трудовых слоев населения несправедливым распределением национального богатства. Однако параллельно с такими концепциями Л. Эрхард решительно критиковал в области социальной политики «всеобщий, всеобъемлющий принцип общественного страхования». В полном соответствии с социальной доктриной клерикалов он с трибуны бундестага осуждал его как противоречащий свободе граждан. Г. Кизингер, очередной канцлер ФРГ, в своем первом же правительственном заявлении также счел необходимым прославить «свободное рыночное хозяйство, далеко

[29] З. Дзелепи. Конрад Аденауэр: легенда и действительность. ИЛ, 1960, стр. 58.

[30] DdZ, 1965, N 347, S. 15.

превосходящее все другие системы». Однако в соответствии с нуждами монополистического капитала он обосновал необходимость «новой политики глобального регулирования», которая отразилась, в частности, в «Законе об обеспечении стабильности и развития экономики», подготовленном правительством ФРГ [31].

Важнейшей идеологической задачей правительства всегда было стремление примирить классовые противоречия, создать иллюзию гармоничного, бесконфликтного общества. Разработанная клерикальными социологами теория «сформировавшегося общества» была провозглашена в 1965 г. в качестве части официальной правительственной программы. Выступая с ее обоснованием в бундестаге, Л. Эрхард говорил: «Сформировавшееся общество — отнюдь не филантропическая иллюзия. Оно не рассчитано на несуществующий тип идеального человека. Это современное промышленное общество, конечно, не свободно от противоречивых интересов. Но такие противоречия не предстают теперь как элементы распада общественного целого, а служат скорее движущей силой постоянного уравнивания интересов во имя общего блага» [32].

Главным идеологическим новшеством правительства «большой коалиции» явилась демонстрация сотрудничества сил, которые до того казались непримиримыми. Согласие социал-демократического руководства с политикой и идеологией ведущей буржуазной партии выдавалось за доказательство преодоления антагонистических противоречий в обществе.

Особую популярность приобрел в конце 60-х годов социал-демократический министр экономики К. Шиллер, который и сейчас, сохраняя этот пост, развивает идеи «социальной симметрии» и «согласованного действия» различных классов, что означало на практике подчинение интересов и организаций рабочего класса монополиям.

Большое место в пропагандистской деятельности правительства ФРГ отводится апологии существующей политической системы. «Основные вопросы права и правовой политики,— говорилось, например, в правительственном заявлении от 10 ноября 1965 г.,— имеют большое значение в нашем правовом государстве» [33]. Под лозунгом развития и совершенствования «правового государства» правительство ФРГ приложило немало усилий, чтобы убедить население в необходимости структурных изменений в законодательстве и государственном механизме, означающих в действительности отступление от конституционных основ государственного строя. Наиболее ярким свидетельством этого процесса было принятие разработанных и обоснованных правительством чрезвычайных законов.

[31] DdZ, 1967, N 373, S. 21.
[32] DdZ, 1965, N 347, S. 14.
[33] Ibid., S. 19.

Интересами развития демократии в современных условиях обосновывается сейчас правительственная программа «большой политической реформы», предусматривающая ограничения парламентаризма и дальнейшее усиление исполнительной власти.

Деятельность судебной системы ФРГ как нельзя более приспособлена для утверждения в сознании населения идеологических концепций правящих кругов. Суд по характеру своей работы обязан выносить оценочные суждения с позиций определенного мировоззрения. Внешние атрибуты состязательности, соблюдение особых процессуальных форм должны придавать судебным решениям ореол особой убедительности, справедливости.

Идеологический характер деятельности судов ФРГ определяется уже самим содержанием применяемых ими правовых норм, в особенности уголовного законодательства, закрепившего принцип уголовной ответственности за убеждения. Еще во время обсуждения в бундестаге первого закона об изменении уголовного права в 1951 г. депутат КПГ В. Фиш указывал: «Момент насилия не играет здесь (т. е. при оценке преступного деяния.— *Ю. У.*) вообще никакой роли. Тюрьмой и каторгой наказывают того, кто придерживается иных убеждений, иной политической идеологии, других политических установок, чем те, которые рассматриваются в западногерманском государстве как официальные, как желательные» [34].

Вся последующая практика западногерманской юстиции подтвердила справедливость этого заявления. Даже нынешний президент ФРГ Г. Хайнеман, в интервью с корреспондентом радио, оценивая через полтора десятка лет итоги действия закона 1951 г. об изменении уголовного права, признавал, что суды «расширительно толковали» и без того крайне расплывчатые статьи закона, направляя их против граждан, симпатизирующих другой общественной системе.

Об ожесточенной борьбе с идейными противниками правящих кругов средствами юстиции свидетельствует размах политических репрессий в ФРГ. С 1950 г. до конца 60-х годов было возбуждено следствие против 270 тыс. антифашистов и демократов. 90% тех, кто был в итоге следствия привлечен к суду, были осуждены. В связи с подъемом юношеского движения в ФРГ только за один 1968 г. было возбуждено 3 тыс. дел против молодых борцов за мир и прогресс; 220 студентов и молодых рабочих были присуждены к высоким денежным штрафам и отбыванию наказания в тюрьмах.

Не менее существенно и то обстоятельство, что в процессы идеологического характера в качестве свидетелей втягиваются родственники, коллеги, друзья обвиняемых — широкий круг лиц.

---

[34] «Staat ohne Recht». Berlin, 1959, S. 73.

Кроме того, в ФРГ не раз практиковались так называемые показательные процессы по политическим делам, специальная цель которых — обработка общественного мнения в духе концепций господствующих сил.

Участие судов в осуществлении идеологической функции государства отражено в структуре судебной системы ФРГ. Вопреки прямому запрету ст. 101 Основного закона, отвергающему чрезвычайные суды, в стране создан строго централизованный аппарат политической юстиции, задача которого состоит в рассмотрении дел по обвинению в политических преступлениях. Важным инструментом идеологического воздействия служит федеральный конституционный суд, который имеет право толкования Конституции, законов и оценки характера политических партий, а значит, их идеологических основ.

Основные идеологические цели юстиции ФРГ не отличаются, конечно, от тех, которых добиваются другие государственные органы, ведомства и учреждения; разница лишь в средствах. Антикоммунизм как одно из кардинальных направлений идеологической деятельности просматривается в работе судов в ФРГ с полной очевидностью. Даже если бы юстиция ФРГ ограничивалась только запретом Коммунистической партии Германии, идеологический характер ее деятельности был бы неоспорим.

Федеральный конституционный суд построил свое обвинение против КПГ именно на попытке дискредитировать мировоззрение компартии. Из 160 страниц текста решения, обосновывающего «антиконституционность» КПГ, более 120 страниц суд посвятил истолкованию марксистско-ленинского учения, доказывая, что следование этой идеологии угрожает основам «свободного демократического строя». Весьма интересна в этом отношении соответствующая мотивировка решения суда: «Партия антиконституционна уже в том случае, если она стремится к иному социальному и политическому выражению свободной демократии, чем ныне существующее в ФРГ» [35].

Судебное осуждение марксистско-ленинской идеологии было осуществлено в ФРГ отнюдь не только в процессе против КПГ. Например, в ноябре — декабре 1957 г. Федеральная судебная палата провела процесс против известного экономиста, социал-демократа В. Агарца. Подсудимому вменялось в вину, в частности, то, что в издаваемом им журнале отстаивались марксистские взгляды.

На основе решения о запрете КПГ западногерманские власти выработали понятие «организации, заменяющей КПГ». Объединения, попадающие под такое определение, также подлежали запрещению. Характерно, что судебная практика истолковала это

---

[35] «Das Verbot der KPD, Urteil des BVG». Karlsruhe, 1956, S. 715 (далее — «Das Verbot»).

понятие именно как близость идейных устремлений КПГ и других дискриминируемых организаций. Решение Федеральной судебной палаты, принятое осенью 1961 г., разъясняло, что речь идет не об организационных связях с запрещенной КПГ, а о совпадении «лозунгов и целей».

Создание в 1969 г. Германской коммунистической партии — свидетельство вынужденной уступки властей ФРГ и большой победы демократических сил Западной Германии. Однако оно не устранило судебного запрета КПГ и связанного с ним формального осуждения коммунистической идеологии. В феврале 1968 г. властями ФРГ был полностью изъят тираж Проекта программы ГКП. В мае 1969 г. земельный суд Фленсбурга объявил эту конфискацию незаконной. В феврале 1970 г. в дело вмешалась Федеральная судебная палата в Карлсруэ, отменившая решение земельного суда по причине «антиконституционности» Проекта программы ГКП. В июне 1971 г. суд Фленсбурга вновь подтвердил свое решение, которое было на этот раз опротестовано прокуратурой. Так высокие органы юстиции ФРГ на свой лад откликнулись на новшества в правительственной политике.

Суды ФРГ стоят на страже капиталистических порядков и всегда готовы провозгласить незыблемость частной собственности и эксплуатации. Очень красноречивы в этом отношении некоторые пункты решения ФКС о запрете КПГ. В решении ФКС доказывается, в частности, что не классовая принадлежность определяет положение человека в обществе, а его способность к «примирению» различных интересов и идей: «Свободная демократия,— говорится в нем,— не считает, что экономический факт существования наемного труда на службе у частных предпринимателей сам по себе можно рассматривать как эксплуатацию». Государство, по утверждению ФКС,— не орудие подавления эксплуатируемых, а «инструмент в процессе социального уравнивания» [36].

Примирение классовых противоречий как общественную необходимость настойчиво проповедуют и другие судебные решения, в частности, решение Федерального трудового суда от 30 октября 1958 г. по делу профсоюза металлистов. В основу всей концепции обвинения на этом процессе было положено требование соблюдения «мира на предприятии», без которого рушится «свободная социальная автономия», понимаемая как сотрудничество рабочих и предпринимателей. За нарушение этого «мира» профсоюз металлургов был присужден к уплате промышленникам Шлезвиг-Гольштейна 37 млн. марок в порядке «возмещения ущерба».

Немало потрудились судебные органы ФРГ над обоснованием принципиальных концепций, оказывающих влияние на состояние

---

[36] «Das Verbot», S. 646—647.

демократии в ФРГ. Характерен в этом отношении, например, исход спора правительства и общественности по поводу толкования конституционного понятия демократии. Даже в либерально-буржуазной трактовке провозглашение Конституцией (ст. 20) всевластия народа означает возможность внепарламентских политических выступлений. Однако еще правительство Аденауэра настаивало на том, что в ФРГ существует не «непосредственная», а «представительная» демократия, при которой принятие принципиальных политических решений — дело парламента, а не населения. Как нарушение этого принципа правительство рассматривало призыв КПГ к народному опросу против ремилитаризации и за заключение мирного договора с Германией. Кульминационного пункта спор об истолковании понятия демократии достиг весной и летом 1958 г., когда бундестаг (в марте 1958 г.) принял решение, допускающее в принципе атомное вооружение бундесвера, и отклонил требование депутатов СДПГ о проведении народного опроса об атомном вооружении (законы об осуществлении такого опроса были приняты в Гамбурге и Бремене, а также в ряде городов и общин земли Гессен). Вот здесь-то и был пущен в ход механизм конституционной юстиции. ФКС объявил народный опрос об атомном вооружении средством политического давления земель на федеральные органы и запретил его как антиконституционный. Таким образом, юридический аргумент ФКС послужил очернению идеи непосредственной демократии[37].

Тем же целям сковывания внепарламентской политической активности служат и многочисленные судебные решения, отрицающие право трудящихся на политическую забастовку. Эта мысль характерна, в частности, для упоминавшегося уже решения Федерального трудового суда по делу профсоюза металлистов от 30 октября 1958 г. Другая судебная инстанция — Федеральная судебная палата, выполняющая функции Верховного суда,— на процессе Ю. Ангенфорта в 1955 г. расценила как подготовку государственной измены призыв к политической стачке, исходивший от Союза свободной немецкой молодежи.

Поддержку судов находят и милитаристские концепции. В этой связи можно упомянуть в качестве примеров решение ФКС от 30 июля 1952 г. об отказе рассмотреть вопрос о неконституционности Парижских соглашений; осуждение земельным судом Дюссельдорфа 8 апреля 1960 г. западногерманского комитета защиты мира; запрет народного опроса об атомном вооружении.

Весьма показательной в идеологическом отношении была реакция судебных властей ФРГ на подъем студенческого движения в 1968—1969 гг., развернувшегося против засилья в газетном деле печатного короля Шпрингера и против принятия чрез-

[37] «Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart». Tübingen, 1960, S. 89.

вычайных законов. Несмотря на признанные Конституцией ФРГ право на демонстрацию (ст. 8) и даже право на сопротивление (ст. 20, п. 4), западногерманские суды расценивали действия студентов как уголовно наказуемые.

Чем объясняется линия поведения судов, когда они совершенно безосновательно подводили участие студентов в сооружении баррикад или в сидячей забастовке перед издательством шпрингеровской газеты «Бильдцайтунг» под действие § 125 п. 2 УК, устанавливающего уголовную ответственность за нарушение общественного порядка с применением насильственных действий? В решениях судов прямо указывалось, что «право на демонстрацию должно служить укреплению государства», а не расшатывать его устои [38].

Обобщая такого рода судебную практику, западногерманский профессор Мартин Криле расценивает ее как проявление процесса «политической функционализации» права [39]. Иными словами, речь идет о политизации деятельности судебных органов.

В практике западногерманских судов неоднократно применялась теория единоличного представительства всей Германии властями ФРГ. Многочисленные решения судебных инстанций, в том числе высших, распространяют юрисдикцию Западной Германии на чужие территории. Например, решение Федеральной судебной палаты от 11 февраля 1954 г. рассматривало территорию ГДР как внутреннюю область ФРГ. Решение того же суда от 22 сентября 1955 г. распространяло юрисдикцию Западной Германии на территорию бывшей Германской империи в границах 1937 г. Таково же содержание решения ФКС от 6 октября 1955 г. Таким образом, суды ФРГ в нарушение ст. 25 Конституции в своих решениях закрепляли агрессивную доктрину западногерманских империалистических сил.

Чрезвычайно велика роль судов ФРГ в создании атмосферы снисхождения к военным и нацистским преступникам и тем самым к нацистской и неонацистской идеологии. Знаменательно, что за четверть века после окончания войны судами ФРГ было осуждено лишь 6192 военных и нацистских преступника (данные на конец 1970 г.). Каждый третий обвиняемый на этих процессах был оправдан. Не был осужден ни один видный сотрудник Имперской службы безопасности, ни один нацистский судья, гаулейтер или ныне здравствующий гитлеровский генерал.

В тех случаях, когда боннская юстиция под давлением общественности все-таки выносит приговоры о наказании нацистских убийц, наиболее серьезные кары обрушиваются на голову рядовых исполнителей, в то время как главные организаторы массовых убийств отделываются ничтожными сроками заключения. Имен-

---

[38] Цит. по: «Juristenzeitung», 1969, H. 22.
[39] «Zeitschrift für Rechtspolitik», 1969, H. 7, S. 145.

но так было в крупнейшем из прошедших до сих пор процессов по таким делам в Западной Германии — в процессе по делу палачей Освенцима.

Западногерманские суды активно поддерживали правительственную концепцию о применении сроков давности к нацистским и военным преступникам, противоречащую Уставу Международного военного трибунала и Конвенции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 26 ноября 1968 г. Когда возмущение мировой и немецкой общественности вынудило западногерманское правительство пересмотреть вопрос о сроках давности, ФКС накануне нового обсуждения этого вопроса в кабинете министров принял решение от 22 апреля 1969 г., в котором вместо безусловного отклонения самой возможности применения давностных сроков к таким преступникам говорилось, что «продление сроков давности не является актиконституционным».

Глава III

Специальный идеологический аппарат государства

Структура собственно идеологического аппарата ФРГ, а также процесс его формирования во многом связаны с федеральным устройством ФРГ. Основной закон 1949 г. предусмотрел широкую компетенцию земель в области культуры и просвещения, что не могло не привести к значительному расширению системы и аппарата идеологических органов, поскольку они действовали на двух уровнях — федеральном и земельном. Однако решающие позиции сохранила в своих руках федерация и ее органы. То обстоятельство, что и школа и культура (театр, библиотеки, музеи, кино, радио и телевидение) требуют значительных денежных субсидий, которые сосредоточены в руках федерации и ею распределяются, усиливает ее позиции и в сфере идеологической деятельности. И если федеральное устройство само по себе привело к расширению системы идеологических органов и увеличению объема их деятельности, то процесс этот одновременно сопровождался в ФРГ централизацией усилий, укреплением начал централизованного руководства процессом выработки и применения средств идеологического воздействия.

Федерация создала многочисленные управления, ведомства, комиссии, советы, направляющие, координирующие и контролирующие всю эту область деятельности. Имеются органы, исключительную компетенцию которых составляют идеологические цели, и органы, которые сочетают реализацию своих профилирующих, ведомственных интересов с идеологической деятельностью в различных ее формах.

С точки зрения иерархической структуры головным органом по осуществлению идеологической деятельности, как уже говорилось выше, является глава правительства—федеральный канцлер, который по конституции наделен правом единолично определять и декларировать основные направления политики. Выдвинутые им политические концепции обязательны для всех членов правительства — федеральных министров и конкретизируются в деятельности соответствующих министерств. Эти направления канцлер разрабатывает с помощью специально созданного

ведомства федерального канцлера. В социал-демократическом составе правительства пост руководителя ведомства федерального канцлера занял бывший министр юстиции Хорст Эмке. Стремясь расширить влияние ведомства на деятельность министерств и тем самым укрепить позиции канцлера, Эмке провел значительную внутреннюю реорганизацию ведомства, увеличив численность служащих со 125 до 389 (руководящий контингент увеличен с 68 до 99 человек) и создав вместо трех пять функциональных отделов.

Впервые образован специальный отдел внутренней политики, к ведению которого относятся вопросы обеспечения внутренней безопасности, гражданской обороны, чрезвычайного положения и кризисной ситуации. Особое место занимает также вновь созданный отдел по вопросам планирования, прогнозирования, реформы управления.

Ведомство обеспечивает постоянную связь канцлера с министерствами, политическими партиями, союзами предпринимателей и иными учреждениями и организациями, содействует ему в осуществлении «политического планирования». Ведомство федерального канцлера — это инстанция, специально предназначенная для выработки основополагающих линий правительственной политики и главных тезисов по ее идеологическому обоснованию, которые затем принимают форму директив и подлежат реализации во всей системе органов государства.

Весьма важные в деле идеологической деятельности функции выполняет также специальный центр информации при правительстве — Служба печати и информации федерального правительства. Располагая многочисленным штатом сотрудников внутри страны и за границей и значительным бюджетом, Служба печати и информации выполняет две функции: 1) информирует президента и правительство о текущих событиях и состоянии общественного мнения; 2) информирует государственные органы и население о политике и деятельности правительства ФРГ. Однако, как это отмечалось в советской литературе, за этими вполне ординарными обязанностями кроется и неблаговидная деятельность центра «психологической войны», центра практического руководства идеологическими акциями [40]. Пять раз в неделю значительным тиражом выходит «Бюллетень Службы печати и информации» на семи языках.

Что касается разносторонних форм идеологической деятельности на уровне федеральных министерств, то здесь на первый план и по объему, и по значению в деле координации выступает министерство внутренних дел (МВД). Оно в сущности обрабатывает все вопросы внутренней политики в соответствии с за-

---

[40] «Антикоммунистическая пропаганда империализма. Доктрины. Аппарат». Изд-во «Международные отношения», 1971, стр. 274.

данным правительством идеологическим курсом. Этот аспект его деятельности предопределяется кругом вопросов, отнесенных к его компетенции. Это вопросы избирательного права и статуса политических партий, статуса чиновничества, вопросы конституции и ее «охраны», управления, государственной безопасности, культуры и просвещения, проблемы молодежи, печать, кино, радио и многое другое. Эти проблемы составляют ту главную почву, на которой и вызревают идеологические урожаи в ФРГ. Это те области государственной жизни, где непосредственным предметом регулирования выступают идеологические константы. Необходимость управления сложным идеологическим комплексом, предопределяет и самую организационную структуру МВД. Вокруг него и под его началом действует более 20 специализированных служб, ведомств, многие из которых концентрированно дублируют отдельные функции отделов министерства.

Важнейшим рупором МВД является Федеральный центр по вопросам политического образования[41]. Родословная этого западногерманского идеологического центра уходит корнями в прошлое.

В 1916 г., когда страна находилась накануне кризисной ситуации, кайзер издал указ о создании специального органа для ведения государственной пропаганды. Он получил наименование Имперского центра службы родине. С приходом к власти нацистов Центр в 1933 г. был преобразован в министерство пропаганды с чрезвычайно широкими полномочиями в деле тотального насаждения идей национал-социализма. Восстановленный в 1952 г. теперь уже как Федеральный центр службы родине, этот орган имел полувековой опыт и богатые «традиции». Его «новые» задачи были сформулированы крайне широко и неопределенно. Предусматривалась деятельность по «укреплению и распространению демократических и европейских идей в немецком народе, способствующих формированию устойчивого европейского сознания» [42]. Наряду с другими в качестве специальной указывалась задача противопоставления «свободных демократических представлений о государстве и обществе коммунистическим идеалам» [43]. Подобные далеко идущие цели абсолютно четко формируют лицо этой организации, которая выступает в качестве головной, координирующей и направляющей содержание идеологической деятельности в стране. Федеральный центр уделяет много внимания молодежи, в частности политической ориентации школы.

Организация, структура и формы деятельности Центра отражают, как в капле воды, мобильность, оперативность и масштабы

---

[41] До 1963 г. он именовался Федеральным центром службы родине.
[42] «Handbuch für die Bundesrepublik Deutschland». Köln, 1953, S. 100.
[43] Ibidem.

осуществления идеологической функции в ФРГ. Федеральный центр состоит из пяти рабочих групп, занимающихся вопросами издательской деятельности, кино, телевидения, педагогики и др.

Эти рабочие группы подразделяются на ряд реферативных подгрупп. Вторая рабочая группа, например, действует в семи направлениях, обеспечивающих издательскую деятельность. Она издает еженедельную газету «Дас парламент», приложение к ней «Аус политик унд цейтгешихте» и другую печатную продукцию, а также использует радио, телевидение, кино в деле политического образования.

При Центре, кроме того, был создан Парламентский консультативный совет бундестага из 15 членов со специально «лоббистской» миссией — вкрапливать идеи Центра в текущее законодательство, готовить по материалам Центра доклады и законопроекты для парламента относительно наиболее острых проблем политического образования в стране. Придавая этому направлению огромное значение, бундестаг щедро субсидирует деятельность Центра и в рамках бюджета МВД отпускает ежегодно все возрастающие суммы. Так, если в 1952 г. годовой бюджет Центра исчислялся в 1,4 млн. марок, то в 1965 г. он возрос до 11,5 млн. марок. Соответственно расходы по штатному расписанию возросли с 402 тыс. марок в 1954 г. до 1 млн. марок в 1965 г.[44]

Весьма показателен также рост печатной продукции. Тираж еженедельной газеты «Парламент» возрос с 36 тыс. экземпляров в 1953 г. до 100 тыс. экземпляров в 1964 г. Школы и общественные организации имеют право бесплатной подписки. Серия «Штаатсбюргерлихе информацион», в основном предназначенная для воздействия на формирование мировоззрения учителей, увеличилась с 600 тыс. до 800 тыс. экземпляров. Кроме того, за период с 1959 г. центр распространил 75 тыс. книг, 120 тыс. брошюр, 1,2 млн. специальных выпусков и 2 тыс. фильмов, снятых по его заказам[45].

Регулирование работы школы и разграничение компетенции в условиях федерального устройства, по которому просвещение отнесено к ведению земель, с неизбежностью предопределили двухзвенную структуру и создание во всех землях филиалов Федерального центра политического образования. На конференции глав правительств земель в Мюнхене 5—6 февраля 1954 г. было принято решение создать в землях органы прямого идеологического воздействия на всю систему местных учебных заведений. Повсюду в течение 1954 г. были созданы на государственной основе специальные органы[46], выступающие, правда, под разными

---

[44] DdZ, 366/14.

[45] Ibidem.

[46] За исключением земли Баден-Вюртемберг, где этот орган имел форму автономного образования.

вывесками и в различной ведомственной принадлежности. Например, в земле Нижняя Саксония эти органы находятся в ведении и подчинении государственной канцелярии. В Гамбурге первый бургомистр возглавляет ведомство политического образования. В земле Шлезвиг-Гольштейн аналогичное ведомство создано при министерстве культуры и просвещения. В земле Северный Рейн-Вестфалия оно существует на правах отдела министерства внутренних дел, а в Баварии подчинено премьер-министру и т. д. Однако принципиального значения факт ведомственной принадлежности не имеет, поскольку эти органы действуют под эгидой Федерального центра и составляют во главе с ним достаточно централизованный механизм.

Принцип децентрализации распространяется лишь на область финансов. Каждая земля ежегодно из своего бюджета отчисляет довольно ощутимые для нее суммы, и в этом основной практический смысл ведомственных привязок. Земли покрывают расходы по соответствующей статье федерального бюджета почти на 80% (что в денежном выражении составляет около 10 млн. марок). Созданные в землях идеологические центры также действуют в двух формах: распространяя политические идеи путем издания огромного количества печатной продукции и через устную пропаганду в форме организации семинарских занятий, курсов, конференций, съездов.

Рассмотрев структуру и организацию деятельности Федерального центра, необходимо показать и содержание его идеологической деятельности, поскольку это головной орган в системе идеологического механизма ФРГ, влияние которого на формирование политического сознания молодежи трудно переоценить. Он непосредственно создает тот политический и духовный микроклимат в школе, в среде подростков и молодежи, который становится фундаментом формирования ее политического мировоззрения.

В течение 20 лет, когда власть находилась в руках правого партийного блока ХДС/ХСС, непрерывное всеобщее «промывание мозгов» осуществлялось таким образом, чтобы забить молодые головы реваншистскими, милитаристскими идеями, ненавистью к социалистическим идеалам, оправдать опасный для нации процесс восстановления в государстве политических и экономических позиций монополистического капитала.

Антикоммунизм — оголтелый, неприкрытый — в течение долгого времени был альфой и омегой в деятельности Федерального центра политического образования. В этом отношении «лучшую» рекламу антикоммунистической направленности Центра делали его сотрудники, ведущими среди которых стали «марксоведы» — откровенные антикоммунисты Майснер, Бохенски, Тальхейм, Ламберц, фон дер Хейдте и др. Однако реваншистская идея о восстановлении «Великой Германии» в ее прежних границах

оказалась в историческом и конкретно-политическом отношении полностью несостоятельной. Развитие Европы шло под знаком сначала фактического, а затем и международноправового признания иных принципов.

Наряду с Центром, который прямо и непосредственно выполняет идеологическую миссию, следует назвать другой орган, созданный при МВД,— Федеральное ведомство по охране конституции, возглавляющее систему одноименных ведомств во всех землях ФРГ. Согласно закону от 27 сентября 1950 г. непосредственная задача этих ведомств состоит в сборе и оценке сведений, сообщений и других материалов, сигнализирующих о попытках, направленных на ликвидацию, изменение или нарушение Конституции. Естественно, возникает вопрос, вписывается ли Ведомство в систему идеологических органов, выполняет ли оно чисто идеологическую функцию?

Конечно, его деятельность носит превентивно-карательный характер. Но ясно и другое. Систематическая слежка за умонастроениями и тайная осведомительская деятельность официально существующего органа с неизбежностью формируют в обществе коллективную психологию страха, подозрительности, политической индифферентности, т. е. порождает сумму определенных социально-психологических эмоций и настроений. Ведомство в косвенной форме создает определенный политический климат и тем самым выполняет важную идеологическую миссию. Эта его деятельность приобретает тем более широкий размах, что она проводится в тесном взаимодействии и прямых контактах с полицией. Так, скажем, для проведения обысков и арестов Ведомство пользуется услугами находящихся в его распоряжении специальных полицейских органов и подразделений. Однако основное содержание деятельности Ведомства составляют секретные, тайные операции, которые, несмотря на провозглашение принципа «правового государства», не подлежат юрисдикции ни одной судебной инстанции, и, следовательно, граждане остаются беззащитными перед лицом этого органа, не располагая элементарными правовыми гарантиями.

Характер работы секретной службы имеет решающее значение при подборе кадров, и это же объясняет тот широко известный факт, что в органах «охраны конституции» и связанных с ними подчиненных учреждениях долгие годы, как правило, подвизались старые и опытные сотрудники «СС» и гестапо. Объясняя это, обычно ссылаются на то, что бывшие сотрудники гестапо являются крупными специалистами своего дела. В статье «Не охрана, а охранка»[47] известный западногерманский политический комментатор Рихард Шмид, оценивая деятельность ведомства по охране конституции в свете исторического опыта

[47] «Die Zeit», 16.VI 1965.

Германии, заключает, что «в решающие критические моменты не существует более действенной защиты конституции, нежели стихийная готовность народа бороться за нее. Что же касается органов власти и ведомств, то они порой оказываются в руках именно тех лиц, которые намереваются нарушить конституцию или не в состоянии ее защитить».

При МВД действует и другой очень важный идеологический центр — Ведомство краеведения, созданное в соответствии со ст. 130 Конституции ФРГ. На него возложена внешне, казалось бы, нейтральная функция — собирать, обрабатывать и публиковать информацию широкого профиля о любой стране. На деле такого рода материалы оказываются публикациями определенной политической ориентации, пропагандистскими боевиками антикоммунистической направленности. Ведомство разрабатывает всевозможные справочники, карты, схемы по различным аспектам политической, социальной, культурной, экономической жизни тех или иных стран. В поле зрения Ведомства постоянно находятся социалистические страны. В этом отношении Ведомство уподобляется разведывательному и пропагандистскому центру. Ведомство координирует деятельность многочисленных автономных институтов, объединений, учреждений, публикаций.

В системе федеральных министерств в роли одного из ведущих в плане формирования государственной идеологии наряду с МВД выступает министерство по внутригерманским отношениям, компетенция которого сведена к проблеме воссоединения Германии. До 1969 г. оно называлось министерством по общегерманским вопросам. И если к моменту создания этого министерства в 1953 г. в штатах его едва насчитывалось несколько десятков сотрудников, то ныне его персонал превышает 700 человек. Такое разбухание штатов представляется вполне объяснимым: министерство выполняет сложные и емкие идеологические функции. В Положении об этом министерстве указывается, что оно «постоянно наблюдает за ходом социально-политического развития, за историей и культурой в советской зоне оккупации и немецких восточных областях». Таким образом, уже эта географическая оговорка о сфере деятельности министерства несла в себе тот самый реваншистский заряд, который определял идеологическую атмосферу в ФРГ в течение многих лет.

Провокационно-реваншистскую подоплеку имеет также и специальная миссия министерства по сбору и составлению «данных» относительно имущества, которого лишились беженцы из восточных областей. Несомненно, что подобная деятельность подогревает реваншистские страсти в сердцах беженцев, число которых в ФРГ ныне составляет несколько миллионов человек. Лелея иллюзии по поводу возможностей восстановить свой прежний социально-экономический статус, часть переселенцев фор-

мирует ту социальную среду, которая питает самые бредовые реваншистские планы и требования. Повседневная идеологическая активность министерства обеспечивается благодаря повседневной пропаганде через публикации, радио, кино, конференции, слеты и т. д.

Важную роль в деле формирования идеологии играет отдел МВД по делам беженцев, существовавший до 1969 г. как самостоятельное министерство по делам беженцев. Это министерство концентрировало свое внимание на задаче использования беженцев в определенных политических целях. Осуществляя общее руководство деятельностью многочисленных организаций и одновременно выступая их духовным наставником, министерство на протяжении долгих лет содействовало формированию реваншистских планов.

Координируя деятельность 23 землячеств и их центральных органов, это министерство всячески способствовало созданию разветвленной системы институтов, учреждений и комиссий, основной функцией которых стала пропаганда реваншизма. Эти институты и учреждения, как правило, финансировались частично из федерального или земельных бюджетов либо за счет специализированных частных фондов и отчислений монополистических объединений, например Союза германской промышленности и т. п. Обычно они создаются и действуют под маркой научно-исследовательских или культурно-просветительных учреждений типа Норддейче академи, Института эмпирической социологии и т. д. В действительности это замаскированные разведывательные центры, постоянно занимающиеся сбором сведений и информации о состоянии политического и экономического развития социалистических стран.

Под патриотическим лозунгом «Сохраним любовь к отчизне!» мутным потоком льются лживые, антисоветские измышления, клеветнические публикации. Так, Институт по изучению СССР издает великое множество злобных писаний, содержащих полную дезинформацию о положении в Советском Союзе, Польше, Чехословакии, ГДР и других социалистических странах.

Характеристика государственных органов, формирующих идеологию, получилась бы явно неполной без анализа такого важного и по значению и по объему участка государственной деятельности, как культура и просвещение.

Здесь наблюдается явное преобладание федерального начала, которое, как уже отмечалось, было узаконено в 1969 г. путем изменения ст. 75 Конституции. Федерация получила право издавать основополагающие предписания о высшей школе. Созданные во всех землях специальные министерства культуры и просвещения номинально являются высшими органами, компетентными по этим вопросам, однако их деятельность координируется,

направляется и проверяется великим множеством дополнительных органов федерального подчинения, в конечном итоге образующих как бы федеральный эквивалент. С помощью этого аппарата федерация осуществляет централизованное руководство делом культуры и просвещения.

Итак, речь идет о двухзвенной системе органов.

В землях рабочим центром выступает министерство культуры и просвещения, сфера деятельности которого охватывает всю систему начального, специального и высшего образования, детских и юношеских воспитательных учреждений, культурных учреждений — музеев, библиотек, театров и т. д.

В соответствии, например, с законом земли Баден-Вюртемберг от 8 июля 1952 г. о разделении компетенции к ведению министерства культуры относятся: просвещение и воспитание; развитие спорта; развитие науки и искусства, охрана природы, охрана памятников культуры; радио, телевидение, пресса, кино, издательское дело.

Будучи высшим органом государства по надзору за учебной и воспитательной деятельностью школ и за служебной деятельностью преподавательского персонала, министерство культуры и просвещения окружило себя густой сетью вспомогательных, консультативных органов. Так, в земле Баден-Вюртемберг вопросами школы и воспитания занимаются наряду с министерством еще 5 советов: Постоянный совет по планированию дела просвещения из 10 лиц — «выдающихся знатоков» дела образования; Постоянный совет по вопросам высшей школы — из 14 профессоров высших учебных заведений; Школьный совет земли — из 35 представителей от родителей, учителей, церкви, религиозных обществ, объединений предпринимателей и рабочих. Этот Совет призван консультировать министерство земли по вопросам о необходимости проведения тех или иных мероприятий в области школьной политики. Наряду с этим создан так называемый Родительский совет земли из 32 членов. Он консультирует министерство по вопросам учебного процесса и воспитания. Кроме того, в земле действует еще один Совет по делам юношества, занимающийся также и широким кругом внешкольных проблем, связанных с положением юношества в обществе.

Выполняя функцию государственного надзора за школой, предопределенную ст. 7 Основного закона, министерство культуры и просвещения земли Баден-Вюртемберга в своем составе имеет специальный отдел и разветвленную систему местных органов по осуществлению надзора за школой и управления ею. Это 4 высших ведомства земли (в составе которых работают 84 референта) и им подведомственные 59 государственных школьных управлений, ответственными чиновниками которых являются 140 советников. Всего в системе надзора и управления школьными делами этой земли занят 671 человек; если учесть, что

здесь работают 45 444 учителя, то на 100 учителей приходится 1,4 чиновника [48].

Однако органы по управлению культурой и просвещением в землях, несмотря на предоставленное им в этой области законодательное верховенство, испытывают на себе давление со стороны постоянно действующих центров, корпораций, фондов, учрежденных либо сепаратно федерацией, либо совместно с землями.

Известно, что компетенция министерства культуры и просвещения слагается из вопросов относительно строительства школ и учебных заведений, создания новых кафедр, назначения чиновников, учреждения стипендий и др. Однако естественно, что их реализация в конечном счете зависит от наличия необходимых денежных средств, распорядителем которых выступают указанные центры и фонды.

Миссию общефедерального органа по вопросам культуры и просвещения выполняет Постоянная конференция компетентных министров земель, созданная в 1948 г. Своеобразие правового положения Постоянной конференции проистекает из того немаловажного обстоятельства, что этот орган, составленный из представителей исполнительной власти земель, не подлежит парламентскому контролю, но сам выполняет законодательную функцию: его решения обладают силой высших и общеобязательных предписаний. Собственно, именно он и проводит «рабочее» регулирование всех важнейших проблем просвещения. В этом смысле Конференция как бы заменяет отсутствующее федеральное министерство культуры и просвещения. Она унифицирует и централизует в рамках федерации работу начальной и высшей школы. Собираясь на ежегодные сессии, этот форум обсуждает актуальные вопросы и принимает по ним согласованные решения. В первом основополагающем документе, принятом в июне 1950 г., министры земель изложили основные принципы и руководящие начала системы политического образования в школе. Одновременно Конференция приняла решение о создании специального института, занимающегося изучением вопросов школьного образования и воспитания. Даже самое общее знакомство с системой государственных органов, осуществляющих руководство делом школьного образования в ФРГ, приводит к выводу о том, что основное внимание здесь уделяется проблеме политической ориентации школы. Чрезвычайными полномочиями в этой области располагает Федеральный центр по вопросам политического образования.

Вмешательство западногерманского государства и его органов в область культуры и просвещения принимает все больший размах. И здесь весьма показателен не только процесс разбу-

[48] «Verwaltungsblatt — Baden-Würtemberg», 6.VI 1966, S. 81.

хания уже существующего ведомственного аппарата, но и создание в недрах отраслевых министерств, казалось бы не имеющих отношения к вопросам культуры, специальных отделов. Это, например, специальный Совет при федеральном министерстве иностранных дел, занимающийся вопросами пропаганды немецкой буржуазной культуры за границей. В составе федерального министерства обороны имеется специальный отдел, который, помимо прямой пропаганды военной политики, оказывает постоянное давление на прессу и школу. Идеологическая деятельность отраслевых министерств на ниве культуры и просвещения, однако, не остается стихийной; напротив, она увязывается с деятельностью органов культуры в землях через специально созданный в 1962 г. при МВД межминистерский комитет.

В системе идеологических органов западногерманского государства значительный удельный вес имеет радио и телевидение.

Печальный опыт Веймара и тоталитарная практика национал-социализма породили после окончания второй мировой войны требование о закреплении в законе гарантий, обеспечивающих независимое положение радио. В 1950 г. оккупационные власти издали «Закон № 1096», содержащий общие правовые положения о статусе радио. Закон должен был послужить образцом при издании конкретных актов в землях. В его тексте специально оговаривалось, что радио должно быть независимым, что оно не будет содействовать реализации требований какой-либо партии, отдельного вероисповедания или мировоззрения. Оно ни прямо, ни косвенно не станет орудием правительства, каких-либо групп или личностей, но будет служить интересам всего народа свободно, открыто и бескорыстно (п. 2 § 2) [49]. Закон, утверждая в качестве обязательной правовой формы статус учреждения публичного права, предусматривал следующую организационно-правовую структуру радио. Головным органом является Совет радио, создаваемый на паритетно-плюралистических началах. В соответствии с этим в его состав избираются представители различных социально-политических групп и организаций. В § 4 закона давался их приблизительный перечень: церковь (евангелическая, католическая, свободная), высшая школа, профсоюзы, союзы крестьян, промышленные и торговые объединения, советы городов, общин, творческие союзы, землячества и объединения беженцев и перемещенных лиц [50]. Исполнительный орган Совета — Административный совет, создаваемый на паритетных началах Советом, ландтагами и правительством. И, наконец, главный администратор радио — интендант, непосредственно отвечающий за составление программы вещания. Он избирается Сове-

---

[49] «Das gesammte Recht der Presse, des Buchhandels, des Rundfunks und des Fernsehens», Bd. II, 1953, S. 455.

[50] Ibid., S. 456—457.

том по рекомендации Административного совета сроком на 4 года.

На основании этого закона в землях были приняты местные законы, оформившие создание радиостанций территориально-ограниченного радиуса действия также со статусом публичных корпораций: Западногерманское радио Кёльна, Северогерманское радио, Южногерманское радио, Гессенское, Бременское, Баварское радио и т. д. [51]

Несмотря на установленные законами меры, призванные обеспечить нейтралитет радио и оградить его от угрозы влияния правительственных и иных политических группировок, вопрос этот стал очень актуальным. После того как федеральное правительство приняло решение о создании второй телевизионной программы в качестве общефедеральной государственной, дело дошло до вмешательства Федерального конституционного суда. Он рассмотрел жалобу земель и указал в своем решении от 28 февраля 1961 г., что в соответствии со ст. 5 Основного закона современные средства формирования общественного мнения не могут использоваться односторонне ни государством, ни общественными группировками, в них должны быть представлены все силы, выражающие общественное мнение [52]. Однако, как указывалось в многочисленных комментариях к этому решению, Суд оставил открытым вопрос о том, на основании каких критериев может быть установлено разумное равновесие общественных сил. Практически система представительства создается с помощью количественных показателей. Например, в Совете баварского радио наряду с ландтагом, сенатом и правительством представлены 24 различные группировки и организации, тогда как в Совете гессенского радио — только 10 общественных объединений. Таким образом, количество и перечень участвующих организаций определяет по своему усмотрению правительство земли.

Оценивая реальную ситуацию, сложившуюся на радио, многие западногерманские юристы пытаются оправдать ее тем, что ст. 5 предполагает независимость радио только от парламента и правительства, но не вообще от государства [53]. Одни считают, что выведенный ФКС из ст. 5 Основного закона принцип свободы радио от всякой государственной интервенции и освобождение от массированного давления при составлении программ

[51] Вещание двух общефедеральных компаний «Радио Германии» и «Немецкая волна», а также созданных западными оккупационными властями и ныне субсидируемых американскими разведывательными центрами радиостанции, «Свобода», «Свободная Европа» и западноберлинской РИАС, территориально не ограничено.

[52] «Das gesammte Recht der Presse, des Buchhandels, des Rundfunks und des Fernsehens», Bd. II, S. 48.

[53] H. Lenz. Staatliche Neutralisierung. «Juristenzeitung», 1963, N 11/12, S. 338.

в правовом и в организационном отношении является недостаточным. На практике, поясняют другие, предусмотренный механизм представительства действует с перебоями, ибо внутри каждой группы обычно возникают противоречия между руководством объединения и его членами [54]. Все критики, однако, единогласно признают, что борьба за посты на радио и телевидении происходит между партиями. Человеку вне партии невозможно получить какое-либо место в общем Совете или Административном совете; тем более это замечание справедливо в отношении поста интенданта.

Огромные возможности современного буржуазного государства в области культурной политики реализуются и приумножаются благодаря высокому уровню развития техники и современным способам массового изготовления «произведений искусства». Реализация этих возможностей, однако, приводит к насаждению в искусстве стандартов, штампов, изданий миллионными тиражами дешевых брошюр, обеспечивающих выпуск в свет «нужных» идей.

Одной из важных особенностей идеологической обработки населения в ФРГ, характерной, впрочем, и для других капиталистических стран, стал процесс концентрации издательского дела. Концерны Акселя Шпрингера, Адама Крафта и других превратились в фабрики по формированию общественного мнения, заполняющие книжные рынки литературой определенного сорта.

Идеологическая активность монополий в печатном деле вызывает законное беспокойство в правительственных кругах СДПГ. В специальной статье «Свобода печати и демократия» федеральный канцлер Вилли Брандт расценивает экономическую концентрацию печатного дела, которая приводит к политическому дирижизму, как реальную опасность для интересов мира в Европе [55]. Правительство планирует ввести «контроль за слияниями в области печатного дела» [56].

Провозглашая свободу печати, радио и телевидения, п. 1 ст. 5 Основного закона одновременно запрещает введение цензуры (во всяком случае предварительной). Однако в период 20-летнего пребывания у власти правительственных группировок, возглавляемых ХДС/ХСС, издавались законы, которые вводили прямые запреты на оппозиционную политическую литературу. К примеру, в 1961 г. был принят закон о запрещении ввоза газет и дру-

---

[54] W. Abendroth, H. Lenz. Einführung in die politische Wissenschaft. Bern — München, 1968, S. 302.

[55] См. «Vorwärts», 12.II 1970, S. 2.

[56] Речь идет о том, чтобы закон о контроле за картелями дополнить положениями, распространяющими его ограничительное действие и на предприятия печати («Die öffentliche Verwaltung», 1971, H. 4, S. 127).

гой политической литературы из ГДР [57]. Уголовный кодекс квалифицирует в качестве государственного преступления «распространение брошюр и газет, призывающих к подрыву конституционного строя в ФРГ» (§ 84 и другие УК ФРГ).

Наряду с введением такого рода специальных запретов правительство ХДС/ХСС обеспечивало господство своей идеологии в качестве государственной и путем применения откровенных карательно-репрессивных акций. Достаточно характерным в этом отношении представляется дело журнала «Шпигель». В 1962 г. журнал опубликовал несколько статей относительно милитаризации ФРГ, и в том числе статью «Фаллекс-62», о проведении на ее территории объединенных маневров войск НАТО при активном участии западногерманских военачальников. Министр обороны Штраус при поддержке канцлера Аденауэра обвинил сотрудников журнала в государственной измене и добился издания приказа об их аресте. Истинной причиной и непосредственным поводом, однако, были другие публикации, в которых журнал поместил разоблачительные материалы о жульнических махинациях самого Штрауса и ответственных чиновников его министерства. Дабы запугать органы печати и преподать им суровый урок [58], и были проведены аресты, обыски, конфискованы материалы редакции, закрыты помещения издательства и типографий. Началось следствие и затем судебное разбирательство в Федеральной судебной палате. За отсутствием доказательств суд вынужден был прекратить процесс. Противоправные действия властей, как противоречащие свободе печати (ст. 5 Основного закона), редакция журнала обжаловала в ФКС. Однако последний жалобу отклонил, сославшись на то, что свобода печати в ФРГ не абсолютна и не безусловна, а находит свои пределы в общих законах, к которым относятся и уголовные законы.

Важной формой идеологической деятельности западногерманского государства стал экспорт «идеологических ценностей» за границу, в частности в молодые государства Африки, Азии, а также Латинскую Америку. «Культурная» экспансия здесь, однако, служит лишь завесой, удобным камуфляжем экономической и политической экспансии.

Федеральное правительство Эрхарда создало с этой целью специальный Немецкий фонд помощи слаборазвитым странам, который субсидирует конкретные мероприятия по координации идеологической деятельности в различных странах. В 1962 г., например, на средства Фонда было организовано 16 международных семинаров, на которые приглашались деятели печати, радио, телевидения из стран Африки и Азии.

---

[57] BGBl, 1961, I, S. 607.

[58] Это объяснение мы находим в статье западногерманского политолога Т. Эшенбурга («Der Spiegel», 1965, № 22).

Широко распространена деятельность по созданию различных обществ «Югендбрюкке». Их цель — под видом контактов и развития дружбы пропагандировать, насаждать западногерманский образ жизни и мысли. ФРГ щедро финансирует поездки многочисленных групп молодых немцев в «рейсах дружбы». Не меньшее значение в последние годы получила форма полного субсидирования строительства в Африке и Азии специальных школ, которые одновременно укомплектовываются западногерманскими преподавателями, учебниками и учебными программами.

Включившись в активную борьбу за влияние в «третьем мире», ФРГ запланировала обширную программу. Среди капиталистических стран ФРГ стоит сейчас на втором месте после США по объему средств, выделяемых на проведение различного рода мероприятий, связанных с экономическим и политическим проникновением в развивающиеся страны. Лишь в 1966 г. на эти цели было израсходовано 4,5 млрд. марок[59]. Экономические демарши сочетаются с пропагандистскими идеологическими акциями. Более того, они всегда тесно переплетаются и обеспечивают необходимый эффект. Наряду с участием в строительстве промышленных предприятий, дорожных магистралей и т. д. Западная Германия строит культурные и медицинские учреждения, учебные центры и радиостанции, приглашает к себе на учебу большое число студентов и т. п. Взаимодействие этих направлений боннской политики очевидно. Так, учебные заведения, построенные на средства ФРГ и укомплектованные западногерманскими специалистами, становятся активными проводниками западногерманского влияния в экономике, а также в сферах политической и общественной жизни этих стран.

В идеологической деятельности правительства ФРГ немаловажную роль играет «Немецкая служба развития», занимающаяся вербовкой специалистов в развивающиеся страны. Ее представители действуют сейчас уже в 20 странах, а их общая численность превышает 1000 человек. Служба развития является второй после американского «Корпуса мира» по значению и численности организацией такого рода.

Еще одной важной сферой приложения идеологической функции в ФРГ выступает формирование политического сознания государственных служащих — чиновников. Своеобразием этого процесса является его двуединый характер, ибо, с одной стороны, чиновничество — это объект приложения идеологической функции, а с другой, осуществляя функцию государственного управления, чиновники сами становятся субъектами насаждения государственной идеологии.

---

[59] См. В. Петров. Боннские филантропы. «Известия», 10 мая 1967 г.

Определяемые целой серией законодательных актов, отношения государства и чиновника в ФРГ основываются на откровенно сформулированном требовании уважать существующий строй и воздерживаться от критики его.

О характере подбора кадров наглядно свидетельствует тот факт, что до сего времени действует решение правительства Аденауэра (1950 г.) о запрещении занимать государственные должности членам КПГ и родственных ей организаций. Принцип «верноподданства», ограждающий чиновника от чуждых интересам правящей верхушки политических влияний, неоднократно подтверждался и в решениях Федеральной дисциплинарной палаты. Палата постоянно указывала на правовую обязанность чиновников во всем руководствоваться «основами свободного демократического строя», предусматриваемыми Конституцией ФРГ, и способствовать сохранению этого строя [60].

Весьма откровенным представляется на сей счет мнение сенатора Федеральной дисциплинарной палаты Альберца, изложенное в 1963 г. на юбилейном заседании по поводу 10-летия образования Палаты. Он приветствовал учреждение верховного судебного органа, единого для чиновников и военнослужащих, Альберц обратил особое внимание на то, что избрание в качестве резиденции суда Западного Берлина имеет не только политическое значение, но и должно знаменовать в глазах чиновников преемственность и незыблемость прусских и берлинских традиций. Что касается роли самого суда, то она усматривается прежде всего в том, чтобы укреплять у чиновников сознание ответственности перед государством [61].

Идеология чиновничества, политические симпатии чиновников государственного аппарата — важнейшие составные элементы, которые оказывают непосредственное влияние на сущность политического режима ФРГ. Именно идеологические позиции чиновничества и его удельный вес в процессе реализации государственной власти в значительной мере определяют характер государственного строя. Западногерманский философ Карл Ясперс свидетельствовал, что «формировавшееся на протяжении веков бюрократическое государство (Obrigkeitsstaat) все еще в силе... Чувство преданности начальству снизу доверху, готовность к слепому повиновению и послушанию, идея, что правительство всегда действует правильно и не способно заблуждаться»,— вот те основные заповеди, которые составляют идеологическое кредо западногерманского чиновника [62].

Анализ целей и содержания идеологической деятельности государства в ФРГ, а также ознакомление с разветвленным госу-

---

[60] Цит по: «Die öffentliche Verwaltung», 1963, H. 5, S. 180.
[61] Ibidem.
[62] Цит. по: «Der Spiegel», 1966, N 18.

дарственным механизмом, эту деятельность осуществляющим, убеждают в том, насколько серьезное место отводится в ФРГ идеологической функции государства. Идеологическая деятельность, направленная на убеждение массы населения в нерушимости существующего общественно-политического строя, стала одной из важнейших предпосылок его сохранения. В свете изложенного можно по достоинству оценить серьезные трудности, стоящие перед демократическими силами страны в их борьбе за формирование в массах прогрессивных представлений о перспективах развития Западной Германии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. К общей характеристике идеологической деятельности современного империалистического государства

Глава I. Вводные замечания 4
Глава II. Идеологическая деятельность как функция империалистического государства 14
Глава III. Идеологический аппарат капиталистического государства 22
Глава IV. Основные сферы идеологической деятельности империалистического государства 31

Раздел II. Идеологическая деятельность государства в США

Глава I. Общая характеристика 44
Глава II. Идеологическая деятельность органов государства . 75
Президент, Верховный суд, Конгресс 75
Идеологическая деятельность вооруженных сил и органов охраны порядка 82
Глава III. Система цензуры и лицензий 87
Глава IV. Внешняя идеологическая деятельность . . 95

Раздел III. Идеологическая деятельность английского государства

Глава I. Общая характеристика 110
Глава II. Идеологический аппарат государства . 119
Служба информации 119
Органы внешнеполитической пропаганды . 127
Военно-идеологический аппарат 131
Органы государственного руководства радиовещанием и телевидением 133
Глава III. Государственный аппарат в области образования, науки и искусства 144
Глава IV. Цензура и иные формы государственного контроля над идеологической деятельностью 150

Раздел IV. Идеологическая деятельность государства во Франции

Глава I. Общая характеристика 153
Глава II. Государственный идеологический аппарат в сфере информации и пропаганды 167
Глава III. Руководство культурой, наукой и образованием . . . 181

Раздел V. Идеологическая деятельность государства в ФРГ

Глава I. Общая характеристика 190
Глава II. Конституционный механизм на службе официальной идеологии 202
Глава III. Специальный идеологический аппарат государства . 216

Идеологическая деятельность современного империалистического государства

Утверждено к печати
Институтом государства и права
АН СССР

Редактор *Р. Х. Вильданов*
Редактор издательства *Н. К. Воеводенко*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 21/II 1972 г. Подписано к печати 15/V 1972 г.
Формат 60×90¹/₁₆ Бумага № 2
Усл. печ. л. 14,75. Уч.-изд. л. 14,3 Тираж 6000 экз.
Т-05100 Тип. зак. 4934
Цена 91 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»